26.8(8)
Б 72
70468

С. П. БОБИНЪ

Австралія и Океанія

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

1941
Включено
в
каталог

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

130

3 50468

Книги для современной школы.

30

268
Б72

С. П. БОБИНЪ.

1987

Австралія и Океанія.

Географическая хрестоматія.

5068

Инв. 1969
№ 3046

ВЫПУСКЪ 2-й.

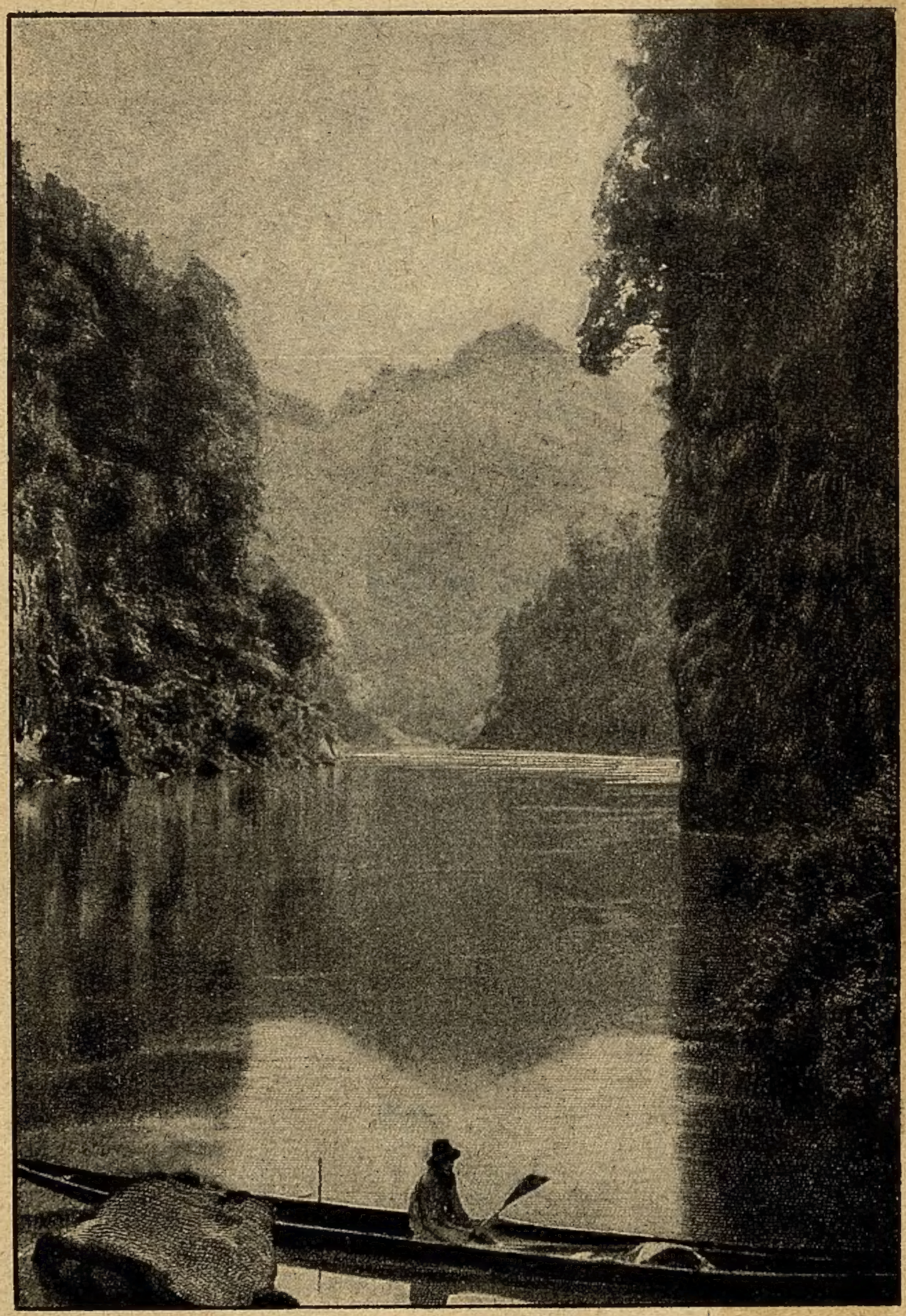
ПРОВЕРЕНО 1935 г.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1908.

Австралія

и Океанія.



Рѣка Вангануи въ Новой Зеландіи.

Отъ составителя.

Въ нашей литературѣ можно найти цѣлый рядъ отлично составленныхъ книгъ, имѣющихъ въ виду описаніе отдѣльныхъ частей свѣта. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи Австраліи. И, тѣмъ не менѣе, преподаватель географіи испытываетъ большое затрудненіе при выборѣ матеріала для домашняго чтенія учениковъ. Это объясняется тѣмъ, что большинство такъ называемыхъ популярныхъ книгъ предполагаетъ взрослаго читателя, а географія изучается въ младшихъ классахъ школы. Естественно, что и матеріалъ нашей популярной литературы значительно разнится отъ того, который долженъ предлагаться элементарнымъ курсомъ. Бѣгло просматривая оглавленіе настоящей хрестоматіи, легко замѣтить пробѣлы, напримѣръ, почти отсутствуютъ статьи о политическомъ и общественномъ строѣ австралійскихъ колоній. Такая неполнота книги вытекаетъ изъ того, что издаваемая хрестоматія имѣетъ строго опредѣленное содержаніе элементарнаго курса.

Слова „строго опредѣленное содержаніе“, быть-можетъ, слѣдуетъ подчеркнуть и объяснить. При той неопредѣленности, которая сейчасъ отличаетъ методы преподаванія географіи и самое содержаніе предмета, эти слова, конечно, могутъ вызвать недоумѣніе. Кто „опредѣлилъ“ это содержаніе и на какихъ основаніяхъ? Я прошу тѣхъ, кто пожелалъ бы познакомиться подробно съ основаніями, на которыя опирается моя работа, обратиться къ нормальнымъ программамъ ге-

ографіи для коммерческихъ училищъ Министерства Торговли и Промышленности, выработаннымъ и напечатаннымъ въ текущемъ году, и объяснительнымъ запискамъ къ нимъ. Эти программы я считаю исключительно правильными и построенными на разумныхъ педагогическихъ основаніяхъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о началахъ, которыя легли въ основу программъ, которыя объясняютъ содержаніе курса и его раздѣленіе по классамъ. Считаю нужнымъ только отмѣтить, что сокращеніе или выбрасываніе извѣстныхъ отдѣловъ общей географіи дѣлается въ этой книгѣ отнюдь не потому, что я считаю ихъ ненужными или несущественными. Наоборотъ, по моему мнѣнію, нѣтъ ни одного отдѣла географіи, которымъ можно было бы пожертвовать безъ серьезнаго ущерба для общаго образованія; но каждый отдѣлъ долженъ быть преподаваемъ во-время, то-есть курсъ географіи, какъ и всѣ другіе предметы, непремѣнно долженъ соотвѣтствовать возрасту учащихся, почему наиболѣе трудное для усвоенія цѣлесообразно переносить въ высшіе классы. Фактъ колонизаціи Австраліи, напримѣръ, долженъ находить себѣ мѣсто въ элементарномъ курсѣ; вопросамъ же колоніальной политики европейскихъ государствъ здѣсь не мѣсто, имъ можетъ быть данъ просторъ въ заключительныхъ курсахъ антропогеографіи (6 кл.) и экономической географіи (7 и 8 кл.).

Каждый томикъ настоящаго изданія имѣетъ въ виду какую-нибудь большую часть курса. Одинъ изъ нихъ будетъ посвященъ Азіи, другой — Средиземноморью и т. д. Въ ближайшую очередь вошли: 1) Общій обзоръ земного шара въ связи съ очерками Европейской Россіи преимущественно съ точки зрѣнія ландшафта (курсъ 2 класса коммерческихъ училищъ), 2) Австралія и Океанія и 3) Африка.

Едва ли нужно говорить, что и авторъ настоящаго предисловія могъ бы указать много погрѣшностей въ этой книгѣ. Нѣкоторыя статьи онъ могъ бы замѣнить уже теперь гораздо болѣе живыми и интересными; на другихъ статьяхъ онъ видитъ досадные результаты спѣшности работы по составленію и редактированію, замѣчаетъ корректурные недочеты и т. д.

Переходя къ источникамъ, изъ которыхъ заимствованъ матеріалъ для книги, надо поставить на первомъ мѣстѣ нашу учебную литературу, исчерпать которую, хотя бы до нѣкоторой степени, составителю хрестоматіи необходимо было прежде всего. Всякая хрестоматія, пріучая ученика къ самостоятельному чтенію, является естественнымъ переходомъ къ книгѣ, рекомендованной хрестоматіей и преподавателемъ.

Вотъ перечень этихъ книгъ: С. Меча: „Австралія“ (статья хрестоматіи: „Путешествіе Кука“ и отчасти: „Кенгуру“); П. Вольногорскаго: „По бѣлу свѣту. Страна живыхъ ископаемыхъ“ („Эму“, „Природа Новой Гвинеи“); Д. Коропчевскаго: „Первые уроки этнографіи“ („Австралійцы“, „Умственная жизнь австралійцевъ“ и „Вѣрованія австралійцевъ“); Н. Рубакина: „Путешествія на край свѣта. У людоѣдовъ. Путешествіе Люмгольца“ („Открытіе материка“, „Охота на опоссума“, „Борбоби“, „Бесѣда съ людоѣдомъ“); Н. Березина: „Три путешествія Кука“ („Изъ путешествій Кука“) Л. Куріяновой: „Австралія“ („Овцеводство“, „Стрижка овецъ“, „Добываніе золота“). Проф. Виппера: „Курсъ новой исторіи“ („Начало австралійскихъ колоній“).

Изъ журнала „Дѣтское Чтеніе“ взята статья: „Подвигъ Миклухи Маклая“.

Нѣкоторыя статьи составлены по книгамъ переводнымъ, которыя также можно причислить къ учебной или популярной литературѣ, напримѣръ, Арабеллы

Беклей: „Побѣдители въ жизненной борьбѣ“ („Утконосъ и ехидна“) и Гастона де Сегюра: „На краю свѣта“ („Лѣсъ въ Новой Зеландіи“, „Каури“, „Разведеніе страусовъ“ и „Замораживаніе тушъ“).

Изъ книгъ, имѣющихся въ русскихъ переводахъ или написанныхъ русскими писателями, но, за немногими исключеніями, недоступныхъ для дѣтей, взяты слѣдующія статьи: „Въ Голубыхъ горахъ“ (Ч. Дарвина), „Таити“ (его же); „Угасшіе вулканы“, „Остатки материка“, „Пустыня и страна столбовъ“, „Сидней“— по Э. Реклю; „Австралійскій лѣсъ полосы дождей“, „Скрубъ“, „Саванные лѣса Австраліи“—по Гааке; „Исторія тасманійцевъ“, „Вліяніе австралійской природы на бытъ человѣка“—по Гельмольту; „Папуасы и меланезійцы“ — по Шурцу; „Кенгуру и Какаду“ — по Брэму; „Образъ жизни австралійцевъ“, „Оружіе австралійцевъ“, Промыслы австралійцевъ“, „Одежда полинезійцевъ“ и „Оружіе полинезійцевъ“—составлено по Ф. Ратцелю; „Пути сообщенія у первобытныхъ народовъ“, „Средства сношеній“, „Торговля и деньги“, „Распредѣленіе труда“—по Бюхеру; „Украшенія тѣла“, „Прическа и одежда“, „Рисунки и знаки собственности“, „Живопись и скульптура австралійцевъ“, „Корроборн“ и „Театральное представленіе“ — по Эрнсту Гроссе. „Обѣдъ дикаря“, „Рыбная ловля“, „Охота на кенгуру“ и „Табу“ — заимствовано у Н. И. Зибера. Наконецъ, изъ книги Н. А. Крюкова, посвященной Австраліи: „Перть“ и „Водопроводы въ Австраліи“.

Всѣ остальныя статьи (около 35) составлены по книгамъ иностранной, преимущественно англійской литературы.

Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь свою глубокую благодарность Е. В. Коринъ, которая была моей сотрудницей при составленіи хрестоматіи.

С. Бобинъ.

Австралія.

Многимъ европейцамъ, говоритъ одинъ австралійскій писатель, не нравятся наши деревья безъ тѣни, наши цвѣты безъ запаха, наши птицы, не умѣющія летать, наши животныя, не умѣющія ходить на четырехъ ногахъ... Но постоянный житель этой земли хорошо сознаетъ всю красоту и прелесть природы, его окружающей: странныя формы деревьевъ, то растрепанныхъ отъ горячаго вѣтра, то какъ будто съежившихся отъ холода въ ясныя ночи, когда созвѣздіе Южнаго Креста ярко свѣтитъ на небѣ, тысячи звуковъ, неясныхъ для пришельца,— говорятъ ему совершенно понятнымъ для него языкомъ.

Особенно мрачными и суровыми представляются новому человѣку горные лѣса Австраліи. Они кажутся ему какъ бы заключенными и сдавленными въ темныхъ ущельяхъ. Они какъ будто шепчутъ ему о чемъ-то таинственномъ и тяжеломъ.

Въ другихъ странахъ умирающій годъ оплакивается: каждую осень листья, какъ слезы, падаютъ съ деревьевъ. Въ австралійскихъ лѣсахъ листва не падаетъ. Только вѣтры съ шумомъ прорываются между деревьями и отрываютъ куски отвисшей коры.

Животная жизнь этихъ лѣсовъ также кажется на первый взглядъ какой-то фантастической. Большіе сѣрые кенгуру безшумно прыгаютъ по травѣ. Бѣлые какаду быстро проносятся въ воздухѣ, напоминая

лѣсныхъ духовъ. Вотъ неожиданно быстро заходитъ солнце, и какая-то птица разражается ужаснымъ, почти человѣческимъ хохотомъ... Изъ-за угла тихаго лѣса слышится зловѣщее пѣніе. Это вокругъ горящаго костра исполняютъ свой дикій танецъ черные туземцы.

Ни одно свѣтлое сказаніе не связалось съ австралійскими горами. Изслѣдователи называли ихъ соотвѣтственно тѣмъ испытаніямъ и бѣдствіямъ, которыя имъ приходилось претерпѣвать: Гора Несчастія, Гора Отчаянія, Гора Смерти...

Но познакомьтесь ближе съ этой страной, и вы полюбите ея оригинальную природу и ея жизнь.

Открытіе материка.

Уже въ незапамятныя времена сложилось сказаніе, что въ южной части Великаго океана лежитъ какая-то огромная невѣдомая страна. Ее такъ и называли «Terra australis incognita»—южная невѣдомая земля. Въ какомъ именно мѣстѣ земного шара находилась эта земля, — никто не зналъ.

Только лѣтъ 300—400 тому назадъ принялись мореплаватели отыскивать эту таинственную землю. Раньше всѣхъ принялись за это дѣло португальцы. Ихъ прежде всего привлекли сказочныя богатства и сокровища Индіи. Изъ Индіи они проложили себѣ дорогу дальше на востокъ въ Индо-Китай и острова Малайскаго архипелага. Португальцы завладѣли многими островами, завели на нихъ свои торговыя конторы. Особенно много доходу давали имъ острова Молуккскіе. Португальцы назвали ихъ Пряными островами, потому что здѣсь добывались разные пряные товары, напримѣръ, гвоздика, перецъ, корица и много другихъ. На этихъ островахъ

жили дикари, которые безстрашно плавали по океану на своихъ лодкахъ.

Отъ дикарей португальцы услышали такую вѣсть: далеко-далеко въ морѣ, отъ Пряныхъ острововъ на югъ, есть очень большіе острова и какая-то большая земля. Ходили слухи среди дикарей, что земля эта очень пустынная, дикая и небогатая. Но португальцевъ такія страны не прельщали.

Въ 1526 году плылъ португальскій корабль отъ Малакки къ Прянымъ островамъ. Началась буря. Волны и вѣтеръ подхватили корабль и понесли его къ югу. Тамъ увидѣли моряки какой-то берегъ: виднѣлись прибрежныя скалы, камни, мели да бѣлая пѣна волнъ. Онъ казался такимъ пустыннымъ и неуютнымъ. Это былъ берегъ большого острова Новой Гвинеи. За этимъ островомъ темнѣла еще какая-то другая земля, но что это за земля—моряки такъ и не узнали тогда.

Прошло еще лѣтъ 90—100. Появились въ Индо-Китаѣ и на островахъ голландцы. Они также захватили здѣсь въ свои руки много земель и завели на нихъ свои торговыя конторы. Стали они плавать по океану и отыскивать новыя земли. Услышавъ о невѣдомой южной землѣ, послали голландскіе купцы корабль разузнавать, что это за земля. Отправился корабль къ берегамъ Новой Гвинеи, обогнулъ эти берега, поплылъ дальше. Берегъ Новой Гвинеи остался по лѣвую руку, а по правую руку показался какой-то другой берегъ. Голландцы причалили къ нему. Берегъ былъ пустынный, непривлекательный. Были на немъ ручьи, но и то соленые. На берегу голландцы увидѣли дикарей—чернокожихъ, очень некрасивыхъ людей. На нихъ не было никакой одежды. Дикари напали на голландцевъ и убили нѣсколькихъ матросовъ. Голландцы стали въ нихъ стрѣлять. Дикари испугались и отбѣжали.

Уходить далеко отъ берега голландцы не рѣшались. Воды и съѣстныхъ припасовъ достать на берегу они не могли. Сѣли они на суда и поплыли назадъ. Было это въ 1606 году. Съ этого времени невѣдомую землю стали называть *Новой Голландіей*. Стали голландскіе корабли чаще и дальше плавать вдоль береговъ этой земли. Вернувшись домой,моряки разсказывали: «Берега Новой Голландіи совершенно безплодные, люди на нихъ почти не живутъ, встрѣчаются тамъ кое-гдѣ дикари, суровые, грубые и очень бѣдные. Они не могутъ принести для нашей торговли никакой выгоды». Нерѣдко бывало такъ: броситъ корабль якорь у берега, моряки высадятся на берегъ, на нихъ нападаютъ дикари и избиваютъ многихъ матросовъ. Случалось, что корабли наталкивались на подводныя скалы и тонули. Однажды большой голландскій корабль ночью натолкнулся на подводную скалу. Поднялась буря. Корабль легъ на бокъ. На немъ были больные, дѣти и женщины. Съ большимъ трудомъ и опасностью моряки перебрались въ лодкахъ на берегъ. А берегъ былъ пустынный, безплодный. Корабль погибъ, осталась одна лодка. Капитанъ поплылъ въ этой лодкѣ по океану за помощью. Онъ съ большой опасностью добрался до голландскихъ владѣній. Оттуда послали корабль, чтобы спасти тѣхъ, кто остался на берегу.

Изъ-за разныхъ опасностей моряки не любили плавать около береговъ Новой Голландіи. Долгое время никто не зналъ, велика она или мала. И цѣлыя сто лѣтъ ни одинъ корабль не обошелъ вокругъ нея. Сначала моряки плавали только у сѣверныхъ ея береговъ, потомъ стали плавать и около западныхъ; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ обогнули и южный берегъ Новой Голландіи, а потомъ, наконецъ, и восточный берегъ. Это было въ 1770 году.

Надъ этимъ большимъ дѣломъ трудились моряки разныхъ народовъ. Объѣхавъ вокругъ Новой Голландіи, они узнали, что это—островъ и къ тому же такой большой, что его слѣдуетъ называть материкомъ.

Мало-по-малу Новую Голландію стали называть Австраліей, т.-е. тѣмъ названіемъ (terra australis—южная земля), которое существовало раньше, чѣмъ былъ открытъ самый материкъ.

Путешествіе Кука.

Португальскіе, испанскіе, особенно же голландскіе мореплаватели видѣли въ разное время сѣверный, западный и южный берега «Новой Голландіи», но настоящимъ Колумбомъ Австраліи долженъ быть названъ великій путешественникъ Джемсъ Кукъ. Онъ первый изслѣдовалъ восточный берегъ Австраліи на протяженіи 400 верстъ; онъ первый описалъ его и обратилъ вниманіе Европы на открытую имъ землю, чѣмъ и побудилъ свое правительство серьезно приняться за ея колонизацію.

Джемсъ Кукъ.

Въ 1767 году Лондонское географическое общество обратилось къ правительству съ просьбой снарядить корабль въ Великій океанъ. Просьба эта была уважена, и капитаномъ корабля былъ назначенъ Кукъ,

тогда еще молодой, почти неизвѣстный человѣкъ Вмѣстѣ съ Кукомъ отправились также ученые натуралисты Банксъ и Соландеръ. Путешественники отправились къ Новой Зеландіи и составили карту этихъ острововъ. Отсюда экспедиція прибыла къ берегамъ Австраліи. Долго плылъ Кукъ вдоль невѣдомой земли, не находя удобной гавани, гдѣ бы можно было остановиться. Берегъ былъ скалистъ и обрывисто спускался къ морю, которое бросало опѣненныя волны на его черныя скалы. Кое-гдѣ скалы расходились, оставляя между собою зеленую лужайку или же лѣсную чащу. Лѣса были темные, мрачные. Подобно морю, волновались ихъ скорѣе черныя, чѣмъ зеленыя вершины, а позади нихъ громоздились горы, казавшіяся издали голубыми.

Наконецъ, къ большой радости всѣхъ, показалась удобная гавань. Корабль сталъ на якорь, и въ бухту отправленъ былъ ботъ для промѣровъ. Въ это время замѣчены были впервые туземцы, которые внимательно слѣдили за движеніями корабля и дѣлали угрожающіе жесты. Видъ ихъ былъ страшенъ. Каждый походилъ на скелетъ: такъ раскрасили они себѣ бѣлой краской лица, руки, ребра.

«Эндеверъ», такъ назывался ихъ корабль, вошелъ въ бухту и остановился близъ берега. Неподалеку виднѣлся шалашъ туземцевъ и возлѣ него сидѣли дикари. Нѣсколько времени они глядѣли на корабль, потомъ развели огонь и стали жарить рыбу. Европейцы спустили шлюпку и направились къ берегу, но едва только они приблизились, какъ къ нимъ подошли два дикаря, вооруженные копьями, и стали грозно кричать что-то. Остальные дикари, ихъ жены и дѣти скрылись въ лѣсу. Кукъ старался всячески успокоить туземцевъ. Онъ предложилъ имъ стеклянныя бусы и

разныя другія бездѣлушки, и они съ жадностью хватали ихъ, радуясь и удивляясь имъ чрезвычайно.

Однакоже дикари, жадно хватая бусы и пуговицы, не пускали европейцевъ на берегъ. Англичане старались объяснить имъ, что они хотятъ взять только воды, но все было напрасно. Два дикаря эти рѣшились твердо защищать свою землю отъ чуждыхъ пришельцевъ. Но что значили ихъ силы! Выстрѣлъ дробью мгновенно обратилъ ихъ въ поспѣшное бѣгство, и европейцы въ первый разъ вступили на почву Австраліи. Сейчасъ послѣ высадки Кукъ, Соландеръ и Банксъ сдѣлали экскурсію въ окрестности. На каждомъ шагу росло ихъ удивленіе передъ новымъ міромъ, раскрывшимся передъ ихъ глазами. Птицы, звѣри,—все было необычайно, но всего болѣе ихъ поразило обиліе новыхъ и чудныхъ растеній, изъ которыхъ многія стояли въ полномъ цвѣту. Подъ исполинскими эвкалиптами и акаціями цвѣли невиданныя фуксіи, иммортели, колокольчики и злаки, стлались мхи и лишайники все самыхъ изящныхъ и нѣжныхъ красокъ и тѣмъ болѣе интересные, что они были совершенно новы и непзвѣстны. Вотъ почему Кукъ назвалъ эту первую открытую имъ австралійскую бухту Бухтой Ботаники, — названіе, подъ которымъ она извѣстна и нынѣ.

6 мая 1770 года, вырѣзавъ имя корабля на корѣ стараго эвкалипта, путешественники вышли изъ бухты и направились къ сѣверу. Часа черезъ два пути они увидали высокія скалы, закрывавшія видъ на страну, и только горы синѣли позади нихъ. Нѣсколько дней плылъ «Эндеверъ» возлѣ новыхъ для него береговъ, но подъ 16^0 южной широты съ нимъ случилось несчастье.

Вдоль сѣверо-восточнаго берега Австраліи тянется рядъ коралловыхъ скалъ и рифовъ, крайне опасныхъ

для кораблей. Это такъ называемый *Барьерный рифъ Австраліи*. Между нимъ и берегомъ остается полоса спокойной воды въ видѣ канала, по которому плылъ теперь Кукъ. Идя въ ясную лунную ночь, корабль набѣжалъ на коралловую скалу и съ трескомъ сѣлъ на нее. Нельзя было терять ни минуты. Пушки, боченки съ водой, провіантъ и припасы,—все полетѣло за бортъ, чтобы по возможности сдѣлать легче корабль. Съ наступленіемъ прилива онъ снялся со скалы, но вода въ него натекала все больше и больше. Кое-какъ удалось его довести до берега. По счастью, здѣсь нашлась довольно удобная бухта, и скоро поврежденный «Эндеверъ» лежалъ на сушѣ.

Пока чинился корабль, путешественники дѣлали экскурсіи въ окрестности. Туземцы сначала вовсе не встрѣчались, хотя ихъ жалкіе шалаши видны были кое-гдѣ. Только черезъ нѣсколько дней явилось 5—6 человѣкъ; они издали смотрѣли на бѣлыхъ и послѣ долгихъ колебаній рѣшились подойти къ нимъ. Имъ дали пищи и сдѣлали небольшіе подарки. Тогда ежедневно стали являться къ лагерю толпы дикарей за подарками; они выпрашивали такія вещи, которыя были необходимы путешественникамъ, и, получивъ отказъ, воровали ихъ. Однажды явились 12 дикарей и стали требовать черепаху, только что поїманную и лежавшую на палубѣ. Имъ отказали. Тогда они съ выраженіемъ крайняго гнѣва спустились съ корабля и перебрались на берегъ, гдѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ заняты были различными работами; тамъ чернокожіе схватили горящія головни изъ-подъ котла со смолою и бросили ихъ въ траву. Прежде чѣмъ европейцы успѣли сообразить, что изъ этого выйдетъ, высокая, совершенно сухая трава вся вспыхнула вдоль всего берега, и кузница, палатка и множество вещей сдѣла-

лись добычей пламени. Кукъ разсказываетъ, что случись пожаръ двумя днями раньше, когда еще порохъ находился на берегу, происшествіе это могло бы быть гибельнымъ для экспедиціи. Вечеромъ съ палубы корабля открылось необычайное зрѣлище; на десятки верстъ кругомъ бѣжалъ пожаръ, блестя краснымъ огнемъ на ночномъ небѣ. Сильный вѣтеръ гналъ его все дальше внутрь страны, и нѣсколько ночей подрядъ небо озарялось краснымъ заревомъ, пока выпавшій дождь не залилъ пламени.

Между тѣмъ корабль былъ починенъ и теперь надо было найти средство выбраться за рифъ въ открытое море. Наученный горькимъ опытомъ, Кукъ послалъ шлюпку, которая дѣлала промѣры впереди корабля. Однажды передовая шлюпка вернулась съ извѣстіемъ, что въ коралловомъ рифѣ нашелся проходъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ длинной линіи бѣлой пѣны, обозначавшей собою рифъ, виднѣлся промежутокъ, хотя не совсѣмъ свободный отъ коралловыхъ скалъ, но, какъ казалось, удобный для прохода корабля. Кукъ смѣло направился къ нему, благополучно прошелъ чрезъ него и очутился въ открытомъ океанѣ. Такъ «Эндеверъ» освободился, наконецъ, отъ рифовъ, которые держали его въ плѣну вотъ уже 3 мѣсяца.

Кукъ рѣшилъ ни за что не удаляться отъ береговъ Австраліи и плылъ вдоль нихъ до мыса Іорка. Достигнувъ Торресова пролива, Кукъ остановился близъ маленькаго острова, сошелъ на него, поставилъ тамъ англійскій флагъ и торжественно заявилъ своимъ людямъ: «Покидая нынѣ берегъ Австраліи, вдоль котораго я плылъ отъ 38° южной широты до этого мѣста,— берегъ, никому доселѣ неизвѣстный, никѣмъ изъ европейцевъ невиданный, я даю ему названіе Новаго Южаго Уэльса и объявляю, что отнынѣ онъ принадле-

жить Англіи. Именемъ моего повелителя короля Георга III.

Торжественные крики, выстрѣлы изъ ружей и пушечные залпы съ корабля были отвѣтомъ на слова Джемса Кука. Объявленное имъ тогда англійскимъ остается англійскимъ и донынѣ.

Послѣ тяжелой борьбы съ рифами и скалами Кукъ прошелъ проливъ Торреса и достигъ острова Явы, откуда, обогнувъ Африку, прибылъ въ 1771 году къ устью Темзы.

Путешествія поперекъ материка.

1. Средняя часть Австраліи была совершенно не изслѣдована до 1840 г.; когда *Джонъ Эйръ* предложилъ отправиться съ экспедиціей въ глубь материка. Онъ выѣхалъ изъ залива Спенсера и доѣхалъ до большой водной поверхности, которую назвалъ Торренсовымъ озеромъ. Озеро представляло изъ себя слой соли, прикрывавшій лежащій подъ нимъ илъ, въ которомъ лошади, по мѣрѣ движенія впередъ, увязали все больше и больше. Другое такое же озеро, покрытое иломъ и солью, названо озеромъ Эйръ.

Эйръ вернулся къ заливу Спенсера, но скоро рѣшился добраться до западной Австраліи вдоль береговъ Австралійскаго залива. Онъ отпустилъ всѣхъ своихъ прежнихъ спутниковъ, кромѣ мистера Бакстера и трехъ туземцевъ.

Однажды ночью, въ то время, какъ Эйръ наблюдалъ за лошадьми, двое изъ туземцевъ убили Бакстера, взяли его багажъ и убѣжали. Такимъ образомъ Эйру пришлось пробираться цѣлыя сотни верстъ по совершенно незнакомой странѣ въ обществѣ одного вѣрнаго ему туземца и съ очень скуднымъ количествомъ

съѣстныхъ припасовъ. Къ счастью, недалеко отъ берега, Эйръ натолкнулся на китолова, который оказалъ ему помощь какъ разъ во-время, такъ какъ провизія вся истощилась и приходилось питаться различными кореньями. Основательно отдохнувъ и подкрѣпивъ себя пищей, путники отправились дальше. Черезъ три недѣли они достигли до Альбани. Всѣ считали ихъ погибшими и потому были крайне пріятно поражены ихъ неожиданнымъ появленіемъ. Путешествіе Эйра выяснило, что мѣстность къ сѣверу отъ Австралійскаго залива непригодна для колонизаціи.

2. Черезъ два года послѣ этого состоялась новая экспедиція въ глубь материка. Капитанъ *Стуртъ* двинулся къ сѣверу отъ Барьернаго хребта. По мѣрѣ приближенія лѣта рѣки стали высыхать; жара была такъ велика, что копыта лошадей трескались отъ раскаленнаго песку, а на ногахъ людей дѣлались раны. Къ счастью, путешественникамъ удалось найти ручей, который не пересыхалъ и лѣтомъ, и они расположились около него лагеремъ. Они пробыли здѣсь шесть недѣль. Жара стояла невыносимая. Земля была совершенно накалена на 3—4 фута въ глубину, растительность вся высохла, нигдѣ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ влаги. «Всѣ винты нашихъ сундуковъ, — говоритъ Стуртъ, — ослабли и выскочили, роговыя ручки инструментовъ, а также гребни, расщепились на тонкія пластинки. Графиты выпали изъ карандашей, сигнальныя ракеты совершенно испортились. Наши волосы, равно какъ шерсть овецъ, перестали расти, а ногти сдѣлались хрупки, какъ стекло. Мука потеряла больше 8% своего прежняго вѣса, а остальная провизія еще больше. Отруби, въ которыя было уложено свиное мясо, были совершенно насыщены саломъ, такъ что вѣсили почти

столько же, сколько самое мясо. Мы были вынуждены закопать въ землю наши восковыя свѣчи. Лимонная кислота въ порошкѣ, хранившаяся въ чемоданѣ м-ра Брауна, превратилась въ жидкость, протекла и сожгла изрядную часть его бѣлья. Намъ было трудно писать и рисовать, такъ какъ наши перья и кисти сохли очень быстро. Спичка, брошенная на песокъ, тотчасъ воспламенялась.

Когда, наконецъ, полилъ дождь, Стуртъ и его спутники дважды дѣлали смѣлую попытку достичь центра материка. Но оба раза имъ пришлось вернуться, не достигнувъ цѣли, такъ какъ они не могли пробраться черезъ ужасную каменную пустыню, извѣстную теперь подъ именемъ Каменистой пустыни Стурта. Во время второго путешествія они открыли Куперъ-Крикъ.

Яркій блескъ горячаго песка сильно подѣйствовалъ на глаза Стурта: зрѣніе его ослабѣло, и скоро онъ совсѣмъ ослѣпъ. Правительство Южной Австраліи назначило ему пенсію.

3. Первая удачная попытка пройти черезъ материкъ была сдѣлана *Беркомъ* и *Вильсомъ* въ 1860 году. Экспедиція двинулась изъ Мельбурна, гдѣ ей устроили сердечные проводы, и направилась къ Куперъ-Крику, гдѣ было много травы и можно было имѣть воду въ изобиліи. Здѣсь Беркъ устроилъ складъ вещей и припасовъ и оставилъ при немъ одного изъ спутниковъ, по имени Брахе. Самъ же онъ вмѣстѣ съ Вильсомъ, Кингомъ и Греемъ рѣшился на смѣлое дѣло—пробиться до залива Карпентарія. Брахе долженъ былъ ждать въ Куперъ - Крикѣ три мѣсяца, а затѣмъ вернуться домой.

Наши четыре путешественника имѣли одну лошадь и шесть верблюдовъ, и быстро подвигались впередъ.

Не прошло и шести недѣль, какъ они достигли береговъ залива Карпентарія. Теперь предстоялъ обратный путь. Онъ оказался очень тяжелымъ и потребовалъ гораздо больше времени, чѣмъ путешествіе къ заливу. Запасы совсѣмъ истощились, и приходилось питаться верблюжьимъ и лошадинымъ мясомъ. Путники изнемогали отъ усталости и еле волочили ноги. Грей не вынесъ тяжелаго пути и умеръ. Когда же Беркъ, Вильсъ и Кингъ дотащились, наконецъ, до мѣста склада у Куперъ-Крика, то къ своему ужасу увидѣли, что тамъ уже никого не было. Отсутствіе ихъ продолжалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и случилось такъ, что какъ разъ въ это утро Брахе и его товарищи отправились домой. На корѣ одного дерева Беркъ прочелъ вырѣзанное ножомъ слово: dig (копайте). Онъ сталъ копать и нашелъ небольшое количество съѣстныхъ припасовъ.

Послѣ короткаго отдыха путники продолжали свое утомительное путешествіе по безплодной пустынѣ, но скоро, выбившись изъ силъ, должны были снова вернуться къ Куперъ-Крику. Изнемогая отъ голода и усталости, они продолжали бороться со всевозможными невзгодами, пока, наконецъ, Вильсъ не слегъ и не умеръ. Черезъ три дня примѣру его послѣдовалъ Беркъ, и Кингъ остался среди пустыни совершенно одинъ. Во время своихъ скитаній онъ наткнулся на племя туземцевъ, которые обошлись съ нимъ хорошо. Впослѣдствіи онъ былъ найденъ отрядомъ, снаряженнымъ для розыска путешественниковъ. Кингъ сидѣлъ въ хижинѣ туземцевъ и былъ такъ худъ, что походилъ на скелетъ, обтянутый кожей. Волосы его отросли, онъ былъ весь покрытъ грязью, и хотя былъ еще живъ, никто не узналъ бы въ немъ прежняго здороваго человѣка, который отправлялся въ путь.

Чернокожихъ вознаградили за ихъ доброту къ Кингу, а тѣла Берка и Вильса были привезены въ Мельбурнъ, и здѣсь имъ устроили похороны на общественныя средства. Позднѣе въ этомъ же городѣ имъ воздвигли памятникъ.

4. Въ то время, какъ тѣла Берка и Вильса перевозили въ Мельбурнъ, *Джонъ Макъ Дугалль Стюартъ* съ торжествомъ возвращался въ Аделанду: ему удалось пройти весь материкъ съ юга на сѣверъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и враждебное отношеніе туземцевъ заставили его, правда, два раза возвращаться назадъ; но эти неудачныя попытки дали ему возможность хорошо ознакомиться съ страною и выбрать наиболѣе удобный путь. Третья его попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но трудности путешествія и связанныя съ нимъ лишенія въ конецъ подорвали его здоровье.

5. Среди изслѣдователей западной Австраліи видное мѣсто занимаетъ *Эрнестъ Джайльсъ*. Въ маѣ 1875 г. Джайльсъ вышелъ изъ порта Аугуста, на берегу залива Спенсера, направился въ Перть и прошелъ черезъ великую пустыню Викторію. Ему пришлось испытать всѣ неизбѣжныя бѣдствія и лишенія, связанныя съ путешествіями по пустынѣ. Отдохнувъ нѣсколько недѣль въ Пертѣ, Джайльсъ отправился на сѣверъ, къ рѣкѣ Мурчисону, а затѣмъ перешелъ пустыню Джибсона и дошелъ до станціи Никъ, которая стоитъ на главной телеграфной линіи. Онъ подтвердилъ мнѣніе тѣхъ путешественниковъ, которые считали большую часть внутренняго материка непригодной для колонизаціи.

Съ 1887 года, когда въ западной Австраліи нашли золото, сюда явилась масса людей, жаждущихъ наживы. Наиболѣе дешевымъ способомъ передвиженія

оказались велосипеды. Они дали возможность быстро пересѣкать труднопроходимые пески пустыни и часто служили единственными средствами сообщенія между тѣми отдаленными мѣстами, гдѣ можно было добыть золото, и городами, расположенными ближе къ берегу.

Угасшіе вулканы Австраліи.

Горныя породы, изъ которыхъ состоятъ Австралійскія Альпы, очень древни: это граниты, перемѣшанные съ порфирами и базальтами. Нигдѣ въ Австраліи не встрѣчается такъ много слѣдовъ вулканической дѣятельности, какъ въ горахъ западной части Викторіи, къ сѣверо-западу отъ Мельбурна. Сотнями виднѣются здѣсь вулканическіе конусы, при чемъ одни изъ нихъ — простые насыпные холмы, другіе — настоящія горы въ шестьсотъ метровъ высоты. Многіе изъ кратеровъ имѣютъ правильную форму чашъ и заключаютъ въ себѣ глубокія озера: одно изъ нихъ «Голубое озеро» имѣетъ глубину въ 206 метровъ. Другіе кратеры заросли травой или лѣсомъ. Нѣкогда изъ нихъ изливались цѣлыя рѣки лавы и покрыли обширныя пространства. Только одинъ изъ прежнихъ вулкановъ возвышается посреди открытаго моря.

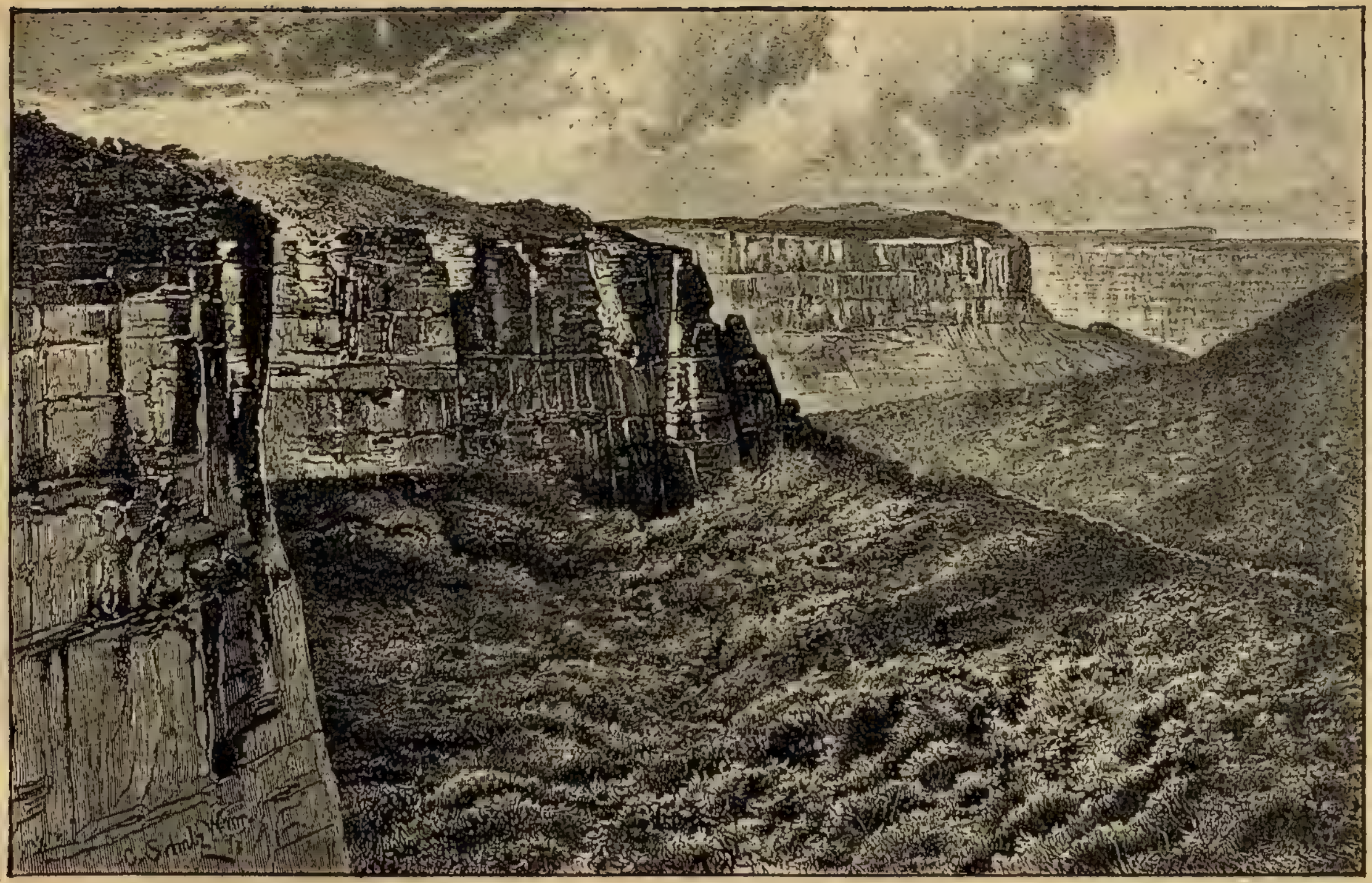
Къ сѣверу отъ тропика Козерога поднимается высокій гранитный хребетъ и тянется вдоль поморья и къ сѣверо-западу вплоть до Іоркскаго полуострова, на которомъ находится небольшая горная цѣпь. Между Австралійскими Альпами и гранитными горами сѣвернаго Квинсленда распространены каменноугольныя образованія разныхъ временъ; встрѣчаются также граниты, порфиры, а на западномъ склонѣ — нѣсколько вулкановъ и полей лавы.

Въ этомъ именно поясѣ австралійскихъ горъ и на сѣверныхъ склонахъ горъ Викторіи разбросаны тѣ золотоносныя розсыпи, которыя обогатили Австралію: всѣ онѣ находятся на днѣ древнихъ пластовъ, изъ которыхъ и произошли. Большая часть золотоносныхъ залежей заполняетъ прежнія рѣчныя русла, которымъ дали названіе «желобовъ»; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ имѣютъ болѣе ста и даже ста восьмидесяти метровъ толщины.

И въ южной Австраліи, на обѣихъ сторонахъ залива Спенсера, и на берегахъ соляныхъ озеръ внутри страны, и на сѣверныхъ полуостровахъ встрѣчаются вулканическія образованія. Наконецъ юго-западная Австралія на значительной части своего протяженія состоитъ изъ гранитныхъ невысокихъ плоскогорій, на которыхъ мѣстами находятся горные хребты, высотою отъ 500—600 метровъ. Одна изъ этихъ группъ Макъ-Дуалля богата рубинами и другими драгоцѣнными каменьями.

Въ Голубыхъ горахъ.

Мы были на высотѣ 2.800 футовъ надъ уровнемъ моря и проходили берегомъ небольшого ручейка. Внезапно мы очутились на краю пропасти, и у ногъ нашихъ увидѣли не то заливъ, не то бухту,—не знаю, какъ это иначе назвать,—густо поросшую лѣсомъ. Мы стояли какъ будто въ глубинѣ дуги, образующей заливъ; въ обѣ стороны отъ насъ тянулась линія обрывистаго берега съ выдающимися тамъ и сямъ мысами, которые виднѣются одинъ за другимъ, будто вдоль крутыхъ береговъ моря. Утесы эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно отвѣсны. Стоя на краю бездны и бросивши камень внизъ, можно видѣть, какъ онъ упадетъ на дерево, растущее внизу на днѣ пропасти.



Голубыя горы.

Крутые утесы тянутся непрерывно и для того, чтобы спуститься въ долину, нужно сдѣлать обходъ миль въ шестнадцать. Впереди, миль за пять, виднѣется другой рядъ утесовъ, который какъ будто замыкаетъ долину и тѣмъ еще болѣе усиливаетъ сходство этого углубленія съ заливомъ.

Чтобы имѣть полное понятіе о формѣ и образованіи этой мѣстности, нужно представить себѣ извилистую гавань, окруженную высокими берегами; но только дно этой гавани высохло и поросло густымъ лѣсомъ.

Черезъ нѣсколько дней рано утромъ я отправился посмотрѣть другой подобный же видъ, который показался мнѣ еще поразительнѣе. Бездна была наполнена легкимъ голубоватымъ туманомъ, пропасть отъ этого казалась еще глубже, и вершины стоявшаго внизу лѣса уходили еще дальше. Эти долины, такъ долго представлявшія непреодолимую преграду самымъ предпріимчивымъ колонистамъ, желавшимъ проникнуть далѣе въ глубь страны, въ высшей степени замѣчательны. Отъ верхнихъ оконечностей этихъ долинъ нерѣдко исходятъ длинные рукава или вѣтви, которые врѣзываются въ песчаное плоскогоріе; съ другой стороны, само плоскогоріе вдается въ долины своими отрогами и образуетъ въ нихъ иногда большія отдѣльныя массы, въ родѣ острововъ. Въ иныя долины путешественники только недавно успѣли проникнуть, а колонистамъ и до сихъ поръ не удалось провести туда скотъ. Самая замѣчательная черта ихъ состоитъ, однакоже, въ томъ, что внутри онѣ иногда имѣютъ по нѣскольку миль въ ширину, а къ исходу суживаются до такой степени, что въ нихъ нельзя попасть. Одна изъ такихъ долинъ со всѣхъ сторонъ окружена отвѣсными скалами и суживается въ такую трещину, что чрезъ нее не проползетъ ни человѣкъ ни звѣрь.

Пустыня и страна столбовъ.

Къ западу отъ восточнаго хребта Австралiи низменность, заключающаяся между заливомъ Карпентарiя и устьемъ Муррея, въ большей своей части покрыта отложенiями древняго глубокаго моря. Песчаниковая

Столбъ Чамберса.

пустыня, обнимающая болѣе трети Австралiи, вѣроятно, образовалась позже. Встрѣчающiяся тамъ углубленiя были произведены дождемъ и вѣтромъ, холодомъ и жаромъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уровень почвы понизился на десятки и даже сотни тысячъ метровъ, оставивъ тамъ и сямъ крѣпкiя породы, сопротивляющiяся разрушительному дѣйствiю стихiй, — породы, которыя

свидѣтельствуютъ о первоначальномъ расположеніи исчезнувшихъ слоевъ.

Австралійская пустыня, подобно Сахарѣ, имѣетъ свою область дюнъ, проходящую къ западу отъ линіи телеграфа, на сѣверо-западномъ склонѣ. Ряды песчаныхъ бугровъ здѣсь слѣдуютъ другъ за другомъ съ полною правильностью, развертываясь наподобіе морскихъ волнъ, въ направленіи отъ востока къ западу, на пространствѣ почти шестисотъ верстъ. Сплошь состоящія изъ краснаго песка, безъ травинки, которая бы уменьшала рѣзкій отблескъ, эти дюны имѣютъ страшный видъ, и человѣкъ переходитъ черезъ нихъ не безъ чувства ужаса. Внѣ этой области на пространствѣ угрюмой пустыни видны кое-гдѣ нѣсколько зеленѣющихъ и разукрашенныхъ цвѣтами оазисовъ. Впрочемъ, видъ этой пустыни мѣняется, смотря по временамъ года, влажности или сухости, и относительно одной и той же мѣстности показанія путешественниковъ чрезвычайно различаются другъ отъ друга.

Въ сѣверо-западной Австраліи находится область, которую называютъ «страной столбовъ»: тамъ высятся миріады песчаниковыхъ колоннъ надъ почвою, неравномѣрно изрытой и усѣянной цвѣтами и зеленью, а ручьи, текущіе и подъ землею, продолжаютъ дѣло разрушенія. Утесъ, который разсматриваютъ, какъ «центральный межевой столбъ» материка и который называютъ «столбомъ Чамберса», — также одинъ изъ этихъ свидѣтелей прошлаго. На нашей планетѣ не существуетъ колонны, болѣе правильной, чѣмъ этотъ замѣчательный маякъ, которымъ часто пользуются путешественники, какъ сборнымъ пунктомъ и мѣстомъ для закапыванія провизіи. Будучи приблизительно высотою въ 45 метровъ, розовый на верхней оконечности, онъ стоитъ на пьедесталѣ изъ бѣлаго песчанико-

ваго пригорка, метровъ въ тридцать, окруженнаго разсѣянными глыбами, отрывками разсыпавшейся древней горы. Отъ этой горы только и остался на своемъ мѣстѣ этотъ уединенный столбъ.

Остатки стараго материка.

Наблюденія, произведенныя учеными въ Австраліи, доказываютъ предположеніе объ общемъ поднятіи австралійскаго побережья: берега, размытые моремъ, впослѣдствіи мало-по-малу снова возвысились надъ поверхностью водъ. Поморье окаймлено вышедшими изъ-подъ уровня воды пространствами, по которымъ разсѣяны коралловыя мели, подобныя наблюдаемымъ въ сосѣднемъ морѣ; многочисленныя озера, прежніе заливы океана сохранили свою морскую фауну, между тѣмъ какъ другіе замѣнили соленую воду прѣсною или же совершенно изсякли; подводные рифы, нѣкогда скрытые подъ волнами, выставляютъ теперь свои черныя скалы надъ поверхностью моря. Изучая всю область, простирающуюся къ сѣверу отъ залива Спенсера, убѣдились, что этотъ край былъ архипелагомъ, состоявшимъ изъ многочисленныхъ острововъ, отдѣлившихся другъ отъ друга неглубокими узкими проливами. Басовъ проливъ превратился бы въ сушу, если бы совершилось поднятіе его даже менѣе, чѣмъ на 50 метровъ. Въ наименѣе широкой части Торресова пролива средняя глубина 14—15 метровъ.

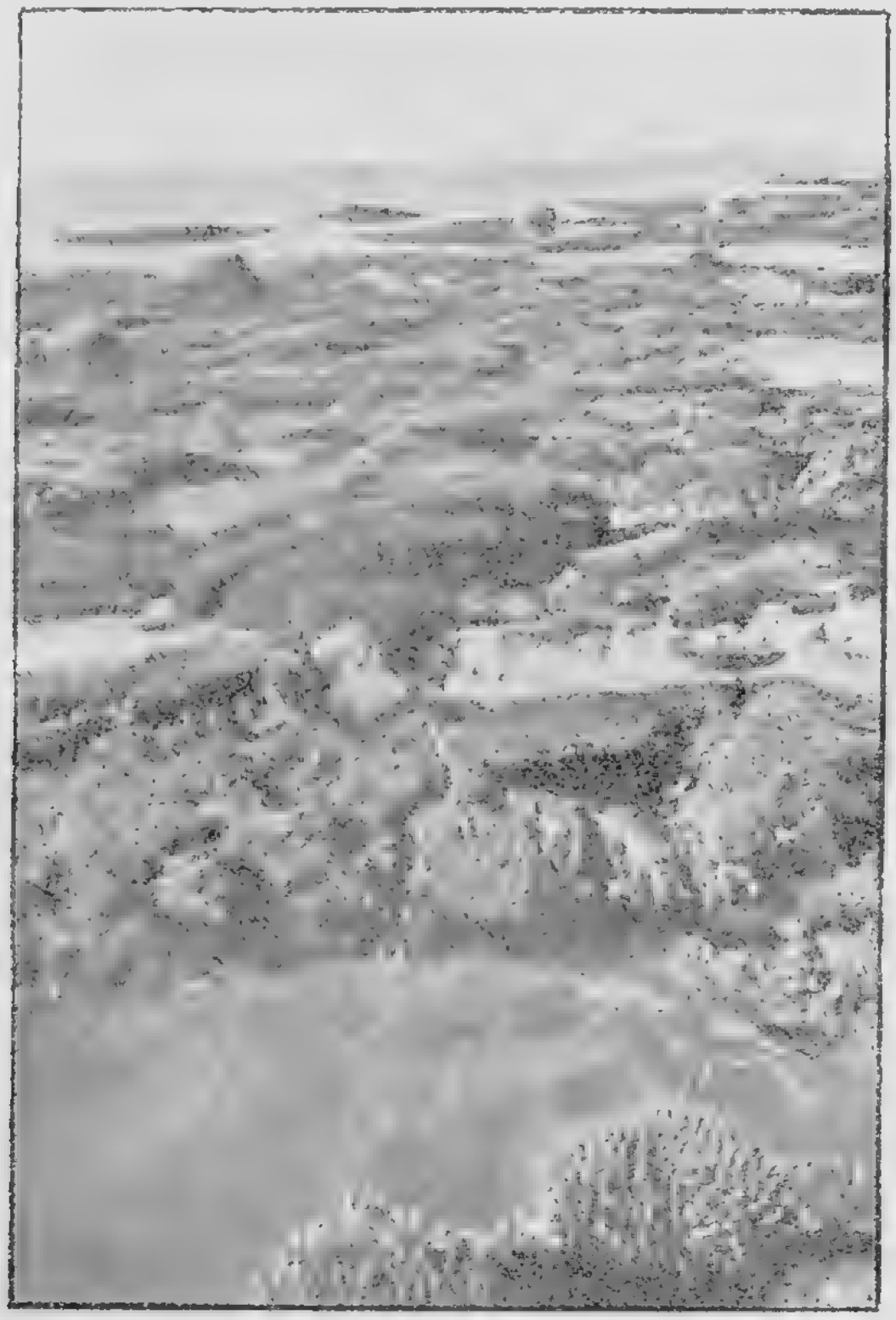
Такимъ образомъ Новая Гвинея и прилегающіе острова возвышаются на общемъ имъ всѣмъ подводномъ плоскогорьѣ или пьедесталѣ. На югѣ неглубокія воды тоже окаймляютъ поморье на весьма большую ширину, а на юго-востокѣ длинный подводный полуостровъ, на которомъ возвышается Тасманія, вдается

болѣе, чѣмъ на 1.500 километровъ въ глубокія моря. На востокѣ пучины, слишкомъ въ 4.000 метровъ глубины, идутъ вдоль береговъ Новаго Южнаго Уэльса, тогда какъ сѣверо-восточные берега, окаймленные Великимъ коралловымъ барьеромъ, связываются подводнымъ кряжемъ-порогомъ съ западнымъ полуостровомъ Новой Зеландіи. Самыя высокія горныя цѣпи Австраліи имѣютъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ высокими горами Новой Гвинеи и Новой Зеландіи, даже на Соломоновыхъ островахъ есть горы болѣе высокія. На этомъ основаніи предполагаютъ, что Новая Гвинея и Новая Зеландія составляютъ окраины большого австралійскаго материка, болѣе половины котораго нынѣ покрыто водами океана.

Морской прибой у Большого Барьернаго рифа.

Рифъ имѣлъ приблизительно четверть мили въ ширину и нѣсколько миль въ длину, причемъ тянулся почти прямо съ сѣвера на югъ. Казалось, что онъ простирается въ обѣ стороны до самаго горизонта. Проходовъ въ немъ было мало, и они были такъ узки, что ихъ едва можно было замѣтить. Вода была совершенно прозрачна и вплоть до внѣшней подводной стѣны рифа казалась почти неизмѣримо глубокой. Съ юго-востока дулъ свѣжій вѣтеръ, и море сильно напирало на внѣшнюю сторону рифа. Наткнувшись неожиданно на преграду, волны океана собирались въ длинные высокіе валы темно-синяго цвѣта, которые, достигнувъ извѣстной высоты, перекидывались и падали на края рифа въ видѣ непрерывнаго каскада ослѣпительно бѣлой пѣны. Такіе валы тянулись иногда безъ какого-либо замѣтнаго перерыва на цѣлую милю и даже на

двѣ. Разсыпавшись широкой полосою пѣны, вода, какъ будто отдохнувъ и собравшись съ силами, постепенно снова подымалась и, образовавъ новый гребень, почти



Большой рифъ.

прежней высоты, разсыпалась пѣной, чтобы затѣмъ подняться еще разъ. Но и послѣ третьяго подъема не вся сила прибоя была исчерпана, такъ какъ двѣ-три тяжелыхъ волны постоянно набѣгали на рифъ и разбивались о торчащіе выше его стволы и верхушки

коралловъ. Картина получалась удивительно красивая по контрасту цвѣтовъ: глубокая синева океана, ослѣпительная бѣлизна пѣны и изумрудно-зеленый цвѣтъ спокойно глубокой воды около рифа рѣзко отличались другъ отъ друга и пріятно ласкали глазъ! Непрерывный ревъ прибоя, съ его правильнымъ чередованіемъ раскатовъ отъ удара волнъ о внѣшній край рифа, былъ почти оглушителенъ; но въ то же время звуки эти были такъ низки, что совсѣмъ не сливались съ другими звуками, болѣе слабыми и близкими или болѣе рѣзкими; они не заглушали даже человѣческаго голоса и не заставляли насъ повышать его при разговорѣ. Красота и величіе всей картины невольно поражаютъ душу и трудно поддаются описанію.

Рѣки Австраліи.

Плодородіе и благоденствіе страны въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ обилія хорошихъ судоходныхъ рѣкъ, которыя не только осушаютъ и орошаютъ страну, но служатъ также удобными путями сообщенія между отдѣльными ея частями. Въ этомъ отношеніи Австралія находится въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ: отсутствіе удобныхъ водныхъ путей сообщенія служило большимъ тормозомъ для колонистовъ этого материка. Первые колонисты поселяются обыкновенно у устьевъ рѣкъ и затѣмъ понемногу углубляются въ страну, распространяя свои поселенія вдоль береговъ, вверхъ по долинѣ. Въ Австраліи же, благодаря отсутствію удобныхъ рѣкъ, мѣстомъ колонизаціи долгое время служила лишь узкая полоса земли вдоль берега.

Такъ какъ дожди въ Австраліи выпадаютъ очень неравномѣрно, то рѣки ея сильно мѣняются въ зави-

симости отъ времени года. Послѣ періода бездождія многія изъ нихъ совершенно высыхаютъ, и отъ нихъ остается лишь русло, усѣянное гальками да кое-гдѣ углубленіями, наполненными водой. Послѣ же сильныхъ дождей маленькіе ручейки обращаются въ бурные потоки, которые причиняютъ большія разрушенія. Въ 1806 г. въ одной рѣкѣ вода поднялась на 93 фута выше обыкновеннаго уровня. Цѣлыя поля пшеницы были размыты ею, много овецъ утонуло, а люди спасались, взлѣзая на деревья и на крыши домовъ.

Главнымъ водораздѣломъ австралійскаго материка служитъ Великій водораздѣльный хребетъ; почти всѣ рѣки начинаются въ этихъ горахъ. Хребетъ идетъ близко отъ берега и потому всѣ рѣки, стекающія къ востоку, коротки и отличаются быстрымъ теченіемъ. Большинство изъ нихъ имѣетъ около устья наносные острова. При этомъ нужно замѣтить, что рѣки къ югу отъ Сиднея имѣютъ менѣе важное значеніе, чѣмъ рѣки, расположенныя отъ него къ сѣверу, такъ какъ къ югу береговая полоса становится значительно уже. Верхнія теченія всѣхъ этихъ рѣкъ находятся въ горной странѣ и текутъ по узкимъ долинамъ, окаймленнымъ крутыми холмами, которые покрыты лѣсомъ. Нижнія теченія ихъ лежатъ въ покатой мѣстности, и берега ихъ богаты наносными отложеніями.

Верховье р. Муррея находится на западномъ склонѣ Австралійскихъ Альпъ, тамъ, гдѣ сходятся два боковыхъ отрога, окаймляющихъ его съ востока и запада; оно лежитъ на 20—30 миль къ сѣверу отъ высочайшей точки Австраліи, горы Костюшко, возвышающейся на 7.300 футовъ надъ уровнемъ моря. Верхняя долина Муррея представляетъ цѣлую сѣть притоковъ, которые напоминаютъ вѣтви большого дерева. Снѣжныя вершины горъ обильно питаютъ эти притоки и

они несутся въ видѣ горныхъ потоковъ по неровнымъ, крутымъ и обрывистымъ русламъ. Природа здѣсь дикая и суровая. Сильные метели и ураганы и ослѣпительная поверхность обледянѣлыхъ пространствъ составляютъ характерную особенность этой альпійской области, воды которой прорѣзаютъ гранитные утесы и образуютъ глубокіе овраги съ отвѣсными стѣнами, зіяющія пропасти и извилистые каналы, все болѣе и болѣе углубляющіеся, благодаря разрушительному дѣйствію мутныхъ водъ многочисленныхъ рѣкъ.

Ниже Муррей течетъ по знаменитой Риверинѣ. Риверина — самая оригинальная, своеобразная часть Австраліи. Она охватываетъ обширныя равнины, расположенныя къ сѣверу и къ югу отъ р. Муррея. Тѣмъ, кому случалось ѣхать верхомъ по этому морю колеблющейся травы и наблюдать, какъ на яркой лазури неба вырисовываются то паруса какого-нибудь судна, то полосатые фургоны торговцевъ, тотъ понимаетъ своеобразную прелесть этой мѣстности. Эта равнина, поблекшая и выцвѣтшая отъ жары, однообразная и безконечная производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Природа не балуетъ разнообразіемъ, но то немногое, что она даетъ, она даетъ въ изобиліи. Эвкалиптовыя деревья жмутся другъ къ другу, акаціи, разбросанныя въ одиночку, тянутся на протяженіи сотенъ миль. Свободная, безыскусственная жизнь въ этой странѣ имѣетъ много привлекательнаго, и нѣкоторые люди такъ сживаются съ ней, что не могутъ съ ней разстаться.

Нигдѣ въ Австраліи разразившійся ливень не производитъ такой быстрой и полной перемѣны, какъ въ Риверинѣ. До него вся страна — безплодная пустыня, а послѣ — густой зеленый коверъ изъ сочныхъ травъ. Тамъ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ не было пучка завядшей кенгуровой травы, появляются роскошныя

травы, и обрадованные скотоводы перестаютъ дорожить жалкими кустарниками, на которые набрасывались раньше. На берегахъ рѣкъ, еще недавно совершенно сухихъ, можно увидѣть дикорастущія дыни, которыя растутъ такъ быстро, что скоро придаютъ всей мѣстности характеръ сада.

Въ нижнемъ своемъ теченіи Муррей, подобно большинству австралійскихъ рѣкъ, течетъ очень медленно и сильно извивается. Благодаря сильному испаренію и отсутствію притоковъ въ этой своей части, рѣка, по мѣрѣ приближенія къ устью, уменьшается въ своихъ размѣрахъ и во время продолжительныхъ засухъ даже почти совершенно высыхаетъ. Большею частью она судоходна до Альбури, гдѣ ее пересѣкаетъ желѣзная дорога, идущая изъ Мельбурна въ Сидней.

Къ несчастью, Муррей не имѣетъ удобнаго выхода къ морю. По выходѣ изъ озера Александрины Муррей течетъ по узкому каналу въ прибрежную лагуну Коронгъ, вдоль выхода которой тянется рядъ песчаныхъ холмовъ. Поэтому приходится перевозить грузы рѣчныхъ пароходовъ по желѣзнымъ дорогамъ и такимъ образомъ доставлять ихъ въ морскіе порты.

Разливъ австралійской рѣки.

12 февраля. Вмѣстѣ съ одной изъ передовыхъ партій я отправился къ рѣкѣ Маккари и расположился лагеремъ на ея берегу. Густая трава, низкорослые лѣса и величественные голубые эвкалипты, тянувшіеся вдоль рѣки, напомнили мнѣ сѣверныя рѣки. Воды въ рѣкѣ не было. Русло было сухо, и, изслѣдовавъ его на протяженіи двухъ миль, я нашелъ въ немъ всего два углубленія, наполненныхъ водою. Одно изъ нихъ было довольно глубоко, и мы рѣшились

остановиться поблизости отъ него, среди густой, роскошной травы.

13 февраля. Мистеръ Стефенсонъ поѣхалъ, по моему порученію, вверхъ по теченію рѣки, къ горѣ

Крикъ внутренней Австраліи.

Фостеръ съ тѣмъ, чтобы по дорогѣ заѣхать въ нѣсколько расположенныхъ у ея подошвы деревень и получить отъ мѣстныхъ жителей отвѣты на нѣкоторые изъ интересовавшихъ меня вопросовъ. Онъ, однако, вернулся очень скоро, такъ какъ встрѣтилъ двухъ всадниковъ—дозорныхъ, отъ которыхъ получилъ нужныя свѣдѣнія. На мой главный вопросъ я получилъ вполнѣ

удовлетворявшій меня отвѣтъ: «Воды вдоволь, вода спускается съ горъ». Дозорные разсказали, что накануѣ въ руслѣ появилась вода и они ѣхали съ нею наравнѣ цѣлыхъ двадцать миль, но потомъ обогнали воду; по ихъ предположеніямъ должно было пройти еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ рѣка дойдетъ до нашего лагеря. Послѣ полудня двое изъ нашихъ людей отправились гулять вверхъ по сухому руслу и отошли уже на далекое разстояніе отъ нашей стоянки; возвращаясь домой, они чуть-чуть не были потоплены потокомъ воды, который неожиданно понесся внизъ по руслу.

Но около насъ русло было все еще сухо и беззвучно, и послѣ всѣхъ перенесенныхъ нами страданій изъ-за отсутствія воды, вѣрилось съ трудомъ, что она уже такъ недалеко отъ насъ. Передъ закатомъ солнца я велѣлъ одному изъ нашихъ людей стать на самомъ берегу рѣки, немного выше нашего лагеря, и тотчасъ по появленіи воды выстрѣлить изъ ружья, чтобы я успѣлъ добѣжать во-время до русла и наблюдать интересную картину появленія воды. Однако солнце сѣло, наступила ночь, а воды все не было. Мой дозорный вернулся въ лагерь. Луна стояла уже высоко, когда вдругъ мы услышали какой-то звукъ, не то шопотъ, не то шорохъ, точно отъ паденія воды въ какомъ-нибудь очень далекомъ водопадѣ; отъ времени до времени слышался трескъ ломающихся стволовъ. Я поспѣшилъ къ берегу. Мало-по-малу звуки стали яснѣе и отчетливѣе и, наконецъ, стали такъ громки, что и всѣ остальные члены нашего лагеря прибѣжали къ рѣкѣ. Воды все еще не было видно, но деревья ломались съ такимъ громкимъ трескомъ, что, очевидно, она была недалеко. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, и картина получалась въ высшей степени оригинальная и для

всѣхъ насъ новая. Наконецъ по звуку падающей воды и по еще болѣе громкому треску стволовъ намъ стало ясно, что вода дошла до сосѣдняго изгиба. И вотъ она появилась. Сначала это была струйка воды, которая извивалась какъ что-то живое, пробивая себѣ путь черезъ самыя глубокія, темныя и тѣнистыя мѣста русла. Затѣмъ русло покрылось водою, которая ярко блестѣла при лунномъ свѣтѣ и напоминала собою движущійся водопадъ, толкавшій впереди себя поваленныя деревья и ударявшій ихъ о берега. Во время нашихъ странствованій мы такъ долго и такъ мучительно страдали отъ жажды и недостатка воды, что, я увѣренъ, мы никогда не забудемъ этой картины. Теперь, благодаря бурямъ въ далекихъ, высокихъ горахъ, мы имѣли воду въ изобиліи. Я готовъ былъ броситься на колѣни и въ такомъ положеніи привѣтствовать рѣку. Понемногу вода въ рѣкѣ поднялась до самыхъ береговъ; движущійся водопадъ подвигался впередъ, но гораздо медленнѣе, чѣмъ я предполагалъ. По прошествіи цѣлаго часа послѣ появленія воды я могъ еще ясно слышать изъ своей палатки слабые звуки передней части потока. По мѣрѣ движенія воды по извилистому руслу, звуки эти становились все менѣе рѣзкими, и, наконецъ, я заснулъ, убаюканный этими пріятными и непривычными въ этой сухой странѣ звуками.

14 февраля. Рѣка поднялась на шесть футовъ, выступила изъ береговъ и безшумно разлила свои мутныя воды на большое пространство вдоль обоихъ береговъ.

Озера Австраліи.

Озера Австраліи большею частью представляютъ неглубокія впадины, заполненныя водою, и количество этой воды всецѣло зависитъ отъ количества

дождей въ близлежащихъ областяхъ. Въ нѣкоторыя изъ нихъ впадаютъ рѣки; рѣки эти не имѣютъ выхода къ морю и постепенно теряютъ свою воду путемъ испаренія. Всѣ озера внутренней части материка соленыя. Величина ихъ сильно мѣняется, и тамъ, гдѣ прежде были большія пространства воды, въ иные годы можно увидѣть равнину, поросшую травой. Иногда отъ испарившейся воды на землѣ остается слой илу, пропитаннаго солью.

У устья рѣки Муррея находятся два замѣчательныхъ озера—Александрина и Альбертъ, которыя соединены между собою узкимъ протокомъ. Первое изъ нихъ очень мелко и постоянно заносится иломъ, вслѣдствіе обилія осадковъ, приносимыхъ рѣкою во время половодья. По всей вѣроятности, прежде оба озера были заливами моря, но съ теченіемъ времени наносный илъ образовалъ каймy вдоль берега и отрѣзалъ ихъ отъ моря.

Въ горныхъ долинахъ главнаго водораздѣльнаго хребта есть нѣсколько прѣсноводныхъ озеръ, которыя принимаютъ въ себя воды многихъ горныхъ потоковъ, но не даютъ никакихъ стоковъ. Озеро Жоржъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ въ обыкновенное время имѣетъ большіе размѣры, но во время засухи оно совсѣмъ исчезаетъ. Въ 1824 г., по разсказамъ одного путешественника, оно имѣло 20 миль въ длину и 8 миль въ ширину; въ 1837 г., по словамъ другого путешественника, видѣвшаго озеро, оно представляло изъ себя углубленіе, поросшее травой; въ 1876 г. оно имѣло снова 20 миль въ длину и было глубиною въ 20 футовъ.

Австралійскій лѣсъ полосы дождей.

Лѣсъ полосы дождей въ сѣверной и сѣверо-восточной Австраліи, правда, не такъ пышенъ, какъ тропическій лѣсъ индійскихъ острововъ, но довольно похожъ на него, за исключеніемъ того, что здѣсь встрѣчаются австралійскіе виды деревьевъ. Напротивъ того, такой же лѣсъ, расположенный въ южномъ умѣренномъ поясѣ на юго - восточномъ побережьѣ Австраліи и Тасманіи, въ высшей степени оригиналенъ. Въ особенности крайне своеобразный характеръ имѣютъ лѣсистыя ущелья колоніи Викторіи, обязанныя, впрочемъ, своимъ великолѣпіемъ скорѣе грунтовымъ водамъ, чѣмъ дождю. Тамъ лѣсъ на огромныхъ пространствахъ состоитъ изъ двухъ рѣзко разграниченныхъ

Эвкалиптовый лѣсъ и травяныя деревья въ западной Австраліи.

Папоротниковый лѣсъ въ юго-восточной Австраліи.

ярусовъ. Верхній изъ нихъ, состоящій изъ могучихъ эвкалиптовъ, то густо сплоченныхъ, то стоящихъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, достигаетъ въ среднемъ высоты 90 — 120 метровъ. Нижній ярусъ, состоящій преимущественно изъ древовидныхъ папоротниковъ, достигаетъ 12 — 15 метровъ. Папоротники часто на пространствѣ цѣлыхъ миль покрываютъ лѣсную почву, а травянистые папоротники обвиваютъ стволы древовидныхъ въ качествѣ чужеядныхъ растеній. Одинъ вьющійся папоротникъ мѣстами пышно одѣваетъ почти до самой кроны могучіе стволы первобытныхъ, пышащихъ здоровьемъ великолѣпныхъ деревьевъ вѣчно зеленаго австралійскаго бука; будучи замѣчательнымъ образомъ связанъ съ этой породой, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тянется отъ дерева къ дереву переплетающимися извивами, которые кое-гдѣ взбираются высоко въ кроны деревьевъ. Какъ заросли этихъ одѣтыхъ папоротниками буковъ, такъ и нѣкоторыя другія лѣсныя пространства напоминаютъ влажные лѣса тропическихъ странъ. Кромѣ другихъ вьющихся растеній, преимущественно тонкоствольныхъ, большею частью травянистую тропическую пышность проявляетъ здѣсь трава—вьющаяся Tetrorena. Она принадлежитъ къ самымъ страннымъ явленіямъ своеобразныхъ лѣсовъ Викторіи и кое-гдѣ образуетъ высокія, зеленыя, густо переплетенныя стѣны, опускающіяся со стволовъ эвкалиптовъ или съ кронъ другихъ деревьевъ и кустарниковъ; стебли ея протягиваются и между высокими древовидными папоротниками и обвиваютъ ихъ старыя, увядшія, свѣшивающіяся со стволовъ пряди. Эта замѣчательная трава часто одѣваетъ цѣлыя дороги, окутываетъ гигантскіе стволы упавшихъ въ лѣсномъ лабиринтѣ великановъ, простирается надъ разнообразными группами растеній,

появляющихся на сгнившихъ стволахъ деревьевъ, и гнѣздится на свалившихся стволахъ папоротниковъ, образуя какъ бы неправильные ковры и висячіе мосты, подъ которыми, журча, протекаетъ лѣсной ручей.

Скрубъ.

Отъ богатыхъ гигантскими эвкалиптами лѣсовъ Викторіи и другихъ мѣстностей юго-восточной Австраліи очень отличаются заросли лиственныхъ породъ, соста-

Заросли скруба.

вляющія знаменитый австралійскій скрубъ. Онъ не менѣе оригиналенъ, чѣмъ австралійскій лѣсъ полосы дождей. Впрочемъ, по виду онъ подобенъ вѣчно зеленымъ лѣсамъ другихъ странъ, его составляютъ вѣчно зеленыя растенія, преимущественно кустарники, но также и карликовыя деревья. Нѣкоторые виды здѣшнихъ эвкалиптовъ могутъ поспорить съ эвкалиптами другихъ мѣстностей, а деревья и кустарники скруба

могутъ быть весьма различной высоты; но вообще преобладаетъ однообразная высота 1,2 — 1,8 метра, слѣдовательно, ростъ карликовый.

Листья деревьевъ и кустарниковъ крайне рѣдко бываютъ перистые или вообще сложные. Но жесткая, бѣдная сокомъ листва, часто покрытая смолой, лишь изрѣдка волосистая съ нижней стороны, представляетъ очень разнообразныя формы, при чемъ листья расположены косвенно или даже параллельно лучамъ падающаго свѣта. Встрѣчаются всѣ виды листьевъ отъ яйцевидно круглыхъ до ланцетовидныхъ и просто щетинкообразныхъ; листва бываетъ то гуще, то рѣже и черезъ всевозможныя ступени переходитъ въ голыя безлиственныя вѣтви. Тѣсно растущіе, шарообразные кустарники съ похожей на вереск листвою или съ перпендикулярно расположенными листьями имѣютъ видъ моха; длинные прутья со скудной листвой выдаются изъ растопыреннаго безобразнаго кустарника.

Господствующій цвѣтъ листвы скруба — мертвый сине-зеленый, кое-гдѣ прерываемый бѣлой или буро-красной листвой другихъ кустарниковъ, необычной здѣсь, кажущейся неестественной ярко-майской зеленью кассіи или сантала. Уже по одной окраскѣ растеній, составляющихъ скрубъ, видно, что они весьма разнообразны; при болѣе близкомъ знакомствѣ разнообразіе это оказывается поразительнымъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрубъ состоитъ почти исключительно изъ одного только вида кустарниковыхъ эвкалиптовъ, но въ другихъ мѣстахъ австралійскій скрубъ, столь похожій по внѣшнему виду на вѣчно зеленые лѣса на берегахъ Средиземнаго моря, образуетъ необычайно богатое смѣшеніе сходныхъ по наружному виду растеній, сильно отличающихся, однако, одно отъ другого цвѣтами или плодами, безконечное разнообразіе которыхъ

поражаетъ изслѣдователя. Во всякомъ мѣсяцѣ цвѣтетъ тотъ или другой видъ кустарника или дерева. Большинство здѣшнихъ растеній цвѣтетъ въ началѣ сухого времени—въ сентябрѣ, октябрѣ или ноябрѣ, но и въ серединѣ сухого времени здѣсь есть цвѣтущія растенія. Дождливое время очень бѣдно цвѣтами.

На составъ скруба оказываетъ вліяніе мѣстоположеніе и свойства почвы. Вообще, конечно, почва скруба самаго плохого качества и представляетъ собою сухую поверхность, состоящую то изъ глины, то изъ чистаго песка, покрытую камнемъ,. негодную для пашни. На ней, кромѣ высокихъ растеній скруба, изрѣдка снабженныхъ шипами, растутъ лишь немногіе рѣдкіе пучки травы и почти нѣтъ злаковъ, но зато много луковичныхъ и клубневыхъ растеній, особенно много орхидей, которымъ дождливое время даетъ новую жизнь. Но продолжительность дождей невелика: какъ быстро дождь пробуждаетъ растительную жизнь, такъ же быстро наступленіе сухого времени ведетъ къ отмиранію растительности.

Во время засухи въ скрубѣ нигдѣ не видно воды; вслѣдствіе отсутствія ея погибло не мало сбившихся съ пути странниковъ, почему всякій, насколько возможно, избѣгаетъ скруба. Видъ его, особенно сверху, производитъ удручающее впечатлѣніе; равномѣрный ростъ растеній и мрачный матово-синеватый цвѣтъ листвы ихъ придаютъ большимъ пространствамъ скруба, видъ моря, простирающагося до горизонта.

Въ поискахъ воды.

Когда мы отъѣхали отъ горы Удоръ, дорога шла сначала по каменистой мѣстности, а затѣмъ среди густой заросли скруба. Дальше скрубы стали поне-

многу рѣдѣть, и появились песчаные холмы, поросшіе казуариной и колючими кустарниками. Нигдѣ не было воды. Мы рѣшились остановиться и осмотрѣть мѣстность.

Съ вершины небольшого холма было видно, что на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ тянутся невысокіе хребты; только на юго-востокѣ хребтовъ не было, а виднѣлись песчаные холмы, поросшіе казуариной или акаціей. Мы продолжали путь и находились уже въ 40 миляхъ отъ горы Удоръ, а между тѣмъ нигдѣ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ какой-нибудь рѣчки или источника. Теперь было слишкомъ темно, чтобы итти дальше, и мы расположились лагеремъ, не имѣя возможности утолить свою жажду.

Наши запасы воды были такъ малы, что на каждаго человѣка пришлось по трети кружки, и поэтому мы совсѣмъ не могли ѣсть. Несчастныя лошади оставались безъ питья уже двое сутокъ и не хотѣли ѣсть травы.

На слѣдующее утро я увидѣлъ съ вершины песчанаго холма, что съ восточной стороны на краю горизонта виднѣется горный кряжъ, покрытый лѣсомъ. Представлялось мало вѣроятнымъ, чтобы рѣка, которой мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, находилась между нами и этими горами. На западѣ горизонтъ былъ окаймленъ низкими горами, тянувшимися на многія мили. Я рѣшился итти на сѣверо-востокъ и надѣялся найти воду миляхъ въ 25 отъ этого мѣста и расположиться лагеремъ на берегу рѣчки. Отъѣхавъ миль на 5, мы увидѣли множество эвкалиптовъ, и я подумалъ, что здѣсь находится конецъ высохшаго русла. Но около деревьевъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ текущей воды, и самыя деревья были похожи скорѣе на гигантскія акаціи, чѣмъ на камедныя деревья, къ семейству которыхъ принадлежатъ эвка-

литы; только росли они не такъ густо, какъ акаціи, а стояли болѣе врозь, далеко другъ отъ друга. Мы были уже недалеко отъ отроговъ горъ; но густыя заросли скруба и каменистая почва, лежавшія на пути къ нимъ, заставили насъ сдѣлать большой кругъ. Лошади шли плохо и совсѣмъ погибали отъ жажды. Мы повернули въ сторону по направленію къ холму, на которомъ виднѣлось нѣсколько деревьевъ. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ нагромажденныя другъ на друга скалы причудливой формы, а у подошвы его—нѣсколько камедныхъ деревьевъ.

Подойдя еще ближе, я замѣтилъ нѣсколько огромныхъ, свѣшивающихся выступовъ песчаника, подъ которыми туземцы, повидимому, часто проводили время. Здѣсь, подъ однимъ выступомъ, я открылъ русло маленькой рѣчки, шириною не болѣе 6 футовъ. Я поѣхалъ осмотрѣть другой выступъ и увидѣлъ, что онъ былъ настолько великъ, что подъ нимъ образовалась цѣлая пещера. Стѣны ея были разрисованы туземцами; тутъ можно было видѣть страшныя изображенія змѣй, исполненныя преимущественно бѣлою краскою. Я сталъ внимательно осматривать мѣстность, желая найти то мѣсто, изъ котораго дикари доставали воду. На противоположной сторонѣ маленькой долинки я увидѣлъ странную разсѣлину между двумя глыбами песчаника. Я подъѣхалъ къ этому мѣсту и, къ великой радости, нашелъ среди скалъ маленькое озеро, образуемое горными потоками. Воды было достаточно для всѣхъ насъ; но проходъ былъ такъ узокъ, что подойти къ ней одновременно могли только двѣ лошади, и намъ стоило большого труда удерживать остальныхъ; онѣ готовы были сбросить свою ношу и сѣдоковъ и кинуться къ живительной влагѣ. Только тотъ, кто испыталъ всѣ лишенія, связанныя съ такого рода путешествіями, мо-

жетъ представить себѣ ту великую радость, которую испытываетъ голодный, усталый, истомленный жаждою путникъ при видѣ воды. Всѣ невзгоды забыты и чувствуешь себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Туземцы австралійской пустыни умѣютъ добывать воду изъ корней деревьевъ.

Карликовые эвкалипты отлично произрастаютъ въ пустыняхъ и переносятъ засуху, такъ какъ содержатъ въ своихъ корняхъ воду, которую умѣютъ извлекать оттуда только туземцы. Бѣлый человѣкъ умеръ бы, не докопавшись до корня, и не сумѣлъ бы опредѣлить, какое дерево содержитъ въ своихъ корняхъ воду. Туземецъ же не обращаетъ вниманія на множество деревьевъ, лежащихъ на его пути; но вдругъ онъ неожиданно останавливается, испускаетъ восклицаніе, всматривается внимательно въ дерево, отходитъ отъ него шаговъ на 10—12 и начинаетъ копать. На глубинѣ приблизительно одного фута онъ натыкается на корень и вытягиваетъ его понемногу изъ земли, приближаясь все болѣе къ стволу дерева, пока корень не обнажится до самаго ствола. Тогда онъ отламываетъ его и въ его рукахъ остается корень иногда до 15 футовъ въ длину. Корень ломаютъ на небольшіе куски, въ 1 футъ длиною, связываютъ ихъ въ пучки и въ вертикальномъ положеніи, ставятъ въ сосудъ. Съ нихъ стекаетъ довольно большое количество прѣсной воды. Одинъ длинный корень можетъ дать полное ведро воды.

Картины австралійскихъ пустынь.

Днемъ пустыня, съ ея сухими руслами и каменистыми равнинами, очень неживописна. Но при закатѣ солнца картина совершенно мѣняется, и трудно повѣрить, что вся эта перемѣна обусловливается лишь из-

мѣненіемъ атмосферныхъ условій. Въ каменистой, безотрадной пустынѣ зрѣлище получается поразительное. Далеко на востокѣ поднимаются ряды плоскихъ террасъ; ближе видиѣются блѣдно-голубые кустарники, а между ними пучки свѣтло-голубой травы, которая рѣзко выдѣляется на красновато-коричневомъ фонѣ камней. Мѣстами равнина пересѣкается темными полосами карликовыхъ эвкалиптовъ, сопровождающими русла рѣкъ и поднимающимися вмѣстѣ съ ними на холмы. Холмы ярко вырисовываются на холодномъ синевато-стальномъ небѣ, цвѣтъ котораго мѣняется отъ желтовато-розоваго до темно-синяго. На западѣ видно было яркое зарево заката; каменистая равнина и холмы получили темно-пурпуровый отблескъ, и тонкія вѣтви карликовыхъ эвкалиптовъ выдѣлились особенно ярко. Въ моментъ восхода и заката солнца центральная Австралія напоминаетъ по своимъ краскамъ безплодныя возвышенности Аравіи: всѣ очертанія мягки, ярки и въ то же время немногочисленны.

Саванные лѣса Австраліи.

Гораздо привлекательнѣе скруба австралійскіе саванные лѣса — знаменитыя эвкалиптовыя заросли въ болѣе сухихъ мѣстностяхъ Австраліи. Но и у этихъ эвкалиптовъ листья матовые и кожистые, напоминающіе листву вѣчно зеленыхъ лиственныхъ породъ. Листья австралійскихъ саванныхъ эвкалиптовъ приспособляются къ жаркому и сухому климату. Молодые эвкалипты ставятъ свои листья перпендикулярно къ самому сильному свѣту; у старыхъ же освѣщаются равномѣрно обѣ поверхности листьевъ. Они повернуты краемъ къ вѣткѣ, на которой сидятъ, какъ это бываетъ также съ листьями австралійскихъ акацій. Вслѣдствіе

этого листья даютъ тѣнь въ видѣ полоски, а кроны эвкалипта почти не даютъ тѣни.

Эвкалиптовые лѣса покрываютъ большую часть побережья южной Австраліи до Квинсленда, встрѣчаются также въ Тасманіи, болѣе густы на мѣстахъ, богатыхъ почвенною водою, и по берегамъ рѣкъ образуютъ заросли гигантскихъ величественныхъ стволовъ, окаймленныхъ кустарниками; они одѣваютъ большинство горныхъ склоновъ, въ гористыхъ округахъ вообще предпочитаютъ подножіе горъ, а по обширности превосходятъ всѣ саванные лѣса. Они въ высшей степени своеобразны во всемъ. Гладкіе лишенные коры стволы эвкалипта стоятъ рѣдко, образуя какъ бы не лѣсъ, а паркъ; они расположены черезъ извѣстные, иногда почти одинаковые промежутки, одиночно или небольшими группами, какъ бы посаженные искуснымъ садовникомъ; никогда крона эвкалипта не касается сосѣднихъ вершинъ.

Къ гигантскимъ эвкалиптамъ на сухой почвѣ присоединяются казуарины, которыя при вышинѣ въ 6—9 метровъ являются карликами рядомъ съ эвкалиптами; ихъ какъ бы безлиственныя, свѣшивающіяся, какъ у плакучей ивы, вѣтви синевато-зеленаго цвѣта придаютъ имъ довольно странный видъ. Къ нимъ примыкаютъ доставляющія смолу акаціи. Эти акаціи и другія деревья австралійскаго саваннаго лѣса къ концу дождливаго времени года покрываются желтыми цвѣтами. Тогда и нѣкоторыя паразитныя растенія, спускаясь съ вѣтвей казуарины и эвкалипта, даютъ массу красныхъ цвѣтовъ.

Австралійскіе саванные лѣса похожи на такіе же лѣса другихъ частей свѣта по отсутствію подлѣска и по обилію травянистой растительности, образующей плотный коверъ среди разбросанныхъ деревьевъ. По-

добно другимъ саваннымъ лѣсамъ, эвкалиптовый лѣсъ мало-по-малу переходитъ въ настоящія саванны, гдѣ свободные отъ деревьевъ луга занимаютъ половину почвы, мѣстами поросшей низкими кустарниками и вѣтвистыми карликовыми деревьями. Горные склоны

Эвкалиптовый лѣсъ.

также часто зарастаютъ травой. Въ южной Австраліи луга занимаютъ большую часть поверхности. Луга эти состоятъ изъ безконечныхъ волнистыхъ равнинъ, простирающихся отъ морского берега на сѣверъ и на востокъ. Вдоль берега моря и на сотни миль въ глубь страны луга большею частью исчезли; теперь почву покрываютъ пашни, гдѣ получается лучшая въ мірѣ пшеница.

Словно по волшебству, австралійскіе луга къ началу дождливаго времени покрываются свѣжей зеленью.

Дождь превращаетъ сухо-травянистый покровъ въ роскошный зеленый коверъ настолько быстро, что послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней равнина покрывается сочной зеленью, похожею на зелень сѣверныхъ странъ. Вмѣстѣ съ зеленью появляются цвѣты многихъ растеній, между прочимъ, желтые лютики и кислицы, бѣлыя росянки и много другихъ. Каждая недѣля приноситъ новыя краски. Но уже въ концѣ ноября количество цвѣтущихъ растеній очень невелико. Однолѣтнія травы и растущіе среди нихъ злаки засыхаютъ и исчезаютъ; въ январѣ лугъ походитъ на зрѣлое поле и до начала слѣдующаго дождливаго времени, вызывающаго новую зелень, равнины имѣютъ мрачный выжженный видъ.

Многія равнинныя мѣстности внутри Австраліи, подобно саваннамъ и лугамъ въ сухое время, круглый годъ имѣютъ пустынный видъ. Часто солончаковая почва покрыта пучками колючекъ, кое-гдѣ растутъ карликовые эвкалипты.

Фрукты и овощи Квинсленда.

Большая часть обширной территоріи Квинсленда лежитъ въ жаркомъ поясѣ. Бананы, ананасы, хлѣбное дерево, апельсины, лимоны, ленъ, кокосовая пальма, гигантская груша,—короче, все то, что свойственно тропикамъ, растетъ и здѣсь.

Когда жители вырубаютъ на топливо богатую тропическую растительность, очищенныя мѣста густо зарастаютъ дикими бананами и имѣютъ видъ превосходныхъ банановыхъ плантацій. А тамъ, гдѣ растутъ дикіе бананы, земледѣлецъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для выращиванія культурныхъ видовъ этого цѣннаго и питательнаго плода. Саго-

выя и финиковыя пальмы могли бы расти подъ тѣми же широтами въ мѣстностяхъ, гдѣ много подпочвенной воды. Кокосовая пальма растетъ повсемѣстно вдоль морского берега. Между 17° и 19° сѣверной широты находится обширное пространство холмистой страны, одѣтой тропической растительностью всѣхъ сортовъ, имѣющее плодородную почву и пользующееся обильными дождями. Эта мѣстность должна впослѣдствіи сдѣлаться житницей Квинсленда. Растительность этихъ мѣстностей вообще такъ богата и разнообразна, что она представляетъ изъ себя настоящій рай для ученыхъ ботаниковъ и для любителей природы. Кусты кофе и чая великолѣпно растутъ здѣсь, а также ваниль, корица, ямайскій перецъ, гвоздика и другія тропическія пряныя растенія. Нѣсколько южнѣе ананасы иногда вырастаютъ вѣсомъ въ 12—30 фунтовъ, а еще далѣе къ югу около Рокгамптона мягколистный кайенскій перецъ часто достигаетъ 10—14 фунтовъ.

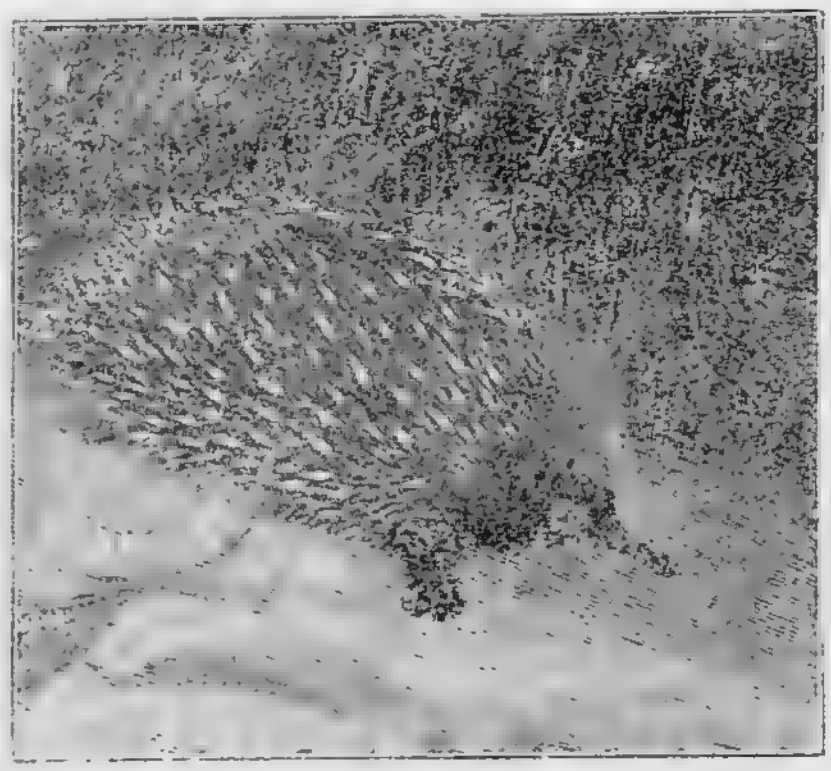
Обитатели сѣвернаго Квинсленда рѣдко ѣдятъ капусту, горохъ и другіе обыкновенные у насъ овощи. Вмѣсто капусты произрастаютъ нѣкоторыя разновидности серебристой свеклы, называемой «китайской капустой», и многіе другіе овощи, растущіе также въ Китаѣ и Индіи. Вмѣсто обыкновеннаго картофеля тамъ есть шишковатый корень, называемый сладкимъ картофелемъ. Онъ даетъ много клубней и хорошъ для различнаго употребленія. Молодыя верхушки представляютъ прекрасную, вкусную зелень для корма коровъ и свиней. Корни варятся для стола, а въ сыромъ видѣ они даются также домашнимъ животнымъ и птицѣ. Превосходная мука, которая называется арра-рутъ, сдѣлана изъ этого корня. Кромѣ того, у сѣвернаго тропика растетъ ямсъ, у южнаго моря таро—самый большой корнеплодъ тропиковъ.

Утконосъ и ехидна.

Перенеситесь мысленно на тихій спокойный берегъ одной изъ рѣкъ восточной Австраліи. Яркій лѣтній день. Красивыя акаціи свѣшиваютъ внизъ свои золотистые цвѣты. Подходите тихо и не зашуршите тростникомъ, который густо растетъ на берегу, ибо малѣйшій шумъ испугаетъ животное, которое мы ищемъ: оно сейчасъ же нырнетъ и скроется изъ виду. Вотъ оно мирно плаваетъ среди водныхъ растеній, гребя своими лапами, какъ веслами. Его темное, покрытое мѣхомъ тѣло, около полутора фута длиною, съ коротким широкимъ хвостомъ на концѣ, дѣлаетъ его на первый взглядъ похожимъ на небольшого бобра. Но странно, что у него широкій плоскій клювъ, какъ у утки, окруженный мягкой кожной складкой, которая, повидимому, обладаетъ чувствительностью. Затѣмъ мы видимъ у него четыре лапы, при помощи которыхъ онъ плаваетъ; на нихъ замѣтны настоящіе когти, но подъ пальцами натянута толстая перепонка, которая на переднихъ ногахъ заходитъ далеко за верхушки когтей и служитъ для плаванія, но при этомъ совершенно свободна, такъ что можетъ заворачиваться назадъ, когда животное роетъ землю. На заднихъ ногахъ перепонка гораздо короче, и здѣсь у самцовъ мы находимъ сзади острую шпору, какъ у боевыхъ пѣтуховъ. Затѣмъ, когда животное поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону, вы можете замѣтить небольшіе глаза, но не замѣтите ушей, ибо послѣднія суть просто небольшія отверстія, которыя животное можетъ наглухо замыкать, когда дѣйствуетъ въ водѣ, всовывая свой клювъ въ береговой илъ, какъ

это дѣлаютъ утки, и вскидывая его кверху тѣмъ же самымъ рѣзкимъ характернымъ движеніемъ. У него въ клювѣ, такъ же, какъ и у утокъ, небольшія роговыя пластинки, черезъ которыя процѣживается пища и которыя играютъ роль зубовъ.

Что же это за четвероногое животное съ мѣхомъ и хвостомъ, какъ у бобра, съ роговыми зубами во рту, но съ утинымъ клювомъ и перепончатыми ногами? Это самое низшее и самое простѣйшее млекопитающее животное, какое мы знаемъ на свѣтѣ, — утконосъ, котораго мѣстные колонисты называютъ водянымъ кротомъ. Если мы будемъ искать вдоль берега, мы можемъ найти гдѣ-нибудь ниже уровня воды отверстіе, а на нѣсколько футовъ выше на берегу другое отверстіе, скрытое среди травы и камыша. Оба они ведутъ въ длинный проходъ или коридоръ, который оканчивается темною подземною норою, выстланной сухою травою и листьями. Здѣсь въ лѣтнее время (въ Австраліи около декабря) мы можемъ найти мать утконоса съ двумя или четырьмя маленькими голыми дѣтьми, менѣе двухъ дюймовъ длиною, которыя лежатъ, прижавшись къ ней. Эти малютки вылупились изъ яицъ, покрытыхъ плотной гибкой оболочкой, какъ яйца змѣй. Такимъ образомъ утконосъ и, какъ мы увидимъ дальше, ехидна отличаются отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что ихъ дѣти вылупливаются изъ



Ехидна.

яицъ. Ехидна носитъ ихъ даже въ особомъ небольшомъ мѣшкѣ.

Но какъ же они питаются? Ихъ мать среди шерсти имѣетъ небольшія отверстія, изъ которыхъ она можетъ выжимать и давать имъ пить молоко, когда они тѣсно прижимаются къ ней своимъ мягкимъ плоскимъ клювомъ.

Австралійскій утконосъ представляетъ самое низшее млекопитающее животное; здѣсь же мы находимъ другую, близкую и родственную ему форму — ехидну, которая во многихъ отношеніяхъ похожа на утконоса, но сдѣлала уже рѣшительный шагъ впередъ. Ехидна около фута длиною, покрытая, подобно ежу, колючими иглами и называемая мѣстными жителями «дикобразомъ-муравьѣдомъ», блуждаетъ въ сумеркахъ по песчаному берегу и скалистымъ ущельямъ Австраліи, высовывая свой длинный червеобразный языкъ изъ маленькаго рта, находящагося на концѣ, похожаго на клювъ рыла, и питается муравьями и муравьиными яйцами. Острыя иглы хорошо защищаютъ ее въ борьбѣ за жизнь, и когда на нее кто-нибудь нападаетъ, она или свертывается въ шаръ, подобно ежу, или зарывается въ песокъ такъ быстро, что кажется будто она провалилась сквозь землю, оставляя только концы своихъ колючихъ иглъ, которыя торчатъ наружу, чтобы пронзить ноги своего врага.

Ехидна-мать имѣетъ на брюшной поверхности тѣла небольшую складку кожи, которая образуетъ мѣшочекъ съ двумя маленькими карманами надъ отверстіями, дающими молоко, и маленькая новорожденная ехидна садится въ этотъ мѣшокъ, чтобы пить молоко, при чемъ держитъ голову тамъ, тогда какъ тѣло ея по мѣрѣ того, какъ растетъ, выдается наружу. Такимъ

образомъ ехидна можетъ носить съ собой своего дѣтеныша, а когда у него иглы станутъ тверды и остры, она выталкиваетъ его оттуда, и онъ самъ уже начинаетъ заботиться о себѣ.

Вы видите, что, хотя мы начали съ простѣйшихъ, извѣстныхъ намъ млекопитающихъ животныхъ, но ехидна съ своей кожной складкой находится уже на пути къ интереснымъ сумчатымъ животнымъ Австраліи, которыя вмѣсто небольшой складки имѣютъ уже большой мѣшокъ.

Кенгуру.

Австралія и прилежащіе къ ней острова составляютъ родину кенгуру; обширныя, богатыя травою равнины, окруженныя лѣсами, составляютъ любимое ихъ мѣстопребываніе. Кенгуру бываютъ разныхъ породъ, и большіе и маленькіе, но всѣ они отличаются тѣмъ, что у нихъ дѣтеныши родятся въ самомъ жалкомъ видѣ: безъ шерсти, безъ глазъ, безъ ушей, даже вмѣсто лапъ у нихъ какіе-то бугорки. Мать осторожно беретъ въ ротъ такого новорожденнаго и всовываетъ его въ мѣшокъ, который у нея имѣется на животѣ; тамъ дѣтеныштъ плотно присасывается къ матери и остается все время, пока не покроется шерстью, не получитъ глазъ, ушей и лапъ. Но и получивши все это, онъ только выглядываетъ изъ своей сумки и самое большое, если рѣшится выскочить на нѣсколько минутъ, чтобы познакомиться съ Божьимъ міромъ; при малѣйшей тревогѣ онъ прячется въ сумку. Такъ проходитъ все его дѣтство, т.-е. мѣсяцевъ 6—8. По мѣрѣ того, какъ дѣтеныши растутъ, сумка все увеличивается, такъ что мѣста имъ всѣмъ хватаетъ, хотя ихъ

бываетъ отъ 1—14. Вѣроятно, не легко матери-кенгуру таскать 6 или 8 мѣсяцевъ такую ношу.

Кенгуру—настоящее дитя пустынь и степей Австраліи. Безъ воды это животное можетъ оставаться по цѣлымъ недѣлямъ и, кажется, вовсе въ ней не нуждается; пищей оно довольствуется самой скудной — сухими, тощими травами; двигается оно съ быстротою вѣтра огромными прыжками; наконецъ дѣтей своихъ оно носитъ въ сумкѣ, такъ что всегда готово къ поспѣшному бѣгству, при первомъ признакѣ врага. Въ своихъ родныхъ равнинахъ эти робкія созданія водятся большими стадами, къ досадѣ европейцевъ, такъ какъ кенгуру съѣдаетъ травы, годныя для овецъ. За кенгуру часто охотятся въ Австраліи. Охотникъ верхомъ на лошади во весь духъ несется съ борзыми собаками за кенгуру, который прыжками, саженя по 4 каждый, старается уйти отъ нихъ, пока собаки не вцѣпятся зубами въ его тѣло.

Кенгуру.

Боязливость — самая выдающаяся черта въ характерѣ кенгуру, и онъ нерѣдко становится жертвой ея. Плѣнные кенгуру не только убиваются, наскакивая на рѣшетку, но въ буквальномъ смыслѣ слова умираютъ отъ страха. Одинъ кенгуру умеръ скоро послѣ сильной грозы вслѣдствіе испуга. Ударъ молніи несказанно поразилъ его. Повидимому, ослѣпленный, онъ тотчасъ послѣ молніи прыгнулъ вверхъ, сѣлъ затѣмъ на заднія ноги и хвостъ, наклонилъ въ сторону голову,

стать крайне подозрительно и растерянно трясти головой, испугавшись грознаго явленія, поворачивать уши по направленію раскатовъ грома, жалобно смотрѣть на смоченныя дождемъ переднія лапы, облизывать ихъ съ истиннымъ отчаяніемъ, быстро дышать и грясть головой до тѣхъ поръ, пока не умеръ.

Эму.

Царемъ всѣхъ птицъ Австраліи является эму, иногда неправильно называемый австралійскимъ страусомъ. Онъ распространенъ по всей Австраліи; въ восточной половинѣ водится одинъ видъ эму, въ западной Австраліи другой. Такъ какъ эму не преслѣдуется колонистами, да и черные обитатели Австраліи не трогаютъ его, то онъ далеко не отличается трусливостью. Часто можно видѣть, какъ эти птицы разгуливаютъ между пасущимся скотомъ, не обращая ровно никакого вниманія на проѣзжающаго мимо всадника, если только онъ не подъѣдетъ къ нимъ вплотную.

Эму.

Яйца эму имѣютъ красивую темно-зеленую окраску. Изъ скорлупы ихъ иногда дѣлаютъ сосуды для питья. Такую же, но только болѣе свѣтлую, окраску имѣютъ яйца казуара, водящагося лишь на самомъ сѣверѣ материка Австраліи и въ Новой Гвинеѣ. Яйца эти

употребляются въ пищу: одного яйца хватаетъ, чтобы насытить нѣсколько человѣкъ.

Молодые эму сильно отличаются окраской отъ взрослыхъ: они не имѣютъ свойственной имъ однообразной буровато-сѣрой окраски, а отличаются очень красивымъ опереніемъ: по общему темно-сѣрому фону проходятъ черезъ все тѣло многочисленныя продольныя полосы. Подобною же полосатостью отличаются и молодые казуары. Эта полосатость молодыхъ птицъ приноситъ имъ значительную пользу. Дѣло въ томъ, что молодыхъ птенцовъ эму очень часто таскаютъ орлы и ястребы, распространенные во всей Австраліи. Когда молодой эму замѣчаетъ вьющуюся надъ собой крупную хищную птицу, онъ прижимается плотно къ землѣ. Если бы крупное тѣло молодого эму имѣло одноцвѣтную окраску, то, будучи прижато къ землѣ, особенно среди травяной степи, оно рѣзко бросалось бы въ глаза, какъ бы ни была невзрачна его окраска; пятна и полосы дѣлаютъ птицу менѣе замѣтной. Дѣйствительно, молодого эму очень трудно замѣтить въ травѣ, когда онъ плотно прижимается къ землѣ. Если молодые эму живутъ среди однообразной песчаной почвы, то полосатости обыкновенно у нихъ не замѣчается, такъ какъ въ этомъ случаѣ она могла бы имъ только повредить. Когда эму вырастетъ, онъ становится слишкомъ крупнымъ, сильнымъ, чтобы бояться какой-нибудь хищной птицы, и охранительная окраска его оперенія исчезаетъ. Безбоязненно разгуливаетъ теперь величественная птица по необъятымъ рѣдкимъ лѣсамъ своей родины, въ которыхъ не скрывается ни одного животнаго, опаснаго для эму, конечно, если не считать человѣка.

Какаду.

Между многочисленными попугаями, живущими въ Австраліи, какаду занимаютъ выдающееся мѣсто. Эта великолѣпная птица распространена преимущественно въ юго-восточной Австраліи и держится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ высокіе деревья и кустарники, но на морскомъ берегу она никогда не показывается. По образу жизни и движеніямъ какаду похожи на прочихъ попугаевъ, но принадлежатъ къ числу пріятныхъ птицъ этого класса. Когда они живутъ огромными стаями, то ихъ непріятный голосъ можетъ сдѣлаться настолько оглушительнымъ, что люди проклинаютъ ихъ присутствіе, но если имѣть дѣло съ одной птицей, то почти всегда полюбишь ее. Всѣ какаду умны и понятливы, а большинство изъ нихъ выказываютъ серьезный и кроткій нравъ. Ихъ душевныя способности достигаютъ сильнаго развитія, у нихъ замѣчается большое любопытство и хорошая память. Какаду охотно и сильно дружится съ человѣкомъ. Одно лишь дурное обращеніе дѣлаетъ его недовѣрчивымъ и сердитымъ.

На свободѣ какаду живутъ обществами. Они проводятъ ночь, спрятавшись въ листвѣ высокихъ деревьевъ, и встрѣчаютъ утро очень громкимъ крикомъ, который слышенъ издали. Затѣмъ они снимаются съ мѣста и летятъ, рѣдко махая крыльями, паря и скользя по воздуху, на какое-нибудь засѣянное поле или вообще туда, гдѣ надѣются найти обильный кормъ. Они по возможности съѣдаютъ сразу весь кормъ, до котораго могутъ добраться. Главную пищу ихъ составляютъ плоды, зерна и сѣмена, но, кромѣ того, они ѣдятъ небольшіе клубни и луковицы, которые искусно выкапы-

ваютъ изъ земли своимъ крючковатымъ клювомъ; ѣдятъ также грибы и, подобно курамъ, глотаютъ мелкіе камешки, чтобы способствовать размельченію пищи. Какъ только стая насытилась, она возвращается на мѣсто отдохновенія въ лѣсъ и сидитъ тамъ довольно безшумно. Затѣмъ попуган еще разъ летятъ на поля, чтобы кормиться, а при наступленіи ночи отправляются опять на покой.

Такъ живутъ стаи до времени гнѣздованія, когда пары раздѣляются, и каждая изъ нихъ отыскиваетъ себѣ удобное углубленіе для гнѣзда. Гнѣздо это находится въ дуплахъ деревьевъ, въ выгнившихъ толстыхъ сучьяхъ, а также въ трещинахъ скалъ. Крутые, скалистые берега южно-австралійскихъ рѣкъ ежегодно служатъ мѣстомъ гнѣздованія многихъ тысячъ какаду, точно такъ, какъ на берегахъ сѣверныхъ морей подобныя скалы служатъ пріютомъ для цѣлыхъ стай чаекъ. Полагаютъ, что нѣкоторые изъ этихъ крутыхъ откосовъ покрыты углубленіями, сдѣланными самими попугаями, и крѣпость ихъ клюва даетъ право предполагать, что подобная работа для нихъ возможна. Кладка состоитъ всегда только изъ двухъ, рѣдко трехъ чисто-бѣлыхъ яицъ, немного остроконечныхъ, которыя по величинѣ равняются яйцамъ нашихъ карликовыхъ куръ, но отличаются отъ нихъ своей глянцевитостью.

Вслѣдствіе вреда, приносимаго большими стаями какаду для сельскаго хозяйства, ихъ усердно преслѣдуютъ на родинѣ и во множествѣ убиваютъ. Опытные путешественники разсказываютъ, что, какъ только какаду замѣтятъ враждебныя намѣренія человѣка, то дѣлаются необыкновенно осторожными; они тогда съ большою хитростью совершаютъ свои хищническіе набѣги и ихъ трудно удержать отъ посѣщенія засѣянныхъ полей. Туземцы охотятся на какаду своеобразнымъ способомъ.

Трудно,—говоритъ Грей,—представить себѣ болѣе привлекательное зрѣлище, чѣмъ охоту австралійцевъ на этихъ птицъ. Они пользуются для этого туземнымъ оружіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *бумеранга*,—это серпообразная плоская дощечка изъ твердаго дерева, которая бросается рукою на 30 метровъ разстоянія; она, кружась, прорѣзаетъ воздухъ и, несмотря на многія уклоненія отъ прямого пути, довольно вѣрно достигаетъ цѣли. Туземецъ отыскиваетъ большую стаю какаду, при чемъ охотнѣе всего идетъ къ рѣкѣ или озеру, которыя окружены высокими и густыми деревьями. Какаду особенно любятъ подобныя мѣста и ихъ можно здѣсь встрѣтить несмѣтными стаями, при чемъ они то лазаютъ по вѣтвямъ деревьевъ, то летаютъ съ дерева на дерево. Туземецъ со всевозможными предосторожностями подползаетъ къ такому озерку, пробирается отъ дерева къ дереву, прячется за кусты, однимъ словомъ, всѣми силами старается какъ можно менѣе напугать осторожныхъ птицъ. Однако, несмотря на то, что его легкіе шаги почти не производятъ никакого шума, какаду все-таки замѣчаетъ его, и всеобщее смятеніе указываетъ на приближеніе опаснаго врага. Птицы уже знаютъ о томъ, что имъ грозитъ опасность, но еще не вполнѣ увѣрены въ значительности ея. Охотникъ такимъ образомъ доходитъ до воды и здѣсь, болѣе не скрываясь, показываетъ свою темную голую фигуру. Бѣлая стая птицъ съ раздирающими уши криками поднимается на воздухъ, и туземецъ въ тоже мгновеніе бросаетъ свое оружіе. Бумерангъ удивительными изгибами пересѣкаетъ воздухъ надъ водой, поднимается все выше и попадаетъ въ середину стаи. Охотникъ бросаетъ второе, третье, четвертое подобное оружіе, и смущенныя птицы напрасно стараются избѣгнуть ударовъ; неправильный полетъ буме-

ранговъ сбиваетъ ихъ съ толку и затрудняетъ ихъ движенія. Многія изъ птицъ получаютъ удары бумеранга, нѣкоторымъ онъ попадаетъ по шеѣ, другимъ ломаетъ крылья. Раненыя птицы съ громкими криками падаютъ на землю и дѣлаются добычей темнокожаго охотника; тогда только остальная часть стаи приходитъ въ себя, съ ужасомъ улетаетъ и прячется въ верхушкахъ высокихъ деревьевъ.

Мясо убитыхъ какаду считается довольно вкуснымъ. Какаду легко поймать живыми, и множество этихъ птицъ привозятся къ намъ въ Европу. Они очень хорошо переносятъ неволю и неприхотливы на кормъ, почему ихъ можно безъ труда перевозить на большія разстоянія. При хорошемъ уходѣ какаду можетъ прожить въ Европѣ очень долго: были примѣры, что какаду доживали въ клѣткѣ до 70 лѣтъ.

Австралійцы.

Австралійцы считаются самыми дикими изъ всѣхъ человѣческихъ обитателей земли. По цвѣту своей кожи австралiецъ принадлежитъ къ черной расѣ, но по чертамъ лица, по формѣ и количеству волосъ на тѣлѣ, онъ не похожъ ни на африканскихъ негровъ ни на папуасовъ, темнокожихъ обитателей острововъ Океаніи, сосѣднихъ съ Австралiей. На нашъ взглядъ, наружность австралійца кажется безобразной. Въ ней бросаются въ глаза низкій, покатый лобъ, выпуклый въ своей нижней части надъ глубоко сидящими глазами, широкій приплюснутый носъ, толстыя губы, длинные, всклоченные волосы на бородѣ и головѣ. Руки и ноги поражаютъ своей худощавостью. Ростъ его средній и даже выше средняго. Цвѣтъ кожи шоколадно-бурый. Женщины ихъ также некрасивы и въ старости ста-

повятся ужасно безобразными. Они менѣе сильны, чѣмъ европейцы, но превосходятъ ихъ въ ловкости движеній.

Откуда и когда они пришли на свой материкъ, мы точно не знаемъ. Они пришли туда въ совершенно дикомъ состояніи и привели съ собой лишь одно домашнее животное—собаку *динго*, которая съ тѣхъ поръ наполовину одичала. Въ Австраліи они нашли самыя тяжелыя условія существованія. Страна эта, за исключеніемъ небольшой восточной части, отличается сухостью и недостаткомъ животныхъ и растеній, полезныхъ для человѣка. Повидимому, она уже давно отдѣлилась отъ Азіи, и азіатскія животныя, за исключеніемъ птицъ, не могли переселиться въ нее. Въ этой сухой странѣ вода попадается рѣдко, и австралійцу пришлось выучиться находить ее подъ почвой въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бѣлый человѣкъ никакъ не могъ бы ее отыскать.

Мужчина изъ Новаго Южнаго Уэльса.

Вся жизнь австралійца проходитъ въ добываніи пищи. Съ ранняго утра, подкрѣпившись остатками вчерашняго

ужина, австралiецъ отправляется на охоту, а жена его съ дѣтьми идетъ собирать мелкихъ животныхъ и коренья. Къ вечеру мужъ возвращается съ добычей, и, если охота была удачна, жена готовитъ принесенное имъ, а въ случаѣ неудачи, вся семья довольствуется тѣмъ, что пришлось собрать женщинѣ. Послѣ ѣды вся семья засыпаетъ у потухающаго костра, до наступленiя утра, когда опять начинаются поиски пищи.

Занятые постоянно отыскиванiемъ пищи, австралiйцы должны часто переходить съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ убогимъ скарбомъ. Поэтому жилищъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. такихъ, которыя укрывали бы человѣка отъ холода и непогоды, они почти не знаютъ. Любимымъ убѣжищемъ служатъ для нихъ пещеры и навѣсы подъ скалами. Тамъ, гдѣ не попадается пещеръ, австралiецъ просто пригибаетъ и прикрѣпляетъ къ землѣ верхнiе концы вѣтвей куста и подъ такимъ навѣсомъ проводитъ ночь. Когда онъ бродитъ въ мѣстности, гдѣ не растетъ и кустовъ, онъ заранѣе заготовляетъ заслоны или щиты изъ вѣтвей, которые заставляетъ носить за собой своихъ женъ. На мѣстѣ ночлега щиты прислоняютъ къ скалѣ или приставляютъ одинъ къ другому наподобiе карточнаго домика. Австралiецъ можетъ довольствоваться такими простыми жилищами, потому что климатъ въ его странѣ довольно теплый, а въ сѣверной Австралiи даже жаркiй. Однако въ сѣверной и сѣверо-западной Австралiи мы находимъ хижины нѣсколько лучшей постройки, чѣмъ въ южной, гдѣ даже въ зимнее, болѣе прохладное время туземцы обходятся самыми простыми шалашами изъ древесной коры или вѣтвей.

Не нуждаясь въ одеждѣ для защиты отъ холода, они довольствуются однимъ передникомъ изъ травы, а иногда обходятся и безъ него. Южные австралійцы въ холодное время накидываютъ себѣ на плечи шкуру кенгуру; отъ сырости они защищаются натираніемъ тѣла жиромъ.

Австралійцы добываютъ огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева, но это требуетъ большихъ усилій, и они стараются не давать огню погаснуть. Они поддерживаютъ костеръ все время, пока остаются на одномъ мѣстѣ, а когда находятся въ пути, несутъ съ собою головню или тлѣющіе уголья. Огонь имъ необходимъ не только для согрѣванія въ сырую погоду или въ холодныя ночи, но еще и потому, что они страшно боятся темноты. Собираніе сучьевъ для костра и поддержаніе его лежатъ на обязанности женщины.

На долю женщины тамъ приходится самая тяжелая работа: она должна отыскивать и готовить пищу, заготовлять топливо для костра и носить на себѣ всю утварь и заслоны или жерди для хижины. Мужъ считаетъ, что она обязана все это дѣлать и, сколько бы она ни работала, не выказываетъ ей никакой признательности; если же она что-нибудь сдѣлаетъ не такъ, какъ онъ хотѣлъ, онъ безъ всякой пощады наноситъ ей ударъ палицей и даже копьемъ.

Австралiецъ, отличающійся силой или ловкостью на охотѣ, беретъ себѣ столько женъ, сколько можетъ прокормить, и ихъ у него бываетъ иногда по три и по четыре. Кромѣ тяжелой и непрерывной домашней работы, австралійка должна ухаживать за дѣтьми.

Къ дѣтямъ матери и отцы относятся съ большою нѣжностью. Пока они малы, имъ предоставляютъ полную свободу и за шалости рѣдко наказываютъ ихъ. Подрастающихъ мальчиковъ отцы берутъ съ собой на

охоту и учатъ всему, что надо знать дикому охотнику, а дѣвочекъ матери пріучаютъ къ хозяйству. Юношей и отчасти дѣвушекъ подвергаютъ разнымъ истязаніямъ, чтобы они могли доказать свою выносливость, ловкость на охотѣ или умѣлость въ хозяйствѣ.

Образъ жизни австралійцевъ.

Мы не могли бы понять австралійцевъ, не зная объ ихъ бродячемъ образѣ жизни. Первыя причины его заключаются въ недостаткѣ воды и въ происходящемъ отсюда неравномъ распредѣленіи питательныхъ растеній и животныхъ; время засухи превращаетъ многія мѣста, удобныя для жизни, въ необитаемыя. Продолжительная засуха такъ же велика, какъ неопредѣленны время выпаденія и количество осадковъ; горъ, питающихъ источники, почти нѣтъ, и поэтому тамъ существуетъ немного постоянныхъ оазисовъ; прорывающіеся отъ времени до времени влажные муссоны не могутъ ограничить безпрерывныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Растительныя и пищевыя вещества часто приходится искать на большихъ разстояніяхъ; животныя почти въ такой же мѣрѣ, какъ и человѣкъ, избѣгаютъ сухихъ мѣстностей. Бродячей жизни благопріятствуетъ недостатокъ горъ и большихъ рѣкъ въ большей части страны. Австралія обладаетъ самыми неблагопріятными условіями для развитія осѣдлаго населенія. Такъ бродятъ племена запада, мужчины съ оружіемъ впереди, а женщины позади ихъ съ поклажею и дѣтьми; грузъ ихъ увеличивается обыкновенно одеждой, которую снимаютъ для большаго удобства на ходу. Въ мѣшкѣ, который каждая женщина несетъ на спинѣ, находятся: плоскій камень для размягченія съѣдобныхъ корней, куски кварца для ножей и наконечниковъ копій, камни топоровъ, куски

Женщины изъ южной Австралiи.

смолы для исправленія или и готовленія оружія, жилы кенгуру для связыванія и иглы изъ костей кенгуру, шерсть опоссума для поясовъ, куски кожи кенгуру для шлифовки копій, острыя раковины для ножей и топоровъ, желтая и красная глина для раскрашиванія тѣла, кусокъ древесной коры для изготовленія мочала, веревки, пояса, нѣкоторыя украшенія, трутъ для добыванія огня, нѣкоторое количество жиру и всѣ собранные по дорогѣ коренья и плоды. Подъ мѣшкомъ онѣ несутъ еще запасъ необработанныхъ кожъ, а въ рукѣ—палку отъ 5 до 6 футовъ или головню; мужчина часто даетъ имъ нести еще и свои копья. На этихъ переходахъ дѣлаютъ обыкновенно не болѣе 25—30 километровъ; когда дорогой можно найти дичь, мужчины идутъ на охоту, а женщинъ и дѣтей отправляютъ по прямому пути къ предназначенной стоянкѣ.

Время пребыванія на одномъ мѣстѣ зависитъ отъ количества пищи, воды и другихъ удобствъ, но оно рѣдко продолжается болѣе двухъ недѣль. Это невозможно уже потому, что ихъ тѣснятъ другія группы. Вслѣдствіе того лѣтомъ вообще мѣста мѣняются чаще, чѣмъ зимою. Общія совѣщанія и празднества также понуждаютъ племена къ перемѣнѣ мѣста. Многія церемоніи требуютъ совмѣстнаго участія нѣсколькихъ родственныхъ племенъ. Наконецъ и страхъ къ мѣстамъ смертныхъ случаевъ и другія суевѣрія служатъ поводомъ къ переселеніямъ.

Обѣдъ дикаря.

Для первобытнаго человѣка ѣда есть цѣль существованія, забота его дня, сновидѣніе всей его ночи. Цивилизованный человѣкъ, никогда не испытавшій такого голода, который не былъ бы удовлетворенъ немедленно,

не можетъ даже и понять, до какой степени душа его дикаго брата находится подъ властью желудка; онъ не можетъ понять восторга, въ какой ввергаетъ этого человѣка-звѣря, поглощаемаго голодомъ, видъ трупа животнаго, не можетъ понять и взгляда, съ которымъ этотъ голодный смотритъ на того, кто ѣстъ.

Жители сѣверной Австраліи при своихъ переселеніяхъ терпятъ часто такія лишенія отъ голода, что утоляютъ его муки, глотая шарики изъ глины. Китъ есть величайшее лакомство, какое только достается австралійцу. Когда онъ стоитъ около гигантскаго трупа одного изъ этихъ чудовищъ, онъ можетъ быть сравненъ съ мышью, стоящею передъ высокимъ пирогомъ. Когда туземный собственникъ найдетъ кита, выброшеннаго на берегъ въ его владѣніяхъ, всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. Вмѣсто того, чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ преисполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этою цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло вмѣстѣ съ женою и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи.

Исполнивъ эту обязанность, онъ натираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ женъ и, приготовившись такимъ образомъ, прорѣзываетъ себѣ путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать свою дорогу въ китѣ, лазить впередъ и назадъ, выбирая лучшіе куски...

Многихъ очевидцевъ удивляетъ, сколько ѣдятъ дикари: ихъ обжорливость выше всякаго описанія. Но тѣ же самые дикари, которые участвуютъ въ описанномъ или подобномъ ему пиршествѣ, въ состояніи терпѣть голодъ отъ 3 до 16 дней и болѣе. Часто причина подобнаго воздержанія—простая лѣнь: они охотнѣе зашнуруютъ себѣ брюхо и проспятъ голодъ, чѣмъ предпримутъ трудъ для добыванія пищи. Лѣность одна изъ главныхъ чертъ въ характерѣ многихъ дикихъ народовъ. Трудъ ихъ не постояненъ и случаенъ. Самая забота о собственномъ существованіи не идетъ у нихъ дальше настоящаго момента: у нихъ нѣтъ завтрашняго дня; они ѣдятъ и спятъ, пробуждаются и ищутъ пищи. Въ этомъ ихъ жизнь.

Рыбная ловля.

Способы, примѣняемые дикими народами для ловли рыбы, безчисленны; вмѣстѣ съ удочкой и сѣтью употребляются стрѣлы, копья, верши и т. д. Все, что мы объ этомъ знаемъ, указываетъ на то, что ловля рыбы у дикарей имѣетъ болѣе правильный характеръ, чѣмъ охота; на многихъ островахъ Тихаго океана существуютъ даже опредѣленные дни недѣли, разъ навсегда посвященные поѣздкамъ за рыбою, и вожди этихъ рыболовныхъ экспедицій являются въ то же время и вождями на войнѣ. Такъ какъ въ тропическихъ странахъ мясо быстро портится, то охота и рыбная ловля могутъ доставлять лишь время отъ времени дополненіе къ растительной пищѣ. Во всякомъ случаѣ дикіе народы научились давно сушить, коптить рыбу и разрѣзывать ее на тонкія полосы: подобные способы приготовленія встрѣчаются какъ у полинезійцевъ, такъ и у австралійцевъ.

Въ широкихъ рѣкахъ Австраліи,—говорилъ Эйръ,—гдѣ вода низка и чиста, партіи туземцевъ, отъ 40 — 50 человѣкъ каждая, ловятъ рыбу копьями изъ твердаго дерева съ острыми наконечниками. Образуя изъ себя широкій полукругъ, они погружаются одновременно въ воду съ своимъ оружіемъ и остаются подъ водою довольно долго. Если ловъ былъ неуспѣшенъ, они отплываютъ на нѣкоторое разстояніе далѣе и снова ныряютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ они часто мѣняютъ мѣсто на протяженіи одной или двухъ миль, пока не поймаютъ, сколько имъ нужно. Ловкость и порядокъ, съ которыми они ныряютъ въ воду, приводятъ въ изумленіе того, кто присутствуетъ при этомъ впервые». Тотъ же путешественникъ описываетъ и ночную ловлю рыбы дикарями. Множество лодокъ съ огнями выѣхало на ловлю. Движеніе цѣлой флотиліи этихъ лодокъ, скользящихъ вдали подобно множеству огненныхъ шаровъ, которые сообщали еще болѣе густую тѣнь мраку, окружающему зрителя, придавало всей сценѣ чрезвычайно интересный видъ и производило сильное впечатлѣніе.

Охота на кенгуру.

Въ охотѣ за кенгуру принимаетъ участіе иногда цѣлое племя или нѣсколько племенъ. Избравши мѣсто для охоты, мужчины ложатся въ траву на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, вдоль долинъ, а женщины и дѣти, образуя длинную линію, всходятъ на холмы, стараясь гнать кенгуру въ долины, въ которыхъ размѣщены мужчины. Животныя инстинктивно выбираютъ это направленіе, потому что сюда легче бѣжать. По мѣрѣ того, какъ стадо съ шумомъ пробѣгаетъ мимо охотниковъ, каждый изъ нихъ по очереди поднимается

изъ засады и наноситъ ударъ копьемъ одному или двумъ животнымъ. Такимъ образомъ они поддерживаютъ другъ друга, пока стадо не пройдетъ мимо послѣдняго охотника, и тогда они начинаютъ собирать свою добычу. Этотъ родъ охоты есть одно изъ самыхъ

Охота на кенгуру.

крупныхъ событій въ быту дикарей: громкіе крики женщинъ и дѣтей на холмахъ, шумъ и грохотъ, производимый быстрыми скачками большого числа кенгуру, дикіе возгласы мужчинъ, выскакивающихъ изъ своихъ засадъ, — все это порождаетъ всеобщее возбужденіе.

Но этотъ способъ охоты невозможенъ на земляхъ, покрытыхъ кустарникомъ и плоскихъ, гдѣ кенгуру мало. Въ кустарникъ прячутся кенгуру отъ дневного жара. Дикари заходятъ съ разныхъ сторонъ, окружаютъ животныхъ и зажигаютъ кусты. Въ ужасѣ бѣ-

гутъ кенгуру къ открытому пространству, направляясь къ опушкѣ лѣса, но прежде чѣмъ достигнуть ея, встрѣчаютъ на дорогѣ пламя, зажженное съ противоположной стороны; пугаемыя громкими и ужасающими криками они дико бѣгаютъ кругомъ, пока не ошалѣютъ отъ страха и не кинутся въ среду своихъ враговъ.

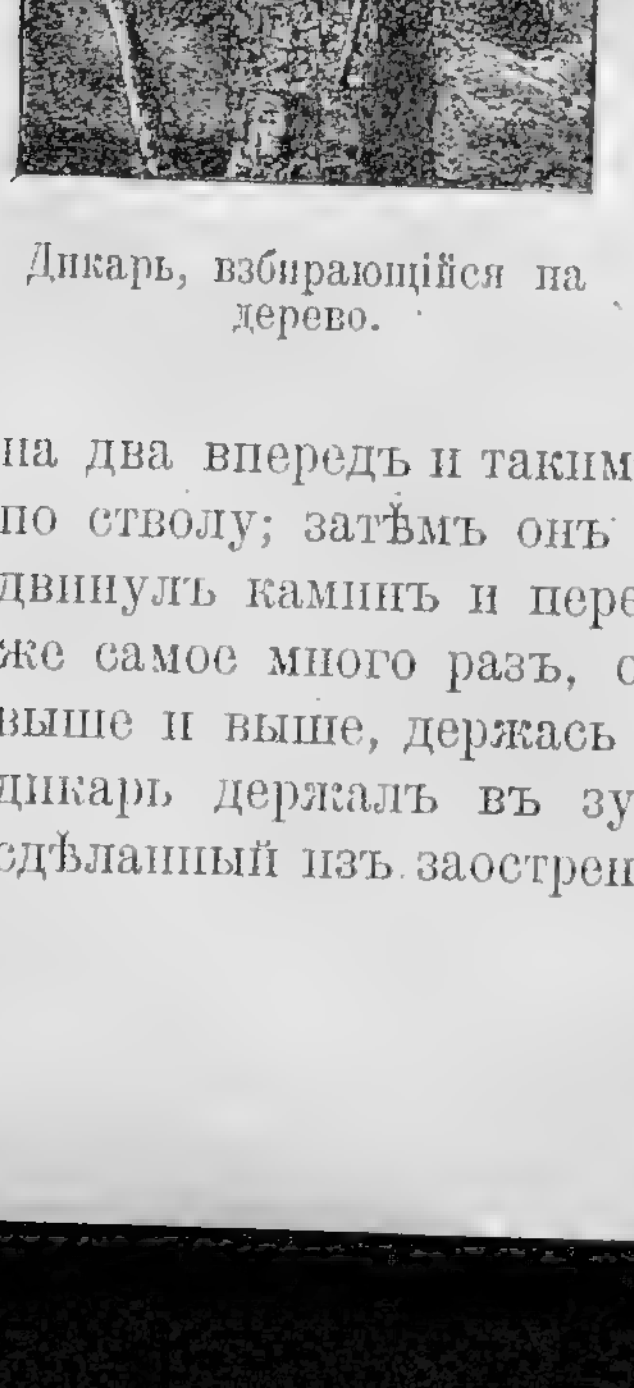
Когда кенгуру окружены на равнинѣ, кругъ, охватывающій ихъ, суживается постепенно все болѣе и болѣе, пока нѣкоторые изъ нихъ не встревожатся и не обратятся въ бѣгство. Но прежде, чѣмъ они сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ, ихъ останавливаетъ страшный крикъ дикарей; придя въ ужасъ, перепуганныя животныя опускаются на землю. Вооруженные дикари, махая копьями и испуская громкіе крики, сбѣгаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и прежде чѣмъ животныя придутъ въ себя отъ перваго удивленія и страха, бойня уже началась...

Охота на опоссума.

Однажды шелъ Люмгольцъ со своими друзьями дикарями по эвкалиптовому лѣсу. Деревья вокругъ него были очень высокія и толстыя. Вѣтви ихъ начинались саженъ на 15 отъ земли. Кора деревьевъ была очень гладкая. И вотъ на одномъ такомъ деревѣ зоркій дикарь увидѣлъ какого-то звѣрька. Звѣрокъ этотъ сидѣлъ, прижавшись къ самому стволу дерева, въ саженяхъ тридцати отъ земли. Люмгольцъ прицѣлился и выстрѣлилъ, но промахнулся. Звѣрокъ обѣжалъ вокругъ дерева и спрятался по другую сторону ствола. Люмгольцъ обошелъ вокругъ дерева и снова промахнулся. Тогда Джекки сказалъ Люмгольцу:

— Не стрѣляй. Мы достанемъ звѣря другимъ способомъ.

Тотчасъ же нѣсколько дикарей побѣжало въ лѣсъ. Минутъ черезъ 10 они уже вернулись. Въ рукахъ у нихъ былъ длинный и крѣпкій тростникъ, тонкій и гибкій и сажени три въ длину. Дикари называютъ такой тростникъ «камингъ». Одинъ дикарь взялъ этотъ «камингъ» и сталъ сгибать его и надламывать, дѣлая по возможности мягкимъ. Тростникъ хрустѣлъ, ломался, но не обрывался. Въ концѣ-концовъ изъ тростника получилась какъ бы веревка, мягкая, но крѣпкая. Дикарь сдѣлалъ на одномъ концѣ камина узелъ и взялъ его въ лѣвую руку. Другой конецъ камина онъ перекинулъ вокругъ дерева. Правой рукой дикарь ухватилъ правый конецъ камина, который былъ перекинутъ вокругъ дерева. Ногами дикарь уперся въ древесный стволъ, держась за камингъ и откинувши свое тѣло сильно назадъ. Потомъ онъ какъ-то странно встряхнулся и въ это время передвинулся по дереву шага на два впередъ и такимъ способомъ немного поднялся по стволу; затѣмъ онъ снова встряхнулся, опять передвинулъ камингъ и передвинулся самъ. Продѣлывая то же самое много разъ, онъ поднимался по стволу все выше и выше, держась за свой камингъ. Все это время дикарь держалъ въ зубахъ свой неуклюжій топоръ, сдѣланный изъ заостреннаго куска камня, привязаннаго



Дикарь, взбирающійся на дерево.

къ рукояткѣ. Въ одномъ мѣстѣ стволъ дерева оказался очень гладкимъ, такъ что ноги скользили. Тогда дикарь взялъ оба конца камина въ лѣвую руку, а въ правую взялъ топоръ и сталъ дѣлать на стволѣ небольшія зарубки, одна надъ другой, словно ступени лѣстницы.

По этимъ зарубкамъ дикарь шелъ да шелъ все выше и выше, держась попрежнему за каминъ. Онъ шелъ вверхъ по совершенно отвѣсному стволу, онъ висѣлъ на своемъ тростникѣ. У Люмгольца кружилась голова при видѣ такой ловкой штуки, а дикарь поднимался и поднимался и, въ концѣ-концовъ, добрался-таки до первыхъ вѣтокъ дерева и по нимъ сталъ карабкаться еще выше. Прошло нѣсколько минутъ, и съ высоты дерева, прямо къ ногамъ Люмгольца, упалъ убитый звѣрёкъ, а за нимъ сталъ спускаться тѣмъ же способомъ ловкій дикарь. Онъ спускался задомъ, попрежнему держась за каминъ. Чтобы подняться на дерево и спуститься съ него, дикарю понадобилось всего какихъ-нибудь четверть часа.

Люмгольцъ сталъ разсматривать убитаго звѣря. Онъ былъ величиною немного меньше аршина. У него была острая морда, цѣпкіе пальцы съ когтями, очень удобные для того, чтобы хвататься за дерево, и очень цѣпкій безволосый хвостъ. Это была обыкновенная австралійская двуутробка, или опоссумъ. Люмгольцъ осторожно содралъ съ нея шкуру, чтобы набить чучело, а дикари тутъ же разложили большой костеръ, зажарили и съѣли звѣрька.

Картины изъ жизни дикарей.

Вблизи насъ было много туземцевъ, но они не приближались къ нашимъ палаткамъ. Семьи ихъ большею частью находились на противоположномъ берегу, и только одинъ туземецъ съ женою и двумя дѣтьми

были на нашей сторонѣ. Онъ привлекъ мое вниманіе тѣмъ усердіемъ, съ какимъ онъ выдалбливалъ челнокъ изъ коры дерева. Надъ этой работой онъ сидѣлъ больше часа, а дѣло не ладилось. Я увидѣлъ, что единственнымъ орудіемъ ему служилъ каменный топоръ, и что съ такимъ инструментомъ онъ едва ли окончитъ работу до наступленія сумерекъ. Я послалъ за желѣзнымъ топоромъ и далъ его дикарю. При помощи этого топора ему скоро удалось срѣзать и оторвать кору. Послѣ этого онъ спустилъ лодку въ воду, смазавъ концы смолой, помѣстилъ туда свою жену съ младенцемъ и, давъ ей копье вмѣсто весла, оттолкнулъ лодку отъ берега; за ней немедленно поплылъ мальчуганъ, сидѣвшій на берегу: лодка была слишкомъ непрочна, чтобы вмѣстить и его. Но мальчикъ, очевидно, сомнѣвался, что ему удастся достигнуть противоположнаго берега, и интересно было наблюдать за безпокойствомъ родителей въ то время, какъ мальчуганъ пробивался сквозь пѣнящійся потокъ. Мать, сидя въ лодкѣ, старалась держаться поближе къ ребенку, а отецъ, стоя на берегу, ободрялъ своего маленькаго сына. Наконецъ всѣ они благополучно пристали къ берегу; тогда туземецъ направился ко мнѣ, чтобы отдать мнѣ топоръ, понимая, что онъ былъ данъ ему на время. Я, однако, остался слишкомъ доволенъ видѣнною сценой, чтобы лишить его этого орудія; я никогда не наблюдалъ большей радости, чѣмъ у этого туземца, когда онъ понялъ, что этотъ топоръ, въ полезности котораго онъ только что воочію убѣдился, сталъ дѣйствительно его собственностью. Онъ поблагодарилъ меня, еще разъ съ нѣжностью посмотрѣлъ на топоръ и затѣмъ, круто повернувшись, нырнулъ въ воду и присоединился къ своей семьѣ на томъ берегу.

Мы подошли къ стану туземцевъ; они всѣ спрятались, исключая одной старухи, которая спала. Когда она проснулась, мы рѣшили съ ней заговорить и, чтобы успокоить ее, дали ей 5 или 6 какаду, застрѣленныхъ нами. Думая, что мужчины были на охотѣ и что только женщины съ дѣтьми находились здѣсь, я рѣшился остановиться въ этомъ мѣстѣ до слѣдующаго утра. Незадолго до заката солнца двое мужчинъ вернулись къ своимъ семьямъ. Они были крайне удивлены, увидавъ насъ спокойно сидящими передъ ихъ хижинами, и приблизились къ намъ съ нѣкоторымъ страхомъ, но скоро примирились съ нашимъ присутствіемъ. Всѣ туземцы были очень блѣдны, особенно мужчины; я думаю, что въ это время года они не могутъ имѣть какой бы то ни было животной пищи въ большомъ количествѣ. Повидимому, ихъ главную пищу составляютъ разнаго рода сѣмена и коренья.

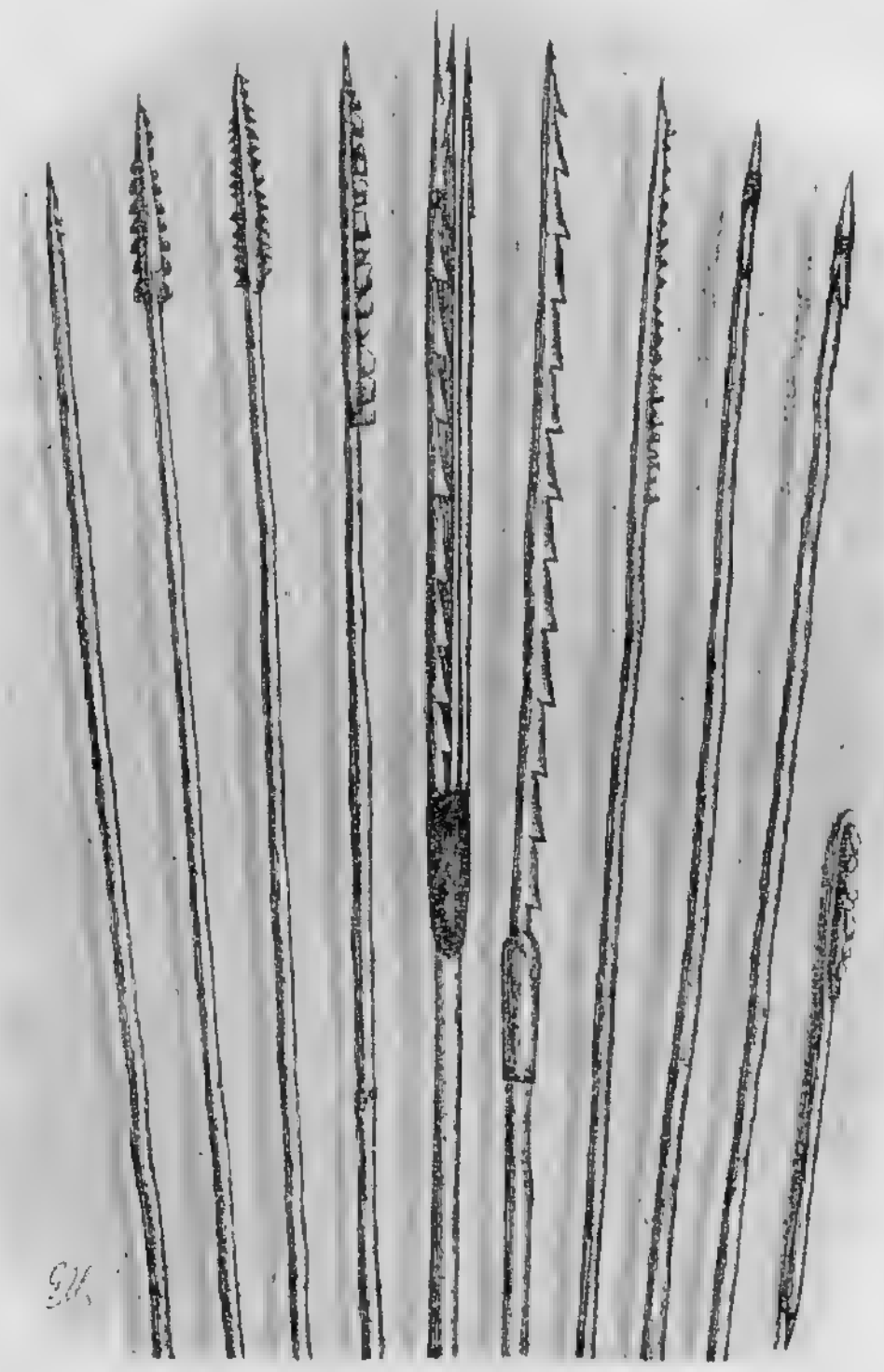
Оружіе австралійцевъ.

Оружіе по всей Австраліи одно и то же: *копье, щитъ, бумерангъ, топоръ* и *деревянная палица*. Вообще оружіе простое и грубое; австралійцы и въ этомъ отношеніи стоятъ ниже своихъ полинезійскихъ и меланезійскихъ сосѣдей. Австралійское оружіе мало отдѣлано и скудно украшено. Главнымъ матеріаломъ австралійскаго оружія повсюду служитъ дерево; камень и кость употребляются менѣе, чѣмъ этого можно было бы ожидать при недостаткѣ металловъ. Хорошо отшлифованнаго каменнаго оружія въ Австраліи вообще нельзя найти и только рѣдко можно встрѣтить искусно обтесанные кремневые наконечники и клинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ туземцы заостряютъ свои копья кремнемъ или другими камнями и снабжаютъ

ихъ зазубринами; въ Квинслендѣ находили даже наконечники копій изъ горнаго хрусталя, а въ юго-западной Австраліи изъ молочнаго опала. Укрѣпленіе въ деревянной рукояткѣ съ помощью лыка и смолы также принадлежитъ къ отличительнымъ признакамъ австралійскаго оружія.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены *копья*. Для нихъ выбираются тонкіе стволы эвкалиптовъ, въ 2 метра и болѣе длины, которые выпрямляются на огнѣ и нѣсколько обугливаются и заостряются на концѣ; это—самая простая форма. Первое усовершенствованіе заключается въ просверливаніи отверстія для бросанія съ помощью метательной дощечки. Кромѣ того, въ связкѣ копьеносца бываетъ обыкновенно нѣсколько копій съ зазубринами: обоюдоострый кусочекъ дерева прикрѣпляется сухожиліями къ концу копья такимъ образомъ, что нижній конецъ его выступаетъ въ видѣ крючка. Такіе наконечники съ зазубринами беруть съ собою въ сумкѣ на охоту. Болѣе толстое и короткое копье, обыкновенно не болѣе $1^1/_2$ метра длиною, служитъ для прокалыванія рыбъ. Въ сѣверной Австраліи встрѣчается еще короткое, легкое метательное копье для охоты на мелкихъ животныхъ. Другія копья, напротивъ, пускаются всѣ съ помощью метательной дощечки (воммера или мидла). Она состоитъ изъ твердаго, плоскаго куска дерева и снабжена на одномъ концѣ крючкомъ, а на другомъ концѣ укрѣпленъ кусокъ древесной смолы или кусокъ кварца, или же пучокъ шерсти опоссума, чтобы воммера не скользила изъ рукъ при спусканіи копья. Крючокъ, состоящій обыкновенно изъ зуба кенгуру, вкладывается въ нижнее отверстіе копья; метательное дерево и копье держатъ пальцами правой руки, и оружіе бросается на высотѣ глазъ. Метательная

дощечка дастъ копью направленіе и увеличиваетъ своимъ дѣйствіемъ, наподобіе рычага, силу толчка. Для удобства внутренняя сторона слегка выдолблена, а

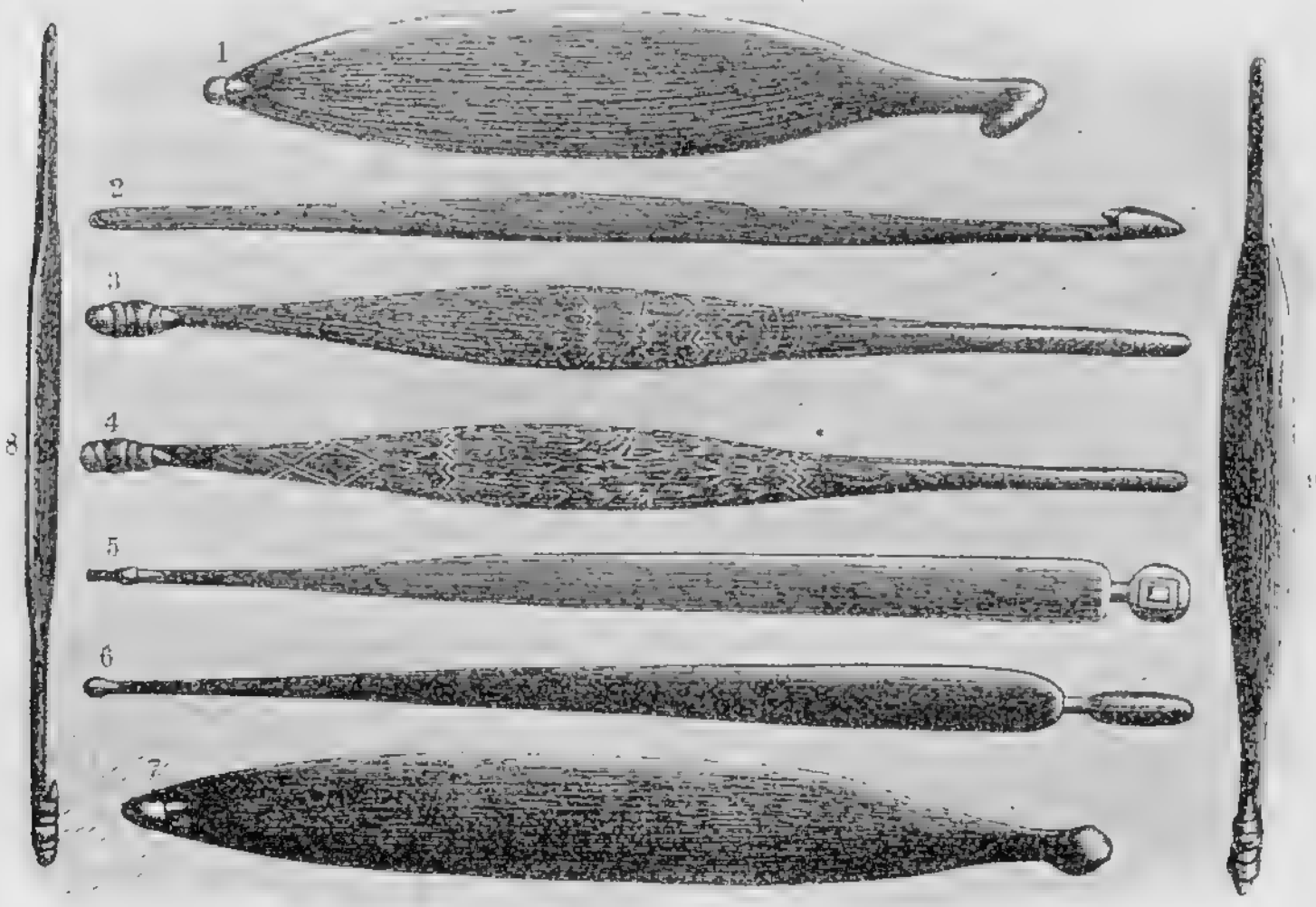


Деревянныя копья.

наружная—закруглена; часто та и другая украшены косыми нарѣзками.

Палицы австралійцевъ—обыкновенно грубо отдѣланныя дубины. Ихъ толстый конецъ имѣетъ иногда квадратную форму и усаженъ зубцами наподобіе звѣзды.

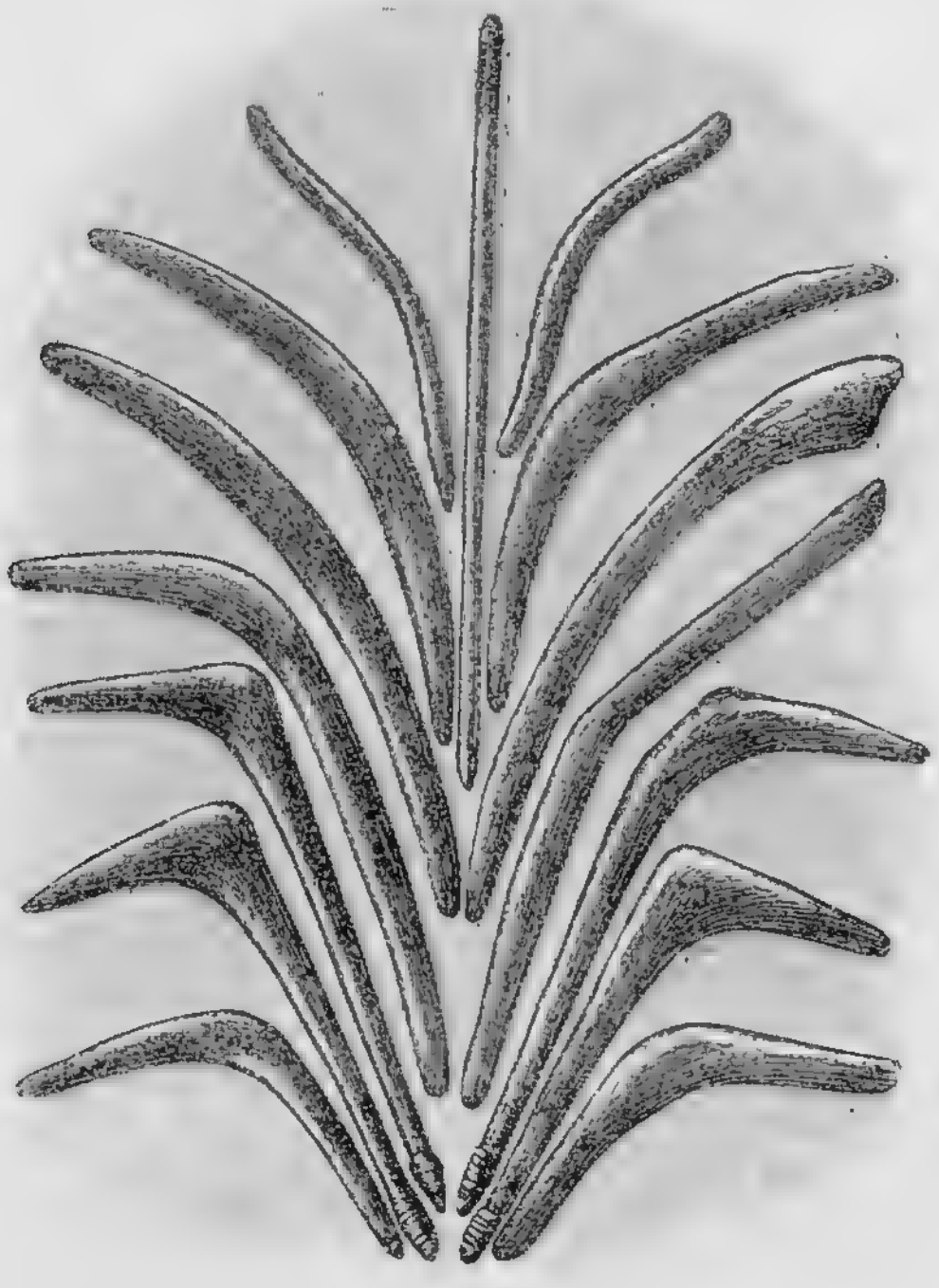
Въ нѣкоторомъ видоизмѣненіи онѣ встрѣчаются въ видѣ метательныхъ палицъ, при чемъ, вращаясь вокругъ толстаго конца, онѣ попадаютъ въ цѣль; этотъ видъ палицы образуетъ переходъ къ бумерангу. На охотѣ ее бросаютъ въ мелкихъ животныхъ, во время сраженія ею пользуются раньше, чѣмъ возьмутся за копья.



Метательныя дощечки австралійцевъ.

Весьма своеобразнымъ оружіемъ является *бумерангъ*. который выдѣлывается изъ акаціи или другого растенія, при чемъ сырому дереву придается желательная кривизна съ помощью огня. Бумерангъ, пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе впередъ, возвращается назадъ и падаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, откуда его бросили; если онъ попадетъ въ цѣль, онъ просто падаетъ на землю. Искусно владѣющій этимъ оружіемъ

можетъ придавать ему почти любое направленіе; для усиленія удара имъ ударяютъ плашмя о землю, от-

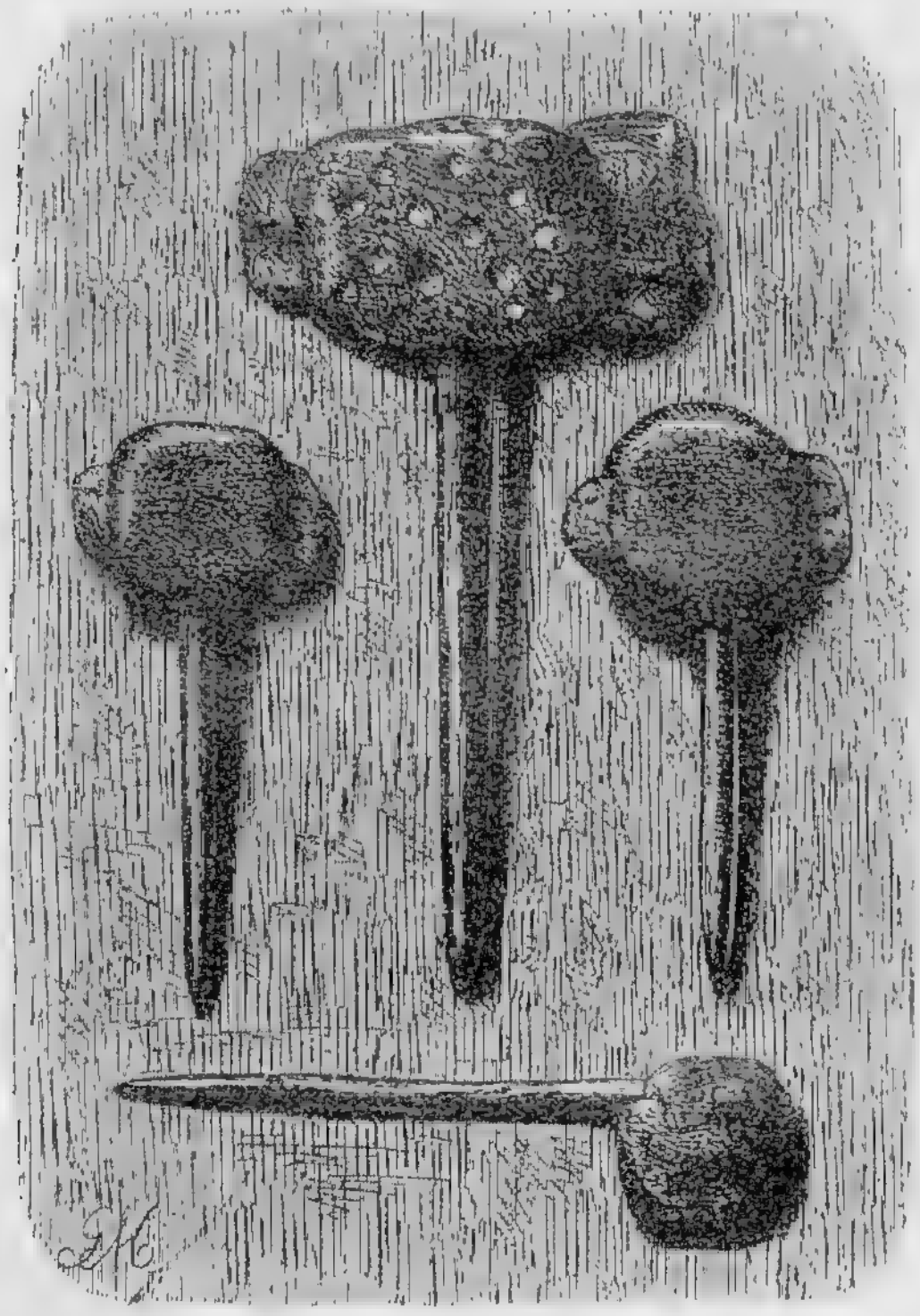


Бумеранги и палицы.

чего онъ отскакиваетъ и поднимается до значительной высоты.

Бумерангомъ туземцы могутъ убивать птицъ или мелкихъ млекопитающихъ на разстояніи до 200 шаговъ. На войнѣ это оружіе опасно тѣмъ, что въ ту минуту, когда видишь его въ воздухѣ, почти невозможно опредѣлить, куда оно направится или гдѣ оно опу-

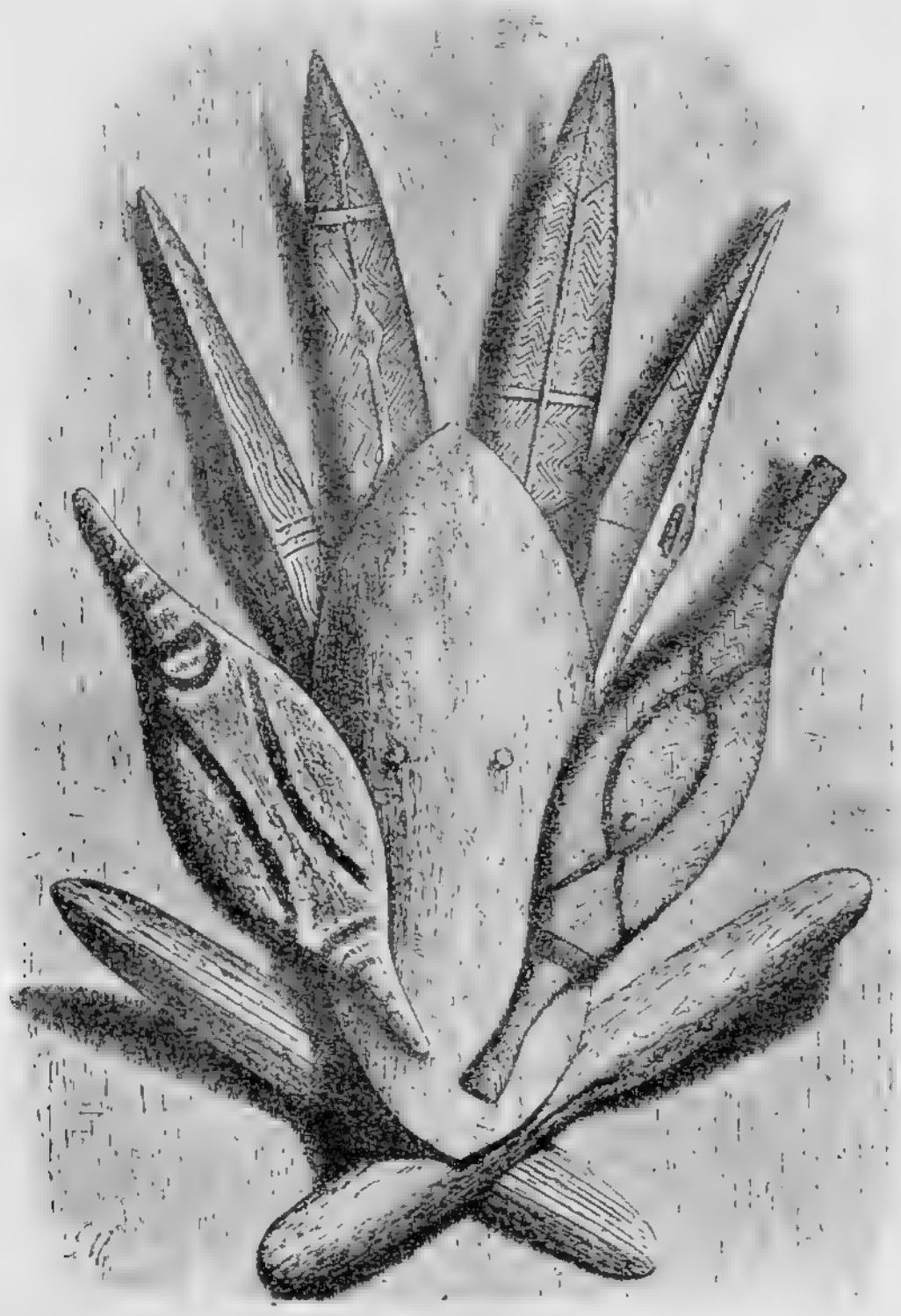
стится. Настоящій бумерангъ долженъ быть выгнутъ подъ прямымъ угломъ и имѣть нѣкоторый выгибъ на поверхности; впрочемъ, онъ встрѣчается въ различныхъ формахъ. Въ южной Австраліи бумеранги длинные,



Каменные топоры.

тонкіе и тяжелые и употребляются только въ рыбной ловлѣ. Для войны они дѣлаются болѣе изогнутыми, чѣмъ для охоты на птицъ или для игры, и распространены преимущественно на востокѣ. На крайнемъ

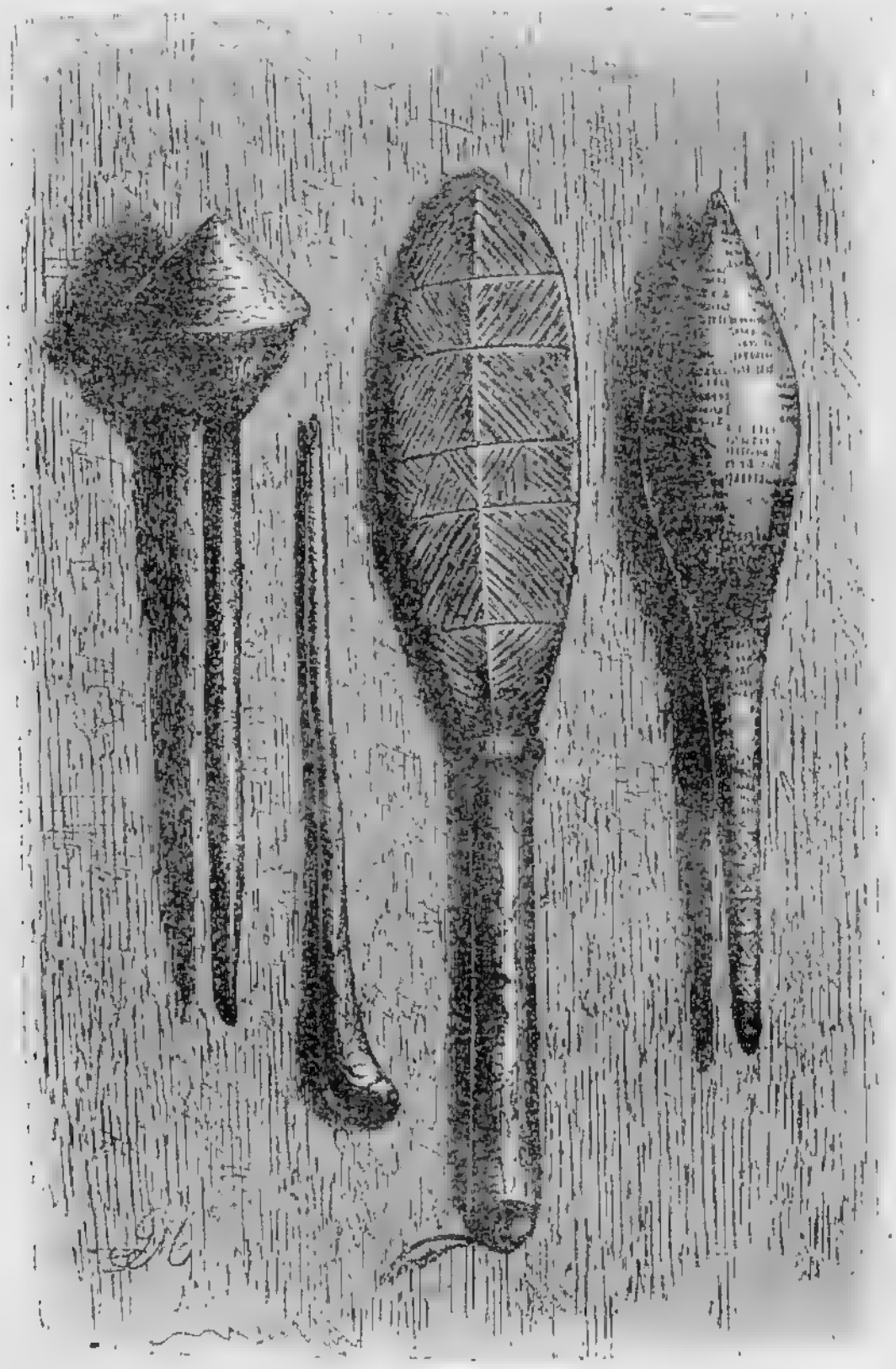
сѣверѣ бумерангъ не употребляется, а на юго-западѣ онъ почти превратился въ игрушку.



Щиты.

Каменный топоръ былъ нѣкогда распространенъ на сѣверѣ и на югѣ. Онъ состоялъ изъ остраго камня, прикрѣпленнаго къ палкѣ смолою, сухожиліями или лыкомъ; въ камнѣ былъ вырѣзанъ желобокъ или просверлено отверстіе. Имъ дѣлались надрѣзы на гладкихъ и крѣпкихъ стволахъ деревьевъ, на которыя затѣмъ

туземцы взлѣзали съ помощью веревки, обвивавшей стволъ. Шлифованные топоры нигдѣ не встрѣчаются.



Палицы.

Нѣкоторое выглаживанье достигалось треніемъ въ водѣ двухъ каменныхъ клинковъ другъ о друга.

Щиты служатъ болѣе для защиты руки и для отраженія ударовъ, чѣмъ для прикрытія тѣла: они узки, длинны и притомъ загнуты. Въ нихъ весьма характерны орнаменты изъ косыхъ и змѣевидныхъ линій.

Переходъ отъ оружія къ орудію составляетъ *палка*, толщиной въ кулакъ; болѣе толстымъ, заостреннымъ въ огнѣ концомъ ея женщины, всегда имѣющія ее при себѣ, выкапываютъ коренья.

Деревянное орудіе въ видѣ лотка употребляется на западѣ материка въ качествѣ лопаты, корзины и блюда.

Пути сообщенія у первобытныхъ народовъ.

У первобытныхъ народовъ нѣтъ настоящихъ дорогъ. Еще недавно видѣли у нихъ тропинки между деревьями, но это были только слѣды ногъ, оставленные прохожими. Ни одна изъ нихъ не была нарочно сдѣлана или поддерживаема, какъ настоящая дорога. Единственными искусственными сооруженіями для облегченія сообщенія въ такихъ странахъ являются простые мосты, которые нерѣдко состоятъ изъ одного древеснаго ствола, или порома для переправы черезъ рѣку. Зато они усердно пользуются естественными водными путями, и едва ли найдется хоть одинъ дикій народъ, который, благодаря сосѣдству моря или рѣки, не былъ бы вынужденъ прибѣгать къ какимъ-нибудь приспособленіямъ для передвиженія по водѣ. Среди нихъ встрѣчаются всевозможные виды, начиная отъ древеснаго ствола или челнока изъ коры у австралійцевъ и кончая искусно вырѣзанными лодками съ парусами у жителей острововъ Тихаго океана; но ни одно изъ этихъ приспособленій не заслуживаетъ названія судна въ собственномъ смыслѣ слова, и потому вездѣ они служатъ исключительно для перевозки отдѣльныхъ лицъ или для рыбной ловли. Для болѣе или менѣе значительной перевозки товаровъ ими нигдѣ не пользуются.

Средства сношеній у первобытныхъ народовъ.

У первобытныхъ народовъ лучше всего организована передача извѣстій, т.-е. то, что намъ кажется признакомъ лишь болѣе развитыхъ народовъ. Отправленіе пословъ и цѣлыхъ посольствъ къ сосѣднимъ племенамъ въ мирное и военное время уже на низкой ступени развитія народовъ повело къ изобрѣтенію условныхъ знаковъ. Такъ, у самыхъ грубыхъ племенъ центральной Австраліи мы встрѣчаемъ различные способы окраски тѣла, украшенія головы и другіе знаки для того, чтобы возвѣстить сосѣднему племени или о смертномъ случаѣ, или объ отмѣнѣ праздника, или объ угрожающей опасности, или же для того, чтобы собрать членовъ племени по какому-нибудь дѣлу.

Употребляются также посланническіе жезлы съ вырѣзанными на нихъ знаками. Не менѣе любопытны способы переговоровъ на разстояніи. Многіе народы пользуются для этого барабаномъ, наиболѣе распространеннымъ музыкальнымъ инструментомъ первобытныхъ народовъ. Обыкновенно лишь вожди и ихъ приближенные умѣютъ вести переговоры посредствомъ барабана, и употребляемый для этой цѣли инструментъ является такимъ же знакомъ ихъ положенія, какъ корона и скипетръ въ цивилизованныхъ странахъ. Огни также употребляются въ качествѣ сигнальныхъ знаковъ, съ цѣлью собрать соплеменниковъ или сообщить какое-нибудь извѣстіе.

Промыслы австралійцевъ.

Въ жизни австралійцевъ остается немного мѣста для промышленной дѣятельности. Племена, въ области распространенія которыхъ было много пушныхъ

звѣрей, были искуснѣе въ изготовленіи одѣялъ и плащей изъ мѣха, чѣмъ другія. Въ предѣлахъ одного и того же племени отдѣльныя семьи выдѣлываютъ вещи, для которыхъ имѣется достаточно сырого матеріала, при чемъ однѣ выдѣлываютъ цыновки, другія — оружіе и обмѣниваются между собою этими продуктами. Изъ первобытныхъ промысловъ Австраліи отсутствуетъ изготовленіе горшковъ, шлифовка каменнаго оружія и все, имѣющее связь съ земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Обработка кожъ производится посредствомъ растягиванія, выскабливанія и тренія. Кожи сшиваются жилами изъ хвоста кенгуру, при чемъ въ нихъ прокалываются отверстія заостренной костью. Такъ какъ дубленія кожъ тамъ неизвѣстно, то туземцы тщательно оберегаютъ свои плащи отъ сырости.

Искусство плетенія примѣняется въ особенности къ плетенію сѣтей, при чемъ австралійцы употребляютъ тотъ же пріемъ, какъ и наши рыбаки, когда плетутъ простыя сѣти. Въ цыновкахъ австралійцы не проявляютъ ничего выдающагося; лучшими и даже превосходными можно назвать ихъ корзины.

Торговля и деньги у австралійцевъ.

Первые изслѣдователи Австраліи убѣдились, что туземцы не имѣли никакого понятія о торговлѣ или обмѣнѣ. Они оставались совершенно равнодушными къ предлагаемымъ имъ предметамъ украшенія; подарки, предложенные имъ, находили потомъ разбросанными по лѣсу, гдѣ они ихъ оставляли безъ всякаго вниманія. И, тѣмъ не менѣе, между племенами существовали живѣйшія сношенія, при которыхъ передавались горшки, каменные топоры, подвѣсныя койки, шерстяная пряжа, шейныя украшенія изъ кусковъ раковинъ и множество

другихъ предметовъ. Какимъ же образомъ это было бы возможно безъ обмѣна и торговли? Разрѣшеніе этой задачи довольно просто и подтверждается наблюденіями на мѣстѣ. Передаваемыя вещи получались въ подарокъ или въ плату за что-нибудь или пріобрѣтались путемъ грабежа и военной добычи.

Въ каждомъ племени первобытныхъ народовъ существуютъ правила гостепріимства, которыя довольно однообразно повторяются у всѣхъ. Приходящій чужеземецъ получаетъ вскорѣ по прибытіи подарокъ, за который онъ по истеченіи нѣкотораго времени долженъ отдарить, а затѣмъ при прощаніи ему дѣлается вторичный подарокъ.

Обыкновенно съ обѣихъ сторонъ выражаютъ желаніе получить что-нибудь; такимъ образомъ можно пріобрѣтать наиболѣе нужныя и пріятныя вещи. Этотъ обмѣнъ подарками мало-по-малу переходитъ въ торговый обмѣнъ. У племени Дири въ центральной Австраліи каждый получающій подарокъ обязуется доставить за него извѣстную вещь, поохотиться или вообще оказать какую-нибудь услугу. Дикарь, обѣщавшій это сдѣлать, до исполненія своего обязательства носитъ вокругъ шеи веревку.

У дикихъ народовъ существуетъ обычай предварительной уплаты при обмѣнѣ. Знахарь не пошевелитъ пальцемъ, чтобы помочь больному, пока не получитъ отъ родственниковъ какой-нибудь платы, которая здѣсь еще носитъ характеръ подарка, и пока онъ опредѣленно не выразитъ, что онъ доволенъ. Ни одна покупка не можетъ считаться оконченной, пока покупатель и продавецъ не объявятъ при свидѣтеляхъ, что они вполнѣ удовлетворены полученнымъ.

Дикому человѣку очень трудно понять, что предметы обмѣна должны соотвѣтствовать другъ другу по

цѣнности; мальчикъ ожидаетъ за свою работу такого же вознагражденія, какъ взрослый мужчина; работавшій въ теченіе часа—столько же; сколько тотъ, кто проработалъ цѣлый день, и такъ какъ съ той и другой стороны жадность не имѣетъ границъ, то каждой мѣновой сдѣлкѣ предшествуютъ весьма продолжительные переговоры. Подобные же переговоры обыкновенно происходятъ и при одариваніи гостей, когда одариваемый находитъ подарокъ несоотвѣтствующимъ своему достоинству.

Со временемъ обмѣнъ создаетъ особыя приспособленія, которыя должны облегчить его. Самыя важныя между ними—*рынки* и *деньги*.

Рынки устраиваются одинаково у всѣхъ дикихъ народовъ на границахъ, раздѣляющихъ владѣнія различныхъ племенъ, на свободныхъ мѣстахъ, нерѣдко въ глуши первобытнаго лѣса. На рынкѣ нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было племеннымъ раздорамъ; тотъ, кто нарушитъ рыночный миръ, подлежитъ строжайшему наказанію. Каждое племя приноситъ на рынокъ то, чѣмъ оно богато: одно—медь, другое—пальмовое вино, третье—сушеное мясо, четвертое—глиняную посуду, цыновки, ткани.

При обмѣнѣ каждый желаетъ получить такіе продукты, которые данное племя или совсѣмъ не производитъ, или производитъ съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ сосѣднее. Это заставляетъ каждое племя производить въ большомъ количествѣ тѣ изъ продуктовъ, которые цѣнятся другими племенами, такъ какъ всего легче въ обмѣнъ за нихъ получить то, чего у самихъ нѣтъ, но у другихъ имѣется въ избыткѣ.

Роль денегъ у каждаго племени играетъ тотъ товаръ, котораго оно само не производитъ, но обыкновенно получаетъ отъ чужихъ племенъ въ обмѣнъ за

свои продукты. Въ этомъ товарѣ оно видитъ свое богатство, такъ какъ оно не можетъ произвольно его увеличить. Путешественники часто наблюдали, что въ каждомъ племени, иногда въ каждой деревнѣ, употребляется особый видъ денегъ; извѣстный сортъ раковинъ, жемчугъ и шерстяная ткань, за которые сегодня можно все купить, на мѣстѣ слѣдующей ночевки уже никѣмъ не принимаются; это влечетъ за собой необходимость запасаться товаромъ, являющимся наиболѣе употребительнымъ средствомъ обмѣна, для того, чтобы быть въ состояніи купить что-нибудь на извѣстномъ рынкѣ.

Продукты, рѣдко встрѣчающіеся въ природѣ, какъ, напримѣръ, соль, раковины, смола каури, а также бруски мѣди или предметы, сдѣланные съ большимъ искусствомъ, какъ, напримѣръ, мѣдная проволока, желѣзныя лопаты, глиняныя чашки, многими племенами, не имѣющими ихъ, считаются за деньги.

Украшенія тѣла.

Когда знаменитый естествоиспытатель Дарвинъ подарилъ одному голому дикарю кусокъ краснаго сукна, онъ замѣтилъ, къ удивленію, что сукно не было обращено въ одежду, но разорвано на мелкіе лоскутки, которыми обвязали въ качествѣ украшеній свои озябшіе члены и получившій подарокъ и другіе бывшіе тутъ дикари. Намъ это кажется страннымъ, а людямъ первобытнымъ, очевидно, украшенія представляются столь же полезными и необходимыми, какъ для насъ одежда. Украшенія бываютъ или прочно соединены съ тѣломъ, или прикрѣплены на время. Къ первымъ относятся рубцы, татуировка, прокалываніе носовой перегородки, губъ, ушей. Подвижныя украшенія надѣ-

Туземецъ сѣверной Австраліи.

ваются на время, это безчисленные виды пучковъ, повязокъ, поясовъ, колецъ и подвѣсокъ, составляющихъ самое цѣнное имущество дикарей.

Обычай раскрашивать тѣло распространенъ у дикихъ народовъ почти повсемѣстно. Австралiецъ постоянно имѣетъ при себѣ въ сумкѣ изъ шкуры кенгуру запасъ бѣлой глины, красной и желтой охры. Для ежедневнаго туалета онъ ограничивается нѣсколькими пятнами на щекахъ или на груди; но въ торжественныхъ случаяхъ раскрашиваетъ все тѣло. Всякое сколько-нибудь выдающееся событiе въ жизни австралiйцевъ отмѣчается соотвѣтственнымъ раскрашиванiемъ. Молодой австралiецъ впервые окрашивается въ красный или бѣлый цвѣтъ на праздникѣ посвященiя юношей, когда онъ принимается въ общество мужчинъ своего племени; взрослые, участвующiе въ этой церемонiи, точно такъ же покрываютъ свою темную кожу различными бѣлыми или красными рисунками. Когда мужчины идутъ на войну, они раскрашиваются въ различные цвѣта.

У большинства племенъ красный цвѣтъ есть цвѣтъ войны, лишь на западѣ и сѣверѣ материка воины красятся въ бѣлый цвѣтъ. Но всего обильнѣе и тщательнѣе раскрашивается австралiецъ для своей праздничной пляски. Къ празднику иногда всѣ туземцы мажутся красной или желтой краской, либо покрываютъ все тѣло смѣсью жира съ толченымъ углемъ, какъ будто они и безъ того не достаточно черны. Но обыкновенно краски наносятся въ видѣ рисунка: глазныя орбиты танцоровъ обводятся бѣлыми кругами, такiя же линiи рисуются вдоль носа, на лбу и по всему тѣлу. Нѣкоторыя племена покрываютъ красной краской тѣло умершаго, другiя—кости истлѣвшаго трупа. Наконецъ на всемъ материкѣ Австралiи распространенъ обычай

краситься въ знакъ траура. Траурные цвѣта Австраліи и Европы различаются точно такъ же, какъ цвѣтъ кожи обитателей: бѣлокожій европеецъ надѣваетъ черное платье, а черный австраліецъ красится бѣлой глиной; у нѣкоторыхъ племенъ женщины при этомъ покрываютъ краской все тѣло и, кромѣ того, надѣваютъ на голову родъ шапочки изъ бѣлой глины, тогда какъ мужчины красятъ лишь лицо или спину. Иногда употребляются и другія краски: путешественники видѣли, какъ осиротѣвшіе накладывали себѣ черныя и бѣлыя пятна на лобъ, виски и скулы, испещрялп бѣлыми и красными пятнами все тѣло.

Украшеніе тѣла при помощи раскраски непрочно. Для того, чтобы закрѣпить болѣе прочно рисунокъ на кожѣ, было изобрѣтено два способа, распространенныхъ почти на всемъ земномъ шарѣ: закрѣпленіе рисунка рубцами и татуировка. Распредѣленіе этихъ двухъ способовъ между отдѣльными народностями зависитъ отъ цвѣта кожи: желтые и красноватые употребляютъ татуировку, темнокожіе австраліійцы ограничиваются наложеніемъ рубцовъ. Что такое рисунокъ изъ рубцовъ, достаточно опредѣляется самимъ названіемъ. Кожа и мясо разсѣкается въ разныхъ мѣстахъ кремнемъ, осколкомъ раковины или какимъ-либо другимъ первобытнымъ ножомъ, и потомъ зарубцевавшіяся раны образуютъ на темной кожѣ припухлый рисунокъ болѣе свѣтлаго цвѣта. Нѣкоторыя австралійскія племена стараются увеличить рубцы, наполняя свѣжія раны въ теченіе извѣстнаго времени глиной; на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Австраліи для этой цѣли втираютъ въ раны какой-то растительный сокъ. Рисунки состоятъ изъ точекъ и линій, которыя иногда занимаютъ всю ширину груди. Вблизи Торресова пролива мужчины

носятъ на плечахъ по толстому подковообразному рубцу, напоминающему европейскія эполеты.

Наложеніе рубцовъ составляетъ часть церемоніи, сопровождающей вступленіе въ мужской возрастъ. Но эта операція такъ мучительна и изнурительна, что даже при этомъ случаѣ она не производится за разъ вполнѣ; она возобновляется позднѣе еще нѣсколько разъ, и вполнѣ законченнымъ рисунокъ является лишь у пожилыхъ людей. До извѣстнаго возраста мальчики не украшаются, а съ теченіемъ времени получаютъ нѣсколько поперечныхъ рубцовъ; число ихъ постепенно увеличивается, такъ что нѣкоторыя племена опредѣляютъ возрасты по различнымъ разрядамъ рубцовъ.

При видѣ украшеннаго рубцами австралійца европеецъ прежде всего съ трудомъ повѣритъ, что это должно представлять собою украшеніе, такъ какъ испытываетъ скорѣе противное, чѣмъ пріятное впечатлѣніе. Иначе смотрятъ на свои рубцы австралійцы и другіе дикари. Грубые и непонятные для насъ рисунки, вырѣзанные на тѣлѣ темнокожихъ, не только стали признаками различныхъ племенъ и семействъ, но могутъ имѣть и важное религіозное значеніе въ глазахъ дикаря.

Прическа и одежда.

Австралійская прическа составляетъ послѣднее слово парикмахерскаго искусства первобытнаго человѣка. Правда, женщины предоставляютъ своимъ чернымъ волосамъ расти свободно и путаться, между тѣмъ какъ ихъ землячки въ Тасманіи стриглись; но тѣмъ больше усилій и заботъ прилагаютъ къ своей прическѣ мужчины особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Прежде всего на всемъ материкѣ Австраліи господствуетъ обычай посыпать волосы красной охрой, что было

любимой привычкой мужчинъ въ Тасманіи; при этомъ иногда такъ густо сдабриваютъ шевелюру этой охрой и жиромъ, что на головѣ образуется тяжелая масса, похожая на пирогъ. Жители Квинсленда вмѣсто этого закатываютъ въ свои волосы воскъ, и они блестятъ на солнцѣ, какъ будто покрытые лакомъ. Изъ подготовленаго такимъ образомъ матеріала можно воспроизводить болѣе сложныя искусственныя формы: въ клейкіе кудри втыкаютъ перья, пучки мха и раковыя клешни; ихъ осыпаютъ бѣлоснѣжнымъ пухомъ какаду, раздѣляютъ на длинныя пряди и втыкаютъ на концѣ каждой бѣлый зубъ. Борода также не остается безъ вниманія: къ ея концу привязываютъ иногда хвостъ дикой собаки или бѣлую раковину.

Самую важную и наиболѣе распространенную часть головного украшенія составляетъ лобная повязка, которую носятъ почти всѣ охотничьи племена. Большинство австралійскихъ племенъ украшаетъ лобъ повязками, необыкновенно тщательно сплетенными изъ сухожилій кенгуру или изъ растительныхъ волоконъ; раскрашенныя бѣлою или красною охрой, эти повязки составляютъ очень видное украшеніе. Лобный обручъ, который потомъ достигъ такого высокаго почета въ качествѣ символа верховной власти, служитъ первобытному человѣку и нѣкоторую практическую службу: онъ не даетъ волосамъ спадать на лобъ, а при случаѣ за него затыкается дротикъ, стрѣла или другой мелкій предметъ ежедневнаго обихода. Но, главнымъ образомъ, онъ служитъ украшеніемъ или поддержкой украшенія. Австралійскія повязки обыкновенно имѣютъ около висковъ двѣ маленькія подвѣски изъ зубовъ кенгуру, а сзади укрѣпляется хвостъ дикой собаки, спускающійся далеко по спинѣ. На сѣверномъ берегу часто вѣшаютъ надъ чернымъ лбомъ бѣлую створку раковины. Но

самая цѣнная часть головного украшенія помѣщается надъ повязкой: пучокъ черныхъ перьевъ эму, желтый хохолокъ какаду, кисточки съ ушей медвѣдя, маховыя перья хищной птицы или великолѣпныя перья лирохвоста. Нерѣдко употребляются тонко расщепленныя деревянныя палочки, стружки которыхъ на нѣкоторомъ разстояніи имѣютъ видъ настоящихъ перьевъ. Наконецъ у нѣкоторыхъ племенъ внутри страны сама повязка переживаетъ дальнѣйшее развитіе: принимаетъ видъ сѣтки, покрывающей всю голову, съ укрѣпленнымъ на ней спереди султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ какаду. Высшій и самый замѣчательный видъ австралійскаго головного украшенія, которое надѣваютъ мужчины на мысѣ Іоркъ во время корроборри, представляетъ похожую на шлемъ шапку, обтянутую чѣмъ-то въ родѣ полотна и окрашенную красной охрой; на верху ея, отъ одного уха до другого, возвышается большой вѣеръ изъ желтыхъ и бѣлыхъ перьевъ какаду.

Для украшенія человѣческаго тѣла шея представляетъ самое удобное мѣсто, поэтому она украшается наиболѣе пышно. Нѣкоторыя племена, почти не знающія одежды или прибѣгающія къ ней лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при особенно дурной погодѣ, на украшеніе шеи обращаютъ особое вниманіе: рѣдко найдешь человѣка, который бы не украшалъ шеи нѣсколькими шнурами или лентами.

Самое обыкновенное австралійское украшеніе, разрѣшаемое и женщинамъ, — это шнуръ изъ шерсти опоссума съ нанизанными короткими кусками тростника. Такой шнуръ, достигающій иногда 30 футовъ длины, свободно обертывается множество разъ кругомъ шеи, такъ что спускается низко на грудь. Столь же широко распространенныя ожерелья изъ зубовъ кенгуру при меньшей длинѣ требуютъ еще болѣе тщательной

отдѣлки. Такое ожерелье представляетъ ремень изъ кожи кенгуру, на которомъ укрѣплены сплошнымъ рядомъ бѣлые зубы того же животнаго; каждый зубъ плотно завернутъ корнемъ въ маленькій кусочекъ кожи, который, въ свою очередь, необыкновенно плотно и чисто вдѣланъ въ ременную ленту. Не мало времени и труда нужно потратить на изготовленіе такого ожерелья. Жители Квинсленда любятъ шнуры, на которыхъ виситъ нѣсколько овальныхъ кусковъ бѣлой раковины кораблика. Наконецъ въ Тасманіи носили на шнурахъ изъ растительныхъ волоконъ или кенгуровыхъ жилъ маленькія раковины зеленоватаго цвѣта.

Для ношенія мелкаго оружія и предметовъ обихода австралійцы носятъ поясъ, вырѣзанный изъ шкуры или сплетенный изъ растительнаго матеріала. Кромѣ этого, нерѣдко надѣваютъ другой поясъ, который цѣнится какъ драгоцѣнное украшеніе, — это шнурокъ, сплетенный изъ человѣческихъ волосъ или изъ растительныхъ волоконъ и достигающій у нѣкоторыхъ племенъ чудовищной длины въ 300 футовъ.

Къ этимъ поясамъ иногда прикрѣпляются передники.

Трудно назвать нарядъ охотничьихъ племенъ блестящимъ въ переносномъ значеніи, но зато въ буквальномъ смыслѣ онъ безусловно блестящъ. Едва ли есть другое свойство, сообщающее предмету въ глазахъ первобытнаго человѣка такую высокую цѣну, какъ блескъ. Дикарь часто вѣшаетъ на свое ожерелье блестящій осколокъ бутылки, какъ драгоцѣнное украшеніе, счастливъ, если раздобудетъ желѣзное или латунное кольцо. Море выбрасываетъ ему блестящія раковины, животныя даютъ ему блестящіе зубы, блестящій мѣхъ, ярко-окрашенныя перья, а флора—плоды и стебли.

Глядя на всѣ эти украшенія въ витринахъ нашихъ музеевъ, мы получаемъ отъ нихъ недостаточное впечат-

лѣніе. Австралійское ожерелье съ бѣлыми зубами кенгуру на свѣтломъ фонѣ не производитъ никакого впечатлѣнія, а когда увидишь его на темно-коричневомъ, сразу поймешь, почему оно такъ нравится австралійцу. Но первобытное украшеніе производитъ впечатлѣніе не только само по себѣ, но и въ значительной степени благодаря тому, что оно означаетъ. Австралійскій передникъ изъ трехсотъ бѣлыхъ кроличьихъ хвостиковъ, конечно, и самъ по себѣ вызываетъ большое удивленіе, но, навѣрное, всего болѣе ему дивятся потому, что онъ есть доказательство охотничьей ловкости, необходимой для собранія такого множества хвостовъ; конечно, и большинство первобытныхъ украшеній изъ зубовъ и перьевъ имѣетъ подобное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и на свои рубцы, выдѣляющіеся бѣловатыми линіями на черной кожѣ, австраліецъ смотритъ какъ на почетное свидѣтельство его мужества и стойкости.

Рисунки и знаки собственности.

Рисунки, которые выцарапываютъ или рисуютъ красками на своей утвари австралійцы, напоминаютъ европейцу простыя геометрическія фигуры, поэтому первобытный орнаментъ обыкновенно и называютъ геометрическимъ. Но дѣло въ томъ, что первобытный орнаментъ не то, чѣмъ онъ кажется. При видѣ зигзагообразныхъ рисунковъ на австралійскихъ щитахъ, трудно повѣрить, что они взяты изъ животнаго міра. На многихъ щитахъ мы видимъ фигуры птицъ и животныхъ. Когда наружность какого-нибудь животнаго берется цѣликомъ, какъ мотивъ орнамента, то обыкновенно можно, хотя приблизительно, угадать, какое животное хотѣлъ изобразить рисовальщикъ; но большинство австралійскихъ рисунковъ, повидимому, передаетъ лишь

части животныхъ, и чаще всего рисунокъ кожи; въ этомъ случаѣ для европейца совершенно невозможно угадать смыслъ орнамента, принимая еще во вниманіе что соотвѣтствующія формы природы въ орнаментѣ изображены условно. Такъ, на одномъ щитѣ видятъ воспроизведеніе змѣиной кожи; на другомъ щитѣ—подражаніе птицѣ, рисунки на другихъ предметахъ объясняютъ какъ условныя изображенія перьевъ, волосъ или чешуекъ. На дубинахъ и метательномъ оружіи часто находятся вырѣзанные контуры кенгуру, ящерицъ, змѣй и рыбъ, но, быть-можетъ, чаще всего можно встрѣтить фигуру туземца, пляшущаго корробори. Исполненіе всѣхъ этихъ фигуръ по большей части грубо и условно, но, тѣмъ не менѣе, почти всегда смыслъ понятенъ сразу.

Рисунки на могильной плитѣ.

Но очень загадоченъ цѣлый рядъ другихъ рисунковъ, которые встрѣчаются на нѣкоторыхъ орудіяхъ.

Наши письменные знаки въ общемъ такъ отличаются отъ нашихъ орнаментовъ, что ихъ почти нельзя смѣшать; наоборотъ, въ Австраліи тѣ и другіе такъ схожи, что ихъ едва можно отличить. Если бы нацарапанный на палочкѣ посланца рисунокъ, означающій, по словамъ туземца, приглашеніе къ общей охотѣ, находился на щитѣ, онъ, навѣрно, былъ бы принятъ за обычный орнаментальный узоръ. Въ самомъ дѣлѣ, европеецъ можетъ узнать письменные знаки австралійцевъ почти

исключительно только потому, что они изображены на подобнаго рода палочкѣ.

Но австралійцы вырѣзаютъ свои письмена не только на такихъ палочкахъ посланцевъ. Одно племя, какъ говорятъ путешественники, изображаетъ на своемъ метательномъ оружіи важныя происшествія; другое помѣщаетъ на бумерангахъ рисунки, смыслъ которыхъ понятенъ дикарямъ, между тѣмъ какъ мы не можемъ отличить оружіе, украшенное надписями, отъ такого, которое покрыто простымъ орнаментомъ.

Несравненно легче можно отличить владѣльческія клейма. Почти у всѣхъ охотничьихъ племенъ оружіе каждаго охотника отмѣчено особымъ значкомъ. Нетрудно догадаться, почему этотъ обычай вошелъ въ общее употребленіе именно у тѣхъ племенъ, которыя ведутъ охотничій образъ жизни. Звѣрь, пораженный на-смерть стрѣлой или копьемъ, не всегда падаетъ тутъ же, нерѣдко его находятъ мертвымъ позднѣе на другомъ мѣстѣ; такимъ образомъ охотникъ потерялъ бы свою добычу, если бы не могъ доказать своихъ правъ на нее клеймомъ оружія, оставшагося въ ранѣ. Австралієцъ, нашедшій на деревѣ рой пчелъ, вырѣзаетъ на корѣ свой значокъ, и съ этого момента рой признается такою же его личною собственностью, какъ снабженное тѣмъ же значкомъ оружіе и предметы утвари.

Еще чаще, чѣмъ знаки частной собственности, у австралійцевъ встрѣчаются обозначенія различныхъ племенъ и родовъ. Каждое австралійское племя для украшенія своихъ издѣлій и оружія пользуется особыми значками, по которымъ можно узнать, изъ какой мѣстности предметъ. Значки эти представляютъ *кобонги* разныхъ племенъ.

По большей части кобонгъ какое-нибудь животное,—кенгуру, ястребъ, ящерица или рыба,—именемъ

котораго назывались всѣ принадлежащіе къ одному роду или племени и которое они чтили, какъ своего покровителя и, можетъ-быть, какъ предка. Кобонгъ—лучшій другъ туземца, всегда и вездѣ оказывающій ему помощь и защиту. Впрочемъ, туземцы изображаютъ нерѣдко животныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ ихъ вѣрѣ въ кобонговъ, просто ради украшенія.

Въ Австраліи есть такъ называемыя магическія палочки и дощечки, которыя употребляютъ «знахари» при своихъ волхвованіяхъ. Онѣ обыкновенно покрыты разными изображеніями; на нѣкоторыхъ видны очертанія людей и животныхъ, но въ большинствѣ случаевъ тамъ такая путаница странныхъ фигуръ, что ихъ почти невозможно разглядѣть, не то что понять.

Часто встрѣчаются на австралійскихъ копьяхъ рисунки въ видѣ обвязокъ. Нарисованный или вырѣзанный поясокъ замѣняетъ настоящую обвязку, которая когда-то была необходима для прикрѣпленія наконечника, а позднѣе стала излишней, благодаря искусству мастера. Въ одномъ музеѣ есть два дротика изъ сѣверной Австраліи. На одномъ остріе изъ кварца привязано къ древку веревкой, на другомъ наконечникъ прикрѣпленъ при помощи массы, похожей на гумми, но на этой массѣ накрашены круговыя полоски.

Живопись и скульптура австралійцевъ.

Художественныя произведенія австралійцевъ по большей части представляютъ собой рисунки и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ картины въ краскахъ; для живописи употребляются тѣ же краски, что и въ орнаментикѣ: красная, бѣлая, желтая, черная и синяя. Краски накладываются въ смѣшеніи съ жиромъ и затѣмъ покры-

ваются какимъ-то нерастворимымъ смолистымъ слоемъ въ родѣ гумми. Въ картинахъ нѣтъ и малѣйшаго слѣда свѣтотѣни. Рисунки вырѣзываются или выцарапываются на камнѣ, на деревѣ, или рисуются однимъ цвѣтомъ на скалѣ. Обыкновенно ограничиваются обозначеніемъ однихъ контуровъ фигуры, внутри которыхъ все равномѣрно заполняется избраннымъ цвѣтомъ.

Чаще всего фигуры изображаются въ профиль. Никакихъ правилъ перспективы австралійская живопись не знаетъ: австралiецъ, какъ нѣкогда египтянинъ, обходится тѣмъ, что предметы, находящіеся сзади, помѣщаетъ выше другихъ. Сюжетами австралійскихъ картинъ служатъ отчасти отдѣльныя фигуры, расположенныя рядомъ безъ всякаго отношенія другъ къ другу, отчасти же связныя группы, часто очень сложныя.

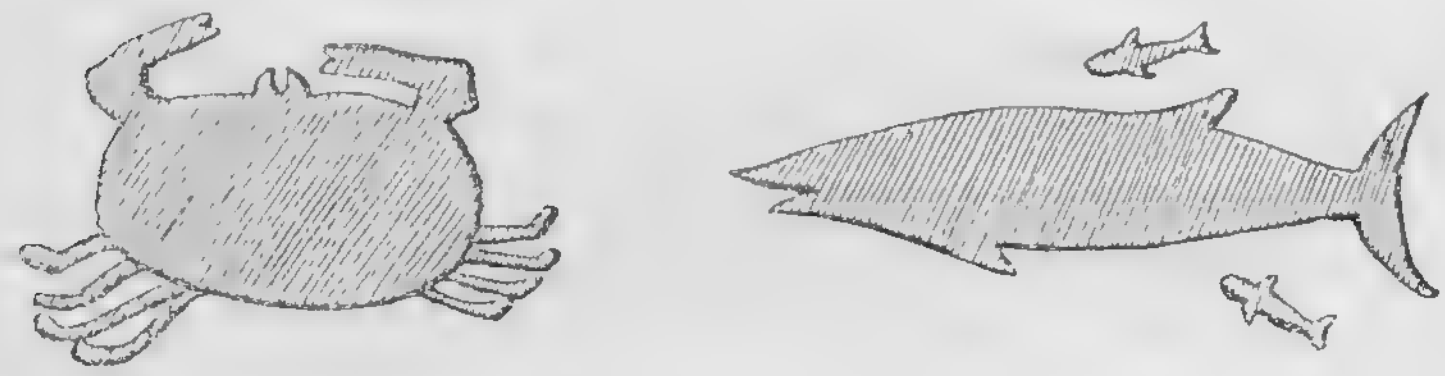
Несмотря на грубость матеріаловъ, которыми пользуется австралійскій художникъ, ему удается въ высшей степени естественно изобразить формы и движенія людей и животныхъ.

Часто встрѣчаются рисунки на скалахъ. Одинъ путешественникъ нашелъ на маленькомъ островѣ цѣлую галлерею картинъ или, точнѣе, барельефовъ, высѣченныхъ на гладкой скалѣ. Внутри контуровъ рисунковъ былъ удаленъ верхній красный слой скалы, такъ что фигуры выдѣлялись на фонѣ первоначальнаго зеленаго цвѣта камня. Многія изображенія, понятныя съ перваго взгляда, обнаруживаютъ большое умѣнье. Большинство рисунковъ представляетъ животныхъ: акулу, сопровождаемую маленькими рыбками, крабба, кенгуру и т. д.

Число рисунковъ,- говоритъ изслѣдователь,—было такъ громадно, что туземцы, очевидно, въ теченіе долгихъ лѣтъ доставляли себѣ это невинное удовольствіе. Разсматривая различныя изображенія, людей, звѣрей, птицъ, оружія, утвари, сценъ изъ жизни

дикихъ, — я невольно задумался надъ тѣмъ, какое своеобразное настроеніе влекло этихъ грубыхъ людей, быть-можетъ, въ опредѣленное время года, къ уединенной картинной галлереѣ среди морскихъ волнъ съ тѣмъ, чтобы любоваться на работу своихъ предшественниковъ и вести ее дальше.

Подобныя изображенія на скалахъ и стѣнахъ пещеръ были находимы старыми и новыми путешественниками въ разныхъ мѣстахъ Австраліи. Эти произведенія соотвѣтствуютъ европейскимъ фрескамъ и барельефамъ; но и наша живопись на полотнѣ соотвѣтствуетъ австралійскимъ картинамъ на закопченыхъ кускахъ коры.



Австралійскіе барельефы.

Исполненные при помощи остраго камня или зуба животнаго, или, наконецъ, просто ногтя, эти рисунки безспорно представляютъ высшіе образцы австралійской живописи. Вотъ описаніе одного изъ такихъ рисунковъ.

Это—картина на кускѣ коры, составлявшемъ часть крыши на хижинѣ одного туземца. Внизу картины прежде всего виденъ прудъ, обсаженный невысокими деревьями; направо возвышается каменный домъ европейца-колониста. Прямо надъ этимъ—группа туземцевъ пляшетъ корроборри; налѣво сидятъ женщины, которыя поютъ и бьютъ тактъ, около стоитъ нѣсколько зрителей. Еще выше размѣщены отдѣльныя группы,

разграниченныя другъ отъ друга линіями. Налѣво, въ кругѣ два человѣка съ топорами приближаются къ змѣѣ; въ срединѣ — туземецъ въ челнокѣ гонится за водяною птицей, — направо прудъ, обросшій кустарникомъ, съ двумя плавающими птицами. За прудомъ возвышается группа деревьевъ, подъ ними стоитъ туземецъ съ оружіемъ въ рукахъ; рядомъ съ нимъ сидитъ на землѣ другой и куритъ трубку, неподалеку лежитъ оружіе и разная утварь, наконецъ, верхнюю часть картины занимаетъ открытое мѣсто съ разбросанными отдѣльными деревьями, гдѣ множество различныхъ животныхъ.

Деревья и животныя прекрасно исполнены: высокій эвкалиптъ, на который взбирается туземецъ, дѣлая топоромъ зарубки на стволѣ, сидящіе кенгуру, нѣсколько эму, индюки, змѣя, поднявшая голову,—все это нарисовано съ поразительной вѣрностью. Волнообразныя линіи, заканчивающія собою всю картину, вѣроятно, представляютъ рѣку.

Вся картина сдѣлана довольно грубо, но, тѣмъ не менѣе, каждый штрихъ обнаруживаетъ такое художественное дарованіе, какого никто, быть-можетъ, и не ожидалъ встрѣтить среди дикарей.

Корроборри.

Мѣсто дѣйствія—поляна, окруженная кустарникомъ; въ серединѣ пылаетъ большой костеръ, красные языки пламени сливаются съ голубоватымъ свѣтомъ полной луны. Танцоровъ еще не видать; спрятавшись въ темныхъ кустахъ, они одѣваются къ танцу. Съ одной стороны костра располагаются женщины, которыя должны изображать оркестръ. Вотъ въ кустахъ раздается шумъ и трескъ: показываются танцоры. Въ

освѣщенное пространство вступило тридцать мужчинъ: у каждаго глаза обведены бѣлыми кругами, а на туловищѣ и конечностяхъ накрашены такія же длинныя полосы, кромѣ того, къ ногамъ привязаны пучки листьевъ и вокругъ бедеръ кожаный передникъ.

Между тѣмъ женщины усѣлись полукругомъ на противоположной сторонѣ; каждая держитъ на колѣняхъ тщательно сложенную и туго натянутую шкуру опоссума, служащую въ обыкновенное время плащемъ. Между ними и костромъ стоитъ дирижеръ въ обычномъ передникѣ изъ шкуры опоссума и съ палочками въ обѣихъ рукахъ. Вокругъ широкимъ кольцомъ — зрители, кто стоя, кто сидя. Бросивъ испытующій взглядъ на танцоровъ, дирижеръ обращается къ женщинамъ и, медленно приблизившись къ нимъ, вдругъ ударяетъ въ свои палочки. Танцоры съ быстротой молніи выстраиваются въ линію и, выступивъ впередъ, останавливаются. Новая пауза, во время которой дирижеръ провѣряетъ построеніе. Все въ порядкѣ; теперь онъ даетъ знакъ къ началу. Онъ начинаетъ бить тактъ, танцоры вторятъ ему своими палочками, женщины запѣваютъ, ударяя по своимъ шкурамъ; корроборри началось. Тактъ соблюдается съ удивительной правильностью; звуки и движенія всегда совпадаютъ точно. Танцоры двигаются съ отчетливостью хорошо обученной балетной труппы, они принимаютъ всевозможныя позы, то прыгаютъ въ сторону, то дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ, то отступаютъ, они вытягиваются, изгибаются, поднимаютъ руки кверху, притопываютъ ногами. Дирижеръ тоже все время въ движеніи. Отбивая тактъ палочками, онъ непрерывно тянетъ въ носъ своеобразную мелодію, ослабляя и усиливая звукъ сообразно съ тѣмъ, выступаетъ онъ впередъ или дѣлаетъ шагъ назадъ; онъ ни минуты не остается на одномъ мѣстѣ, то обращаясь къ танцорамъ,

то къ женщинамъ, которыя тогда поютъ во всю силу голоса. Постепенно танцоры все болѣе разгорячаются, тактъ учащается, движенія становятся быстрѣе и энергичнѣе; танцоры всѣ трепещутъ, подпрыгиваютъ на невѣроятную высоту и, наконецъ, испускаютъ всѣ разомъ дружный пронзительный вопль. Еще мгновенье — и всѣ исчезаютъ въ кустахъ такъ же внезапно, какъ появились. Нѣкоторое время сцена пуста; затѣмъ дирижеръ снова даетъ сигналъ, и танцоры являются опять.

Теперь они располагаются изогнутой линіей, но въ остальномъ танецъ не измѣняется. Женщины бьютъ въ шкуры и поютъ, то напрягая голосъ изъ всѣхъ силъ, то понижая тонъ до едва слышнаго бормотанья. Вторая часть заканчивается какъ первая, за нею слѣдуетъ третій, четвертый и пятый выходы. Но вотъ танцоры сразу построились въ четыре ряда; передній рядъ отпрыгиваетъ въ сторону, а остальные протискиваются впередъ и такимъ образомъ устремляются всѣ по направленію къ женщинамъ. Въ эту минуту всѣ танцующіе представляютъ изъ себя перепутавшійся клубокъ тѣлъ; боишься, что они раздробятъ другъ другу головы дикими взмахами палокъ; но въ дѣйствительности здѣсь царитъ тотъ же строгій порядокъ, что и раньше: каждое движеніе разсчитано. Возбужденіе достигаетъ высшаго предѣла; танцоры кричатъ, топаютъ, прыгаютъ, женщины барабанятъ изступленно и поютъ во всю глотку; пламя костра высоко взвивается и осыпаетъ дикую сцену дождемъ красныхъ искръ... Дирижеръ высоко поднимаетъ обѣ руки, рѣзкій ударъ слышится среди общаго гама и танцоры мгновенно исчезаютъ. Оркестръ и зрители встаютъ и расходятся.

Полчаса спустя на опустѣвшей полянѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, виденъ лишь догорающій костеръ.

Такими танцами отмѣчается всякое болѣе или менѣе важное событіе; сборъ плодовъ, начало ловли устрицъ, встрѣча съ дружественнымъ племенемъ, военный походъ, удачная охота.

Борбоби.

Вернувшись въ усадьбу, Люмгольцъ узналъ интересную новость: верстахъ въ пяти отъ усадьбы долженъ на-дняхъ собраться борбоби.

— Это что такое?—спросилъ Люмгольцъ у дикаря.

— О, это большое событіе,—отвѣчалъ тотъ.—Борбоби—очень важное дѣло. На него соберутся многіе-многіе черные люди и будутъ состязаться, кто сильнѣе, кто увертливѣе, кто храбрѣе, кто умнѣе.

Люмгольцъ и раньше слышалъ о борбоби; теперь ему захотѣлось посмотрѣть состязаніе дикарей своими глазами. Онъ спросилъ у дикаря Джекки, могутъ ли бѣлые люди смотрѣть на борбоби.

Могутъ,—отвѣчалъ тотъ.—Приходи, кто хочетъ, и смотри, сколько хочешь.

Ѣхать было не далеко, но дорога была трудная. Три раза приходилось переходить въ бродъ довольно большую рѣку, не считая великаго множества ручьевъ. Скоро начали попадаться небольшія толпы дикарей, которыя тоже шли на борбоби. Всѣ они были разрисованы бѣлой и красной краской. Волосы ихъ были пропитаны жиромъ. У иныхъ почти все тѣло было натерто то желтой, то красной краской, иные обмазывали себя жиромъ, къ которому было прибавлено не мало толченаго угля. И безъ того некрасивыя лица дикарей, раскрашенныя бѣлой и красной краской, казались еще безобразнѣе. По дорогѣ попадались

женщины, разрисованныя и причесанныя особымъ способомъ. Волосы ихъ были намазаны воскомъ и взбиты такъ, что казались какими-то колпаками очень страннаго вида. Нѣкоторые дикари были совсѣмъ голые. На другихъ была надѣта кое-какая одежда или, вѣрнѣе говоря, жалкіе остатки одежды, напримѣръ, грязныя рваныя рубашки, ломаныя шляпы, добытыя отъ бѣлыхъ людей. Дикари какъ будто гордились такой одеждой и восхищались сами собой. Лучше всѣхъ былъ одѣтъ Джекки: на немъ была надѣта женская кофта, очень короткая, которая съ большимъ трудомъ влѣзла на его плечи, и шляпа съ продюмленнымъ дномъ. У каждаго дикаря въ рукахъ было какое-нибудь оружіе: у однихъ длинныя копья, у другихъ деревянные мечи или небольшія палицы съ зазубренными набалдашниками, называемыя полла-полла. У многихъ дикарей были щиты изъ дерева. Но ни у одного дикаря Люмгольцъ не замѣтилъ ни лука ни стрѣлъ. Это оружіе вовсе неизвѣстно австралійскимъ дикарямъ. Сами они до него не додумались, а отъ другихъ народовъ не переняли. Особенно бросились въ глаза Люмгольцу деревянные мечи. Они были шириною вершка въ три. У этихъ мечей были тонкія отточенныя рукоятки и заостренныя лезвея. Дикари воинственно помахивали ими. Иные дикари, увидѣвши Люмгольца, останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на него, и при этомъ опирались ступней одной ноги о колѣно другой. Это обычный способъ австралійскихъ дикарей отдыхать стоя.

Чѣмъ дальше ѣхалъ Люмгольцъ, тѣмъ чаще попадались дикари. По всему было видно, что сборище будетъ очень многолюдное. Нѣкоторые дикари поражали Люмгольца своимъ высокимъ ростомъ. Всѣ они были веселы и довольны. Дикари болтали между собой безъ

удержу, и иногда прыгали и скакали. Одинъ дикарь безобразнаго вида со щитомъ и мечомъ принялся прыгать около самой лошади Люмгольца. Онъ дѣлалъ дикіе скачки, словно безумный, кричалъ во все горло и при этомъ размахивалъ своимъ щитомъ и мечомъ. Онъ неистово бѣсновался, такъ что Люмгольцъ поневолѣ, ради осторожности, вынулъ изъ-за пояса свой револьверъ. Впрочемъ, все обошлось благополучно. Неистовый дикарь огромными скачками умчался куда-то впередъ. За нимъ побѣжали и другіе дикари. Они точно гнались за какимъ-то невидимымъ врагомъ.

Борбоби.

Немного времени спустя Люмгольцъ прибылъ на мѣсто, гдѣ должно было происходить борбоби. Тамъ уже находилось въ это время не мало народу,—мужчины, женщины, старики, дѣти. Люмгольцъ слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву.

На лужайкѣ стояло двѣ толпы дикарей, одна противъ другой. Между ними неистово прыгалъ тотъ самый бѣсноватый дикарь, котораго Люмгольцъ встрѣтилъ по дорогѣ. Изъ одной толпы вышли впередъ три дикаря съ мечами и щитами. Изъ другой толпы тоже выбѣжали такіе же дикари. Они осмотрѣлись и стали тихо подкрадываться другъ къ другу, словно кошки. Они присѣли на землю и спрятались за свои щиты. Потомъ опять вскочили и опять спрятались: сдѣлали

два-три шага другъ къ другу и приготовились къ сраженію. Одинъ дикарь замахнулся своимъ мечомъ и ударилъ имъ по щиту своего противника. Тотъ выдержалъ ударъ и, въ свою очередь, ударилъ своимъ мечомъ по его щиту. То же продѣлывали и другіе дикари. Началось настоящее состязаніе. Дикари ударяли попеременно, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не падалъ отъ усталости. Всѣ прочіе дикари размахивали копьями и мечами, подымали руки къ небу, подпрыгивали на одномъ мѣстѣ и при этомъ во все горло кричали. А сраженіе шло своимъ порядкомъ. Изъ толпы выступили еще воины и стали бросать другъ въ друга своими палицами нолла-нолла и копьями. Ни одно копье ни одна палица ни разу не попали въ человѣка, потому что дикари превосходно отражали удары съ помощью своихъ щитовъ. Когда какой-либо воинъ падалъ отъ усталости, онъ признавалъ себя побѣжденнымъ. Около борцовъ суетились женщины и подбирали оружіе. Если у кого-нибудь оно выпадало изъ рукъ, женщины тотчасъ же давали ему другое. Особенно неистовствовали старухи. Онѣ прыгали около самихъ сражающихся, кричали благимъ матомъ и всячески защищали побѣжденныхъ. Случалось, къ какому-нибудь побѣдителю-борцу подскакивали сразу три-четыре старухи съ палками. Если побѣжденный дикарь падалъ, старухи протягивали свои палки надъ его головой и кричали: «Не убивайте его, не убивайте!»

Борцы старались изо всѣхъ силъ. Каждый показывалъ свою силу, ловкость, всѣ свои успѣхи въ военномъ искусствѣ. Толпа шумѣла, деревянные щиты трещали, палицы глухо ударялись о дерево. Издали казалось, что здѣсь идетъ кровопролитное сраженіе. А на самомъ дѣлѣ ни одинъ дикарь не былъ убитъ и даже раненъ.

Ворбоби окончилось на закатѣ солнца. Крики замолкли. Всѣ дикари стали расходиться по своимъ мѣстамъ. Здѣсь и тамъ загорались небольшіе костры, около которыхъ грѣлись оставшіеся дикари.

Битва продолжалась и на другой день.

Театральное представленіе у австралійцевъ.

Когда дѣти разсказываютъ сказки, они оживляютъ рѣчь соотвѣтственными интонаціями и жестами. Точно такъ же первобытные люди совершенно не въ состояніи сообщить какое-либо извѣстіе, не сопровождая словъ соотвѣтственной мимикой и жестикуляціей. Если мы вообразимъ, что какой-нибудь разсказчикъ или пѣвецъ не просто передастъ словами свое приключеніе, а повторяетъ его въ жестахъ, то получится настоящая драматическая сцена. Предполагаютъ, что у многихъ первобытныхъ народовъ существуютъ настоящія драмы или скорѣе пантомимы, такъ какъ слова часто играютъ второстепенную роль.

Мы приводимъ разсказъ одного путешественника о подобномъ представленіи у австралійцевъ. Актеры ограничивались жестами, и руководитель спектакля сопровождалъ отдѣльныя сцены пантомимы объяснительнымъ пѣніемъ. Представленіе происходило въ лунную ночь, на лѣсной полянѣ, освѣщенной большимъ костромъ. Оркестръ состоялъ почти изъ ста женщинъ; туземцевъ зрителей было до 500 человѣкъ.

Первая сцена изображала стадо рогатаго скота, вышедшее изъ лѣса на лугъ пастись. Черные актеры раскрасились подходящимъ образомъ. Подражаніе было необыкновенно искусное, движеніе и позы каждаго отдѣльнаго животнаго были до смѣшного вѣрны на-

турѣ: одни лежали, жуя жвачку, другіе стояли и чесались рогами и задними ногами или лизали другъ друга и своихъ телятъ, нѣкоторые дружелюбно терлись головами. Послѣ этой картины, продолжавшейся нѣсколько времени, началась вторая сцена. Показалась толпа туземцевъ, которые стали подкрадываться къ стаду, соблюдая всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ предосторожности. Наконецъ они подкрались, и двѣ коровы пали, пораженныя копьями, къ великому удовольствію зрителей, которые обнаруживали живѣйшую радость. Охотники мимически изобразили операцію снятія шкуры и раздѣлки добычи, все это съ ужасной близостью къ правдѣ. Третья сцена началась съ того, что въ лѣсу послышался лошадиный топотъ и скоро появился отрядъ «бѣлыхъ» верхами. Лица актеровъ были раскрашены въ свѣтло-коричневый цвѣтъ, а туловище—въ синій или красный, изображавшій цвѣтныя рубашки; ноги ниже колѣнъ, за неимѣніемъ кожаной обуви, были оплетены прутьями. Бѣлые помчались прямо на чернокожихъ, открыли огонь и оттѣснили ихъ. Но послѣдніе быстро снова сомкнулись и завязалась отчаянная схватка, въ которой черные стали одолѣвать бѣлыхъ. Бѣлые совершенно точно передавали всѣ пріемы заряжанія и стрѣльбы изъ ружей. Когда падалъ туземецъ, зрители издавали стонъ, если же летѣлъ ничкомъ въ траву бѣлый, кругомъ раздавался громкій крикъ торжества.

«Въ концѣ-концовъ бѣлые были позорно обращены въ бѣгство при необузданномъ восторгѣ туземцевъ, которые были настолько возбуждены, что примѣрное сраженіе было на волосъ отъ того, чтобы перейти въ кровавую дѣйствительность».

Умственная жизнь австралійцевъ.

Забота о томъ, чтобы не умереть съ голоду, не позволила австралійцу подняться изъ его жалкаго состоянія. Сѣверные австралійцы, правда, живутъ нѣсколько лучше и даже на видъ не кажутся такими истощенными, какъ южные. Однако и они не пользуются такимъ существованіемъ, какое давало бы имъ досугъ для другихъ занятій, кромѣ охоты. Тѣмъ не менѣе, австралійцы не лишены нѣкотораго умственнаго развитія. Они отличаются большой находчивостью, которая развилась въ нихъ вслѣдствіе постоянной борьбы за существованіе. Правда, они не умѣютъ считать далѣе трехъ или пяти, но это происходитъ, быть-можетъ, потому, что и не было надобности упражняться въ счетѣ. Они оказались способными и къ обученію въ школахъ и даже на первыхъ порахъ обгоняли дѣтей бѣлыхъ въ англійскихъ школахъ, но потомъ всегда отставали отъ нихъ. Они придумали языкъ жестовъ; пользуясь этимъ языкомъ, австралійцы различныхъ племенъ, употребляющихъ разныя нарѣчія, могутъ понимать другъ друга. Они сносятся между собою и посредствомъ дощечекъ или плоскихъ палочекъ, на которыхъ рисуютъ разныя фигуры, обозначающія тѣ или другіе предметы: это можно назвать уже началомъ образнаго письма. Всего замѣчательнѣе художественныя способности австралійцевъ, выражающіяся въ рисункахъ, какіе они дѣлаютъ на скалахъ, покрывая ихъ предварительно охрой.

Они изображаютъ на нихъ фигуры людей и животныхъ и даже цѣлыя охотничьи сцены. Своимъ художественнымъ дарованіемъ австралійцы превосходятъ многихъ другихъ дикарей, стоящихъ выше ихъ. За-

мѣчателенъ и языкъ австралійцевъ, который богатствомъ нѣкоторыхъ формъ стоитъ выше нашихъ европейскихъ языковъ: такъ, въ немъ гораздо больше залоговъ и спряженій и до 16 притяжательныхъ мѣстоименій. Эта сложность австралійскаго языка до сихъ поръ составляетъ загадку, не разрѣшенную учеными.

Вѣрованія австралійцевъ.

Вѣрованія австралійцевъ отличаются большой простотой и первобытностью. У нихъ есть смутное представленіе о безсмертномъ невидимомъ существѣ, живущемъ на небѣ въ большомъ каменномъ домѣ и видящемъ все, что дѣлаютъ и даже думаютъ люди, но только при дневномъ свѣтѣ. Это божество создало все существующее, за исключеніемъ 3—4 злыхъ духовъ, надъ которыми оно безсильно. Этимъ послѣднимъ приписываются всѣ болѣзни и бѣдствія, и австралійцы боятся ихъ гораздо больше, чѣмъ высшаго благодѣтельнаго божества. Духи особенно страшатъ ихъ въ ночной темнотѣ, когда земля скрыта отъ божества. Поэтому австралієцъ не сдѣлаетъ ночью ни одного шага безъ горящей головни въ рукахъ. Кромѣ жертвъ для умилостивленія злыхъ духовъ, съ послѣдними можно справляться посредствомъ колдовства. Для этого служатъ колдуны, знающіе различныя волшебныя средства. Колдуны играютъ важную роль въ жизни австралійцевъ. Дикари не признаютъ смерть естественной, если она не произошла на войнѣ. Всякаго рода болѣзни и смерть отъ нихъ считаются дѣломъ колдовства, и родственники стараются узнать, кто именно околдовалъ умершаго, прибѣгая для этого къ помощи колдуновъ. Умершихъ они не зарываютъ въ землю, а прикрываютъ листвой и корой и кладутъ на высокихъ помостахъ.

Бесѣда съ людоѣдомъ.

Однажды датскій путешественникъ Люмгольцъ шелъ съ дикаремъ Джимми.

Здѣсь начинается земля чужого племени,—сказалъ Джимми.—Надо быть осторожнѣе..

Развѣ это племя враждуетъ съ вами?—спросилъ Люмгольцъ.

— Нѣтъ, не враждуетъ,—отвѣчалъ Джимми.—Кто намъ чужой,—тотъ намъ и врагъ.

Почему же врагъ?—спросилъ Люмгольцъ.—Вѣдь человѣкъ чужого племени такой же человѣкъ, какъ и вы сами?

— Нѣтъ, не такой,—отвѣчалъ дикарь.—Онъ чужой.

— Значитъ, выходитъ такъ: кто чужой—тотъ врагъ, а кто врагъ—тотъ чужой человѣкъ?—спросилъ опять Люмгольцъ.

— Это вѣрно.

Развѣ люди чужого племени не похожи на васъ? Развѣ они совсѣмъ иной породы и говорятъ на чужомъ языкѣ, а не на вашемъ? Развѣ они живутъ не такою же жизнью, какъ вы сами?

Они живутъ не на нашей землѣ.

— А гдѣ границы земель вашей и не вашей?—спросилъ Люмгольцъ.

Пойдемъ, покажу,—сказалъ Джимми.

Онъ повелъ Люмгольца на вершину холма. Тамъ росло высокое эвкалиптовое дерево. Дикарь остановился у этого дерева и сказалъ:

— Вотъ тутъ граница.

Люмгольцъ посмотрѣлъ на землю и сказалъ:

— Я ее не вижу: тамъ люди—и здѣсь люди. Тамъ черные—и здѣсь черные. Тамъ живутъ совсѣмъ такимъ

же способомъ, какъ здѣсь,—и пьютъ, и ѣдятъ, и спятъ, и думаютъ, и чувствуютъ. Все вездѣ одинаково.

— Нѣтъ, не одинаково,—сказалъ дикарь.—По ту сторону дерева—насъ ѣдятъ, а по эту сторону дерева мы ѣдимъ. Понимаешь?

— Теперь понимаю,—сказалъ Люмгольцъ.—Значитъ, по-вашему, чужое племя только тѣмъ и отличается отъ вашего, что оно васъ ѣстъ, а ваше племя отличается отъ того тѣмъ, что оно его ѣстъ?

— Вотъ, вотъ это самое,—сказалъ дикарь.

Ну, и у насъ, въ Европѣ, не лучше,—подумалъ про себя Люмгольцъ.—У насъ народы враждуютъ между собою еще сильнѣе и убиваютъ другъ друга еще больше, чѣмъ дикари. Они хоть и не питаются мясомъ другъ друга, но зато проливаютъ кровь человѣческую куда больше дикарей.

— Наше племя большое,—говорилъ потомъ Джимми.—Въ нашемъ племени двѣсти человѣкъ,—съ гордостью сказалъ дикарь.

Да развѣ это много?—спросилъ Люмгольцъ.

— О, очень много.

А въ нашемъ племени три милліона человѣкъ, сказалъ Люмгольцъ

Дикарь совершенно не понималъ, что такое милліонъ. Потомъ онъ понялъ, что милліонъ значитъ «много-много».

— Насъ тоже было много,—съ грустью сказалъ Джимми,—а теперь стало мало. Мало, даже очень мало! Умерли, умерли наши! Умерли,—и мы ихъ съѣли. А другихъ съѣли наши враги, а многихъ-многихъ съѣли бѣлые.

— Какъ бѣлые? —удивился Люмгольцъ.—Развѣ они людоѣды?

О, они хуже людоѣдовъ,—простодушно сказалъ дикарь.—Когда мы убиваемъ человѣка, мы его ѣдимъ; значитъ, его мясо идетъ впрокъ; а когда человѣка убиваютъ бѣлые, они его бросаютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ и не ѣдятъ. И отъ убитаго человѣка не выходитъ никакого проку. О, бѣлые-то и есть настоящіе людоѣды! Они охотятся за нами какъ за звѣрями. Они хуже звѣрей. Всѣ бѣлые идутъ противъ насъ, черныхъ, порода противъ породы, племя противъ племени. Ихъ порода гонитъ, травитъ, поглощаетъ, пожираетъ нашу породу... Вся ихъ порода—людоѣды. И этотъ большой, большой людоѣдъ куда страшнѣе, чѣмъ отдѣльные люди, хотя бы такіе, которые питаются человѣческимъ мясомъ.

Люмгольцъ съ глубокой грустью слушалъ эти слова дикаря. Слушалъ и совершенно не зналъ, что отвѣчать Джимми. Около него были чернокожіе людоѣды-дикари, и эти самыя несчастныя созданья обвиняли въ людоѣдствѣ всю бѣлую породу людей. И Люмгольцъ съ ужасомъ вспоминалъ разсказы о томъ, какъ бѣлые колонисты истребляли черныхъ дикарей, и не могъ ничего возражать Джимми.

Да, бѣлая порода людей—порода людоѣдовъ,—продолжалъ Джимми.—Бѣлое племя съѣло почти все черное племя. Насъ было много-много когда-то, а теперь насъ стало мало-мало, совсѣмъ мало. Бѣлые насъ убивали изъ своихъ ружей. Бѣлые охотились за нами съ собаками. Они бросали страшный и сильный ядъ въ тѣ ручейки и колодцы, изъ которыхъ мы пили воду. И мы, и наши жены, и дѣти пили и умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Бѣлые давали намъ свою одежду. Мы надѣвали эту одежду, и на насъ нападала страшная болѣзнь, потому что одежда была взята отъ больныхъ бѣлыхъ людей. И черные умирали

много - много. О, черные не могли съѣсть столько бѣлыхъ людей, сколько тѣ истребили нашихъ.

Джимми говорилъ эти слова съ глубокой грустью и воодушевленіемъ. И Люмгольцъ слушалъ и ничего не могъ возразить. Онъ зналъ, что этотъ чернокожій жалкій дикарь говорилъ сущую правду.

Исторія тасманійцевъ.

Тасманійцы совершенно вычеркнуты изъ списка живыхъ народовъ: ихъ истребили европейцы, колонизовавшіе Тасманію! Началось это 4 мая 1804 года, когда мирные туземцы приблизились къ новому поселенію Гобартъ и были встрѣчены картечью со стороны англійскихъ солдатъ. Окончилось въ 1876 г., когда умерла послѣдняя представительница тасманійцевъ—Лала Рукъ.

Хотя уже въ 1810 году правительствомъ Англіи былъ изданъ законъ, по которому убіеніе дикаря должно было наказываться, какъ дѣйствительное преступленіе, въ теченіе всего послѣдующаго времени шла настоящая охота на мирныхъ простодушныхъ туземцевъ. До появленія бѣлыхъ море со своимъ неисчерпаемымъ рыбнымъ богатствомъ, изобиліемъ раковинъ и другихъ морскихъ животныхъ доставляло туземцамъ почти все ихъ пропитаніе; но по мѣрѣ того, какъ росла колонія, основывались и расцвѣтали города, какъ все дальше проникали колонисты, умножались и расширялись пастбища, — уменьшалась и область, оставленная туземцамъ. Прежде всего ихъ оттѣснили отъ побережья. Для тасманійцевъ это было вопросомъ жизни и смерти, такъ какъ внутренность острова по своей дикости и суровости и по недостатку въ средствахъ пропитанія была не пригодна для жительства; и вотъ становится понятнымъ, какъ даже эти, сначала столь

боязливые люди, въ своемъ отчаяніи превратились въ настоящихъ героевъ и старались вредить своимъ мучителямъ, гдѣ и какъ только могли. «Побѣда» далась англичанамъ недешево. Оттѣсненные насильно внутрь страны, туземцы очень скоро такъ близко ознакомились съ этой изрѣзанной ущельями и густо поросшей мѣстностью, что съ трудомъ давались въ руки. По свидѣтельству Чарльза Дарвина, они спасались тѣмъ, что бросались ничкомъ на черную землю или стояли совершенно неподвижно, такъ что даже на довольно близкомъ разстояніи ихъ нельзя было отличить отъ ствола высохшаго дерева. Привозились туземцы изъ Австраліи, чтобы вѣрнѣе выслѣживать врага, назначались преміи за подстрѣленнаго и пойманнаго туземца, устраивались облавы... Разъ выстроили линію стрѣлковъ черезъ весь островъ отъ одного берега до другого и рѣшили согнать всю «дичь» на узкій полуостровъ. Застрѣлили только двоихъ или одного туземца...

Впослѣдствіи всѣ туземцы были соединены на одномъ небольшомъ островкѣ. Въ 1804 г. число тасманійцевъ доходило до 8.000 человѣкъ, въ 1847 г. было 45.

Послѣдній тасманіецъ, король Билли или Вильямъ Ланне, умеръ 34 лѣтъ отроду въ 1869 г., а въ 1876 г. со смертью Труканини угасло окончательно племя тасманійцевъ.

Вліяніе австралійской природы на бытъ человѣка.

На картѣ Австраліи мы находимъ многочисленные и большіе рѣчные потоки, но въ дѣйствительности ихъ не существуетъ. То, что здѣсь называется рѣкой это—русла, остающіяся большую часть года сухими или, въ благопріятномъ случаѣ, представляющія цѣлую цѣпь широкихъ, раздѣленныхъ мелями бассейновъ.

Настоящими рѣками они становятся въ періодъ лѣтнихъ дождей, принимая такіе размѣры, что и въ этомъ случаѣ нигдѣ не служатъ ко благу страны. Достигая глубины нѣсколькихъ метровъ, несутся эти потоки и, пройдя короткое протяженіе, исчезаютъ въ вѣчно ненасытной почвѣ.

Постоянная, удивительная сухость господствуетъ надъ всей страной до ея тропическихъ частей,—сухость, которую рѣдкіе и быстро проносящіеся дожди дѣлаютъ только чувствительнѣе.

Такія засухи являются причиной безплодности страны; онѣ заставляютъ туземное населеніе вѣчно странствовать, чтобы добыть себѣ достаточное пропитаніе. Благодаря безплодію страны, они странствуютъ небольшими племенами, у которыхъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ государственности. Образованіе государствъ въ Австраліи началось съ плодородныхъ окраинныхъ областей.

Въ борьбѣ за существованіе австраліецъ находитъ поддержку въ растительномъ мірѣ своего отечества. Лѣсъ или, собственно говоря, австралійская роща съ ея далеко отстоящими другъ отъ друга стволами и отсутствіемъ подлѣска никогда не представляла препятствій для передвиженія ни туземцамъ, ни бѣлымъ; напротивъ, обиліемъ травы, которая безпрепятственно разрастается повсюду между гладкими, лишенными вѣтвей стволами, она образуетъ настоящій коверъ, по которому поселенцы могли пробираться къ богатымъ пастбищамъ внутрь страны. На этихъ безлѣсныхъ, лугообразныхъ областяхъ держится самая обширная и самая важная промышленность Австраліи скотоводство.

Ничего подобнаго не представляютъ другія растительныя формы Австраліи, какъ-то: скрубъ и равнины.

Непроницаемость скруба была одною изъ главныхъ причинъ, замедлявшихъ изслѣдованіе Австраліи; цѣлыя недѣли и даже долгіе мѣсяцы бродили самые отважные путешественники вокругъ неизмѣримыхъ зарослей, не находя прохода сквозь ихъ цѣпкую массу. Но и безконечныя равнины, поросшія спинифексомъ, съ ихъ привѣтливымъ, напоминающимъ волнующіяся нивы видомъ, представляютъ не очень пріятный путь для путешественника. Ихъ травяные стебли сухи и жестки и не пригодны, какъ кормъ для скота, а листья такъ остры, что до крови рѣжутъ всякаго, вздумавшаго пробиваться черезъ эти равнины, являющіяся такимъ образомъ препятствіемъ для сношеній. Отъ этихъ двухъ видовъ растеній ничего не можетъ ожидать туземецъ: они были для него недоступны до сихъ поръ и въ будущемъ не дадутъ ему ни крова, ни пищи. О недостаткѣ питательныхъ растеній не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ распоряженіи австралійца имѣется множество корней, дикихъ злаковъ, грибовъ, ягодъ и цвѣтовъ. Добываніе этихъ растеній дается туземцу не легко при скудости природы, но даже и бѣлый поселенецъ не надѣется сдѣлать земледѣліе главною отраслью хозяйства.

Менѣе всего обезпечиваетъ австралійца небогатый міръ животныхъ. Охота, при быстротѣ бѣга всѣхъ животныхъ, могущихъ представлять въ этомъ отношеніи интересъ, является для туземца, при его несовершенныхъ орудіяхъ, предпріятіемъ слишкомъ труднымъ; даже ни одна изъ хорошо вооруженныхъ европейскихъ экспедицій не могла никогда этимъ путемъ добывать себѣ средства пропитанія. Кромѣ того, охота затрудняется еще тѣмъ, что значительная часть животныхъ Австраліи принадлежитъ къ ночнымъ.

Переселенецъ сумѣлъ обойти роковое для туземца обстоятельство тѣмъ, что ввезъ европейскихъ домашнихъ животныхъ. Они всѣ отлично акклиматизировались, размножились поразительнымъ образомъ. Скотоводство больше всего способствовало необыкновенно быстрому росту колоній.

Начало австралійскихъ колоній.

Европейскіе мореплаватели коснулись береговъ Австраліи уже въ началѣ XVII в. Голландецъ Тасманъ нѣсколько позже проѣхалъ южно-австралійскимъ проливомъ, и его именемъ теперь называется островъ на югѣ Австраліи. Но прошло почти два столѣтія, пока началось заселеніе Австраліи. Это произошло послѣ открытій, сдѣланныхъ въ Тихомъ океанѣ англійскимъ кругосвѣтнымъ плавателемъ Кукомъ (въ 70 годахъ XVIII в.). Англичане только что потеряли американскія колоніи; тюрьмы были переполнены осужденными на каторгу и ссылку, которыхъ до тѣхъ поръ отправляли обыкновенно въ Виргинію. Рѣшено было послать осужденныхъ въ новооткрытую отдаленную страну. Первая партія 1787 г. ѣхала изъ Англіи въ Сидней 8 мѣсяцевъ. Вначалѣ Австралія носила всѣ черты каторжнаго края; туда назначались суровые губернаторы,которые истязали какъ каторжныхъ, такъ и свободныхъ. На корабляхъ ссыльныхъ везли въ такой тѣснотѣ и при такомъ плохомъ питаніи, что половина умирала въ дорогѣ; привезенныхъ вытаскивали арканами, какъ товарные тюки. Припасовъ, скота, хлѣба доставляли мало, и въ колоніяхъ постоянно происходили голодовки. Подневольный трудъ ссыльныхъ не давалъ ничего на скудной прибрежной землѣ. Хозяйство на казенныхъ фермахъ обходилось крайне

дорого. Но число поселеній все-таки росло просто потому, что все новыя и новыя партіи ссыльныхъ прибывали изъ Англіи. Многіе изъ этихъ ссыльныхъ осуждались не на вѣчную каторгу, а лишь на болѣе или менѣе короткіе сроки. Они по отбытіи срока получали извѣстное пособіе для заведенія собственнаго хозяйства въ колоніи. Въ то же время росло и число свободныхъ переселенцевъ, хотя и очень медленно. Нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ также заводили собственное хозяйство. Благодаря имъ, земледѣліе и скотоводство пошли впередъ быстрыми шагами, и продукты становились дешевле и общедоступнѣе; дорого стоящія казенныя фермы скоро оказались безсильными устоять противъ конкуренціи свободнаго труда и были закрыты. Послѣ этого общая производительность страны начала такъ быстро расти, что избытокъ продуктовъ сталъ вывозиться за предѣлы Австраліи.

Въ началѣ XIX в. предпріимчивый Макъ Арчеръ перевезъ изъ южной Африки нѣсколькихъ мериносовъ и положилъ начало главной отрасли хозяйства Австраліи—производству шерсти. Для разведенія овецъ въ колоніяхъ оказались самыя подходящія условія, особенно по склонамъ юго-восточной горной цѣпи, въ области Новаго Южнаго Уэльса. Оно повело также къ развитію крупнаго землевладѣнія, такъ называемаго скватерства.

Англійскій губернаторъ согласился выдавать изъ земли, объявленной владѣніемъ короны, только мелкіе участки по 40—60 акровъ (15—22 дес.) для землевладѣльцевъ изъ числа ссыльныхъ и свободныхъ поселенцевъ. Но Арчеръ поѣхалъ въ Англію и добился разрѣшенія по 5.000 акровъ на одного владѣльца. Этимъ было положено начало австралійской земельной аристократіи. Овцеводы—скватеры старались за-

хватить для своихъ необозримыхъ стадъ неограниченное количество земли; они ограждали свои пастбища другъ отъ друга большими совершенно пустынными полосами. Скватерство сильно мѣшало заселенію страны. Въ овцеводныхъ имѣніяхъ жизнь носитъ бродячій характеръ. Во владѣніи преимущественно величиною въ 500—600 кв. километровъ пасутся 70.000 овецъ подъ надзоромъ 7—8 пастуховъ. Лишь на короткій срокъ появляются перехожіе рабочіе, быстро стригущіе машинами по 100 овецъ въ день, съ хорошимъ заработкомъ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, но совершенно незанятые остальную часть года,—бездомный полудикій людъ, нерѣдко погибающій въ пути.

Въ 1851 г. въ Австраліи было открыто золото. Это открытіе дало Австраліи тотъ могучій толчокъ, благодаря которому она въ нѣсколько десятилѣтій превратилась изъ неизвѣстной, пустынной и полудикой страны въ прекрасно разработанную.

Въ началѣ 1851 г. разными лицами были найдены самородки и принесены въ Сиднеи. Вѣсть о находкѣ распространялась изъ города въ городъ, изъ страны въ страну и не прошло полугода, какъ она уже облетѣла весь земной шаръ.

Золото встрѣчалось въ видѣ самородковъ въ наносахъ старыхъ рѣчныхъ руселъ; для его добыванія не требовалось никакихъ машинъ и дорогихъ приспособленій; копальщики рыли ямы и промывали землю и песокъ сквозь рѣшето; весь успѣхъ зависѣлъ отъ счастливыхъ находокъ. На первыхъ порахъ искателямъ удавалось зарабатывать до 25.000 франковъ въ два мѣсяца.

Со всѣхъ концовъ свѣта помчались въ Австралію люди съ наиболѣе энергичнымъ и предпріимчивымъ духомъ. Населеніе страны стало возрастать съ необы-

чайной быстротой. Среди дикихъ пустынь внезапно выросли многолюдные города; между городами были проложены удобныя шоссейныя или желѣзныя дороги; по обѣимъ сторонамъ вдоль дорогъ протянулись прекрасно вспаханныя поля съ разбросанными тамъ и сямъ фермами. Промыселъ золота создалъ необычайную лихорадку; мелкіе землевладѣльцы, рабочіе, чиновники бросились въ южные округа, чтобы стать копальщиками; были области, въ которыхъ на мѣстѣ оставались только женщины и дѣти.

Золотая лихорадка кончилась черезъ 4 года, когда оскудѣли самородки; промыселъ направился на разработку золотоносныхъ жилъ, которая требовала дорогихъ машинъ; самостоятельные искатели уступили мѣсто инженерамъ и рабочимъ большихъ компаній капиталистовъ; старые копальщики разорились, ушли или обратились въ земледѣльцевъ и городскихъ фабричныхъ рабочихъ.

Но населеніе продолжало расти, что было очень выгодно для развитія Австраліи. Рядомъ съ безпокойной кочевой и воинственной жизнью степного края съ его скватерами, пастухами и разбойниками, появилось болѣе осѣдлое населеніе, живущее разработкой рудниковъ, промышленностью и торговлей.

Проложеніе телеграфной линіи черезъ пустыню.

Однимъ изъ самыхъ большихъ предпріятій въ Австраліи было проведеніе телеграфной линіи черезъ весь материкъ (отъ Аделаиды на одномъ концѣ и до порта Дарвина на другомъ) и присоединеніе этой линіи къ другимъ. Такимъ образомъ установилось прямое сообщеніе съ Великобританіей. Выполненіе этого пред-

пріятія потребовало 2 года. Страна была для этого страшно неудобна: матеріалъ, припасы надо было перевозить черезъ пустыню по мѣрѣ хода работы. Одни рабочіе на цѣлые мѣсяцы должны были останавливать свою работу изъ-за наводненія, другіе погибали отъ жары, на третьихъ нападали черные. Когда, наконецъ, линія была готова, обнаружилось, что бѣлые муравьи разрушили столбы въ сѣверной территоріи, и ихъ надо было замѣнить желѣзными колоннами. Работа была начата въ 1870 году, а 22 августа 1872 года была отправлена первая телеграмма по проволокѣ длиною въ 1.700 миль. Опасались, что чернокожіе никогда не оставятъ линіи въ покоѣ. Они разрушали при случаѣ станціи и убивали рабочихъ, но никогда не портили проволоки. Пока строилась линія, рабочіе доставляли случаи каждому чернокожему, который посѣщалъ ихъ, безплатно насладиться ударомъ электрическаго тока. Странное ощущеніе сильно подѣйствовало на ихъ нервы и воображеніе и возбудило въ нихъ страхъ къ тому, что у нихъ называется злымъ духомъ бѣлаго.

На каждой станціи находятся обыкновенно два главныхъ рабочихъ и 4 помощника. Такъ какъ станціи удалены другъ отъ друга на 150 — 200 миль и нѣтъ никакихъ ближайшихъ сосѣдей, то эти маленькіе гарнизоны ведутъ одинокую жизнь. Если гдѣ-нибудь случится порча, то два мастера выѣзжаютъ съ каждой изъ прилегающихъ станцій. Каждая партія береть запасъ воды и подвигается впередъ, пока та или другая партія найдетъ и поправитъ испорченное мѣсто. Какъ только сообщеніе возстановится, извѣстіе объ этомъ сообщается другой партіи, и объ, не встрѣтившись другъ съ другомъ, возвращаются домой.

Верблюды въ австралійской пустынѣ.

Безплодная природа внутренняго материка и почти тропическая жара, которая господствуетъ въ теченіе большей части года затрудняетъ переѣздъ по этой обширной странѣ; но, благодаря предусмотрительности и иниціативѣ Г. Эльдера, въ страну были привезены верблюды, и теперь самый распространенный способъ передвиженія караванный, такъ что внутренняя торговля почти всецѣло обслуживается верблюдами. Эти животныя выказали себя необыкновенно цѣнными во время наибольшей засухи, которая въ центрѣ страны очень обычна. Извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали до 25 миль ежедневно въ теченіе 9 дней подъ рядъ подъ палящими лучами тропическаго солнца и тяжело нагруженные; они совсѣмъ не пили воды и не получали другой пищи, кромѣ жалкихъ кустарниковъ. Первая большая общественная работа, для которой были употреблены верблюды, была постройка телеграфной линіи Аделаида-Лондонъ въ 1872 году, когда сотня этихъ животныхъ перевозила телеграфную проволоку, изоляторы и припасы. Во время страшной засухи 1881 года, большое количество верблюдовъ было единственнымъ средствомъ спасти жизнь голодающаго населенія Новаго Южнаго Уэльса. Одна изъ главныхъ особенностей въ обращеніи съ верблюдами заключается въ томъ, что они впрягаются въ телѣжки, какъ лошади, при чемъ 8 верблюдовъ могутъ свезти 225 пудовъ и сдѣлать 15 миль въ день.

Сахарныя плантаціи въ Квинсленд'Ѣ.

Вся м'Ѣстность въ окрестностяхъ Маккеї представляетъ плоскую наносную равнину, миль въ 10 — 12 шириною, которая засажена сахарнымъ тростникомъ. Сахарный тростникъ — одно изъ самыхъ красивыхъ растеній, а поля около Маккеї прямо очаровательны. Необозримое поле тростника напоминаетъ изумрудно-зеленую поверхность моря, и только торчащія тамъ и сямъ кирпичныя трубы указываютъ на существованіе сахарныхъ заводовъ. Равнина пересѣкается полосою темно-зеленыхъ л'Ѣсовъ, которая тянется вдоль р'Ѣки Пайонеръ и извивается вм'Ѣстѣ съ нею; сахарныя плантаціи простираются вплоть до подошвы горъ, покрытыхъ л'Ѣсомъ до самыхъ вершинъ. На обоихъ берегахъ Пайонера расположены дома плантаторовъ, отстоящіе другъ отъ друга на нѣсколько миль. Дома эти большею частью прекрасно обставлены, такъ что въ нихъ можно жить съ большимъ комфортомъ, а сады около нихъ — настоящій рай.

Вотъ описаніе такого дома и сада, сд'Ѣланное однимъ путешественникомъ. «Домъ, который я вид'Ѣлъ, — говоритъ онъ, — былъ большой, одноэтажный; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ широкой верандой, увитой всевозможными вьющимися растеніями. Домъ стоялъ на самомъ берегу р'Ѣки, на 100 футовъ выше уровня воды, такъ что видъ открывался на р'Ѣку великол'Ѣпный. Садъ былъ расположенъ на склонѣ берега и былъ такъ прекрасенъ, что изъ-за него одного стоило пріѣхать въ Квинсленд. Лимонныя деревья разныхъ сортовъ, гуявы, виноградныя лозы, манговыя и апельсинныя деревья достигали здѣсь полной своей красы. Особенно можно это сказать о ман-

говыхъ и апельсинныхъ деревьяхъ, изъ которыхъ послѣднія были прямо усыпаны плодами, такъ что вѣтви пригибались къ землѣ. Бананы росли, какъ сорная трава. Посреди сада на нѣжно-зеленой лужайкѣ стояло самое прекрасное дерево (Poinciana-tree), какое мнѣ когда-либо удавалось видѣть; оно широко раскинуло свои вѣтви и имѣло до 60 футовъ въ вышину. Лѣтомъ оно покрывалось сплошь огромными спиральными цвѣтами ярко-краснаго цвѣта. Крыша и боковыя веранды дома были затянуты массою вьющихся растеній всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ розоваго до пурпуроваго; и клумбы вокругъ дома были полны розъ и герани; гарденіи были разбросаны повсюду и имѣли видъ кустарниковъ въ 5 футовъ вышины. Со стороны рѣки тянулась низкая изгородь изъ кустарниковъ, бросавшихся въ глаза своими красными цвѣтами. Съ другихъ сторонъ ограду составляла непроницаемая стѣна изъ бамбуковъ и фиговыхъ деревьевъ.

Овцеводство въ Австраліи.

Скотоводство—самая видная отрасль австралійскаго хозяйства, доставляющая наибольшую часть австралійскаго вывоза. Природа и климатъ Австраліи оказались очень подходящими для разведенія мериносовъ, ввезенныхъ сюда еще въ началѣ прошлаго вѣка; теперь австралійская шерсть считается одной изъ лучшихъ на европейскихъ и американскихъ рынкахъ. Особенно удобными для овцеводства оказались равнины наиболѣе многоводныхъ рѣкъ Австраліи — Муррея и Дарлинга, гдѣ теперь пасутся милліоны овецъ.

Первые поселенцы Австраліи встрѣтили въ новой странѣ изъ представителей животнаго міра только сумчатыхъ, и привезенные ими нѣсколько десятковъ овецъ,

нѣсколько коровъ, лошадей и свиней были единственными домашними животными. Съ первыхъ же лѣтъ своей жизни въ Австраліи поселенцы замѣтили всѣ удобства, которыя представляютъ колоніи для скотоводства, и съ большимъ рискомъ—погибели скота во время длиннаго пути въ Австралію—привезли лучшія породы овецъ изъ Индіи, Южной Африки и Европы. Надежды колонистовъ оправдались; стада овецъ, которыя здѣсь круглый годъ могли быть на пастбищахъ, быстро росли.

Мягкій климатъ Австраліи даже улучшилъ качество шерсти ввезенныхъ сюда испанскихъ мериносовъ, она стала длиннѣе и тоньше, не измѣняясь въ вѣсѣ. Большинство австралійскихъ овецъ держатъ для шерсти, но въ послѣднее время овецъ разводятъ и для мяса, особенно въ Новой Зеландіи.

Большинство австралійскихъ овецъ принадлежитъ крупнымъ овцеводамъ — скватерамъ, какъ ихъ называютъ въ Австраліи. Они снимаютъ у правительства въ аренду на долгій срокъ большія пространства земли подъ пастбища; въ собственность имъ принадлежитъ лишь незначительная часть той земли, на которой пасутся милліоны ихъ овецъ.

Владѣльцы фермъ рѣдко сами живутъ въ своихъ владѣніяхъ; въ большинствѣ случаевъ они поручаютъ завѣдываніе фермами управляющимъ, которые живутъ на главной «станціи»; овцеводы же проводятъ большую часть года въ большихъ городахъ, пріѣзжая на станціи иногда только въ періодъ стрижки овецъ (обыкновенно осенью). На сотни верстъ раскинулись подобныя фермы, имѣющія крайне однообразный видъ; милліоны овецъ пасутся на прилегающей къ нимъ землѣ; уходъ за стадами требуетъ ничтожнаго количества рабочихъ рукъ, даже на станціяхъ съ 80 т. овецъ.

Загоны для овецъ.

Прежде стада овецъ свободно паслись на принадлежащей къ станціи землѣ, въ послѣднее же время начали разбивать землю на участки, которые предназначаются для опредѣленнаго числа овецъ. Опытъ показалъ, что при этомъ шерсть получается лучшаго качества, въ большемъ размѣрѣ, и овцы менѣе болѣютъ; предприниматель можетъ обратить главное вниманіе на усовершенствованіе своихъ стадъ, уходъ за ними требуетъ въ этомъ случаѣ значительно меньше рабочихъ рукъ.

Въ центрѣ владѣній каждаго скватера устроены сараи для стрижки овецъ. Интересную картину представляетъ эта работа. Вотъ какъ описываетъ ее очевидецъ: «Громадный сарай построенъ изъ желѣза, полъ его устланъ досками и возвышается на нѣсколько футовъ отъ земли; средина его раздѣлена рѣшетками на загоны, въ каждомъ изъ которыхъ стоитъ машина для стрижки овецъ, которая всегда поддерживается въ порядкѣ рабочими; позади каждой машины есть отверстіе въ наружной стѣнѣ и узкій проходъ, черезъ который выходитъ остриженная овца изъ сарая. Машины, приводимыя въ движеніе въ крупныхъ хозяйствахъ силою пара, состоятъ только изъ гребней и острыхъ ножей, соединенныхъ вмѣстѣ наподобіе ножницъ на стержнѣ, который приводится въ движеніе системой рычаговъ; длинный стержень, съ которымъ соединена каждая машина, регулируетъ работу каждаго стригущаго. Овцы впускаются съ одного конца сарая, а на противоположномъ концѣ его стоятъ столы, на которые бросается шерсть до сортировки ея. Позади столовъ обыкновенно устроена комната, гдѣ машинами шерсть упаковывается для отправки въ Лондонъ. Окно вверху для вентиляціи и боковыя отверстія пропускаютъ по узкимъ проходамъ свѣтъ, красиво падающій на

Стрижка овецъ.

согнувшихся стригуновъ. Если работаютъ 40 рабочихъ, 8 часовъ въ день, тысячи овецъ проходятъ черезъ сараи въ одинъ день при однообразномъ стукѣ машинъ и потрескиваніи отъ жара желѣзной крыши. Машины какъ бы сдираютъ шерсть съ овецъ при помощи безмолвно работающихъ стригуновъ; трудъ всецѣло поглощаетъ послѣднихъ и требуетъ значительной затраты энергіи и ловкости. Овцу вводятъ въ загородку и кладутъ недалеко отъ машины, сначала заботливо удаляютъ шерсть снизу и подъ шеей, а затѣмъ нѣсколько взмаховъ стригуна, и овца совершенно освобождена отъ шерсти! Какъ бы ни была грязна наружная шерсть, внутренняя всегда бѣлая и тотчасъ же запаковывается въ узлы для отправки .

Умѣлые рабочіе стригутъ каждую овцу не болѣе 2 минутъ; конечно, такая быстрота работы доступна немногимъ; приводятъ примѣръ одного ловкаго стригуна, который въ 9 дней остригъ болѣе 2.000 овецъ.

Австралійская шерсть завоевала себѣ постоянный сбытъ на всемірномъ рынкѣ, гдѣ она занимаетъ первое мѣсто. За послѣдніе годы Австралія и Новая Зеландія доставляютъ шерсти приблизительно на 200—220 мил. руб. ежегодно; въ Австраліи потребляется немного; большая часть вывозится въ Англію и другія европейскія государства и Америку.

Послѣднее время австралійскіе скватеры часто терпятъ нужду отъ господствующихъ въ Австраліи засухъ, отражающихся дурно на овцахъ и на качествѣ шерсти. Обширныя пастбища Австраліи слишкомъ скудно орошены рѣками, необходимо искусственное орошеніе, и кое-что уже сдѣлано въ этомъ направленіи; изысканія показали, что вода можетъ быть добыта изъ артезіанскихъ колодцевъ, къ устройству которыхъ и было приступлено во многихъ колоніяхъ; кромѣ

того, устраиваются плотины для задержанія воды, скопляющейся въ періодъ наводненія и разлива рѣкъ.

Засуха—не единственный бичъ овцеводства въ Австраліи, сильныя опустошенія производятъ милліоны кроликовъ. Они истребляютъ всю траву на пастбищахъ и изгоняютъ здѣшнюю овцу. Кроликовъ никто не стрѣ-

Отправка шерсти.

ляетъ; стоитъ ли цѣлиться въ животное, спокойно сидящее въ десяти метрахъ отъ васъ? Чтобы бороться съ нашествіемъ грызуновъ, пришлось обратиться къ иному способу, чѣмъ охота съ ружьемъ, примѣняемому также и въ Австраліи, а именно отравлять кроликовъ. Для этого приготовляется смѣсь изъ поджаренной муки и фосфора и разбрасывается у входа въ норки грызуновъ. Ядъ дѣйствуетъ почти моментально. Кромѣ того, для истребленія кроликовъ ввозятъ ласокъ и хорьковъ, которые ихъ пожираютъ. Прежде околѣвшихъ кроликовъ просто закапывали въ землю или

бросали, не думая извлекать изъ нихъ пользы, но теперь шкурки ихъ вывозятъ въ Англію, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ дешевыя шляпы.

Добываніе золота.

Въ Австраліи впервые золото было найдено въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Золото попадалось въ видѣ золотоносныхъ розсыпей, а иногда въ видѣ богатыхъ гнѣздъ самородковъ. Самый крупный изъ самородковъ былъ найденъ въ Викторіи вѣсомъ около 5 пудовъ.

Сначала, когда кирка и лопата были почти единственными орудіями золотоискателя, добыча золота была въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ компаній. Теперь же, когда разработка золота, особенно попадающагося въ горныхъ породахъ, требуетъ усовершенствованныхъ машинъ и большихъ затратъ, золотопромышленность попала въ руки крупныхъ обществъ. Такой крупной компаніей разрабатывается знаменитая гора Морганъ (находящаяся въ 30 мил. отъ Рохкамптона), о которой разсказываютъ слѣдующую исторію.

Нѣкто Санди Гордонъ съ братомъ, еще въ первые годы колонизаціи, снималъ пастбище у одного изъ богатыхъ скватеровъ, Маккинлея, во владѣніи котораго среди пастбищъ находилась эта знаменитая гора; о богатствахъ, скрытыхъ въ ней, тогда еще никто не подозрѣвалъ. Гордонъ женился на дочери скватера и пріобрѣлъ эту гору; дѣла у нихъ пошли плохо, и онъ работалъ у сосѣднихъ капиталистовъ Морганъ. Однажды жена показала ему камень, подаренный ей отцомъ, выкопанный недалеко отъ горы; Гордонъ нашелъ камень необыкновенно тяжелымъ и, какъ рѣдкость, показалъ его своему хозяину. Хозяинъ догадался о томъ драго-

цѣнномъ содержаніи, которое было въ камнѣ, и предложилъ Гордону 20 ф. ст., если онъ укажетъ ему мѣсто, гдѣ взять этотъ камень. Гордонъ согласился, и братья Морганъ немедленно пріобрѣли драгоцѣнную землю по 1 фунту стерлинговъ за акръ, образовали крупную компанію и приступили къ разработкѣ этой богатѣйшей въ свѣтѣ золотоносной горы. Теперь эта гора, возвышающаяся на 600—700 футовъ надъ уровнемъ небольшой рѣки, находящейся недалеко, вся изрыта и изрѣзана тоннелями, похожа издали на кипящій жизнью муравейникъ, день и ночь слышенъ тамъ шумъ машинъ, видно движеніе рабочихъ; подъемныя машины, блоки и т. п. сооруженія непрерывно и неустанно работаютъ тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ мирно бродили стада овецъ.

Вся сердцевина горы, разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ, какъ бы прослоена и наполнена золотомъ, особенно ея вершина; работа происходитъ и на поверхности горы, по ея склонамъ въ пяти мѣстахъ, что придаетъ своеобразный видъ горѣ, покрытой деревьями и зеленью.

Рабочіе выламываютъ, разбиваютъ руду и отправляютъ ее при помощи воздушной желѣзной дороги, которая соединяетъ вершину горы съ машинами, растирающими руду на другой сторонѣ долины; вагоны быстро поднимаются и спускаются, и кажется, будто они двигаются въ воздухѣ, такъ какъ на разстояніи проложенныхъ рельсъ не видно. Въ нижней части горы работа идетъ внутри; гора на опредѣленномъ разстояніи прорыта тоннелями; войдя по одному изъ нихъ, вы не увидите обычныхъ узкихъ и мрачныхъ шахтъ, вся сердцевина горы какъ бы вынута и тамъ устроены обширныя палаты въ которыхъ человѣкъ можетъ работать, не сгибаясь.

Всѣ сооруженія крѣпки и поддерживаются деревянными столбами и балками; кругомъ повсюду въ стѣнахъ видно золото, совсѣмъ бѣлое, такое легкое, что если бросить небольшой кусокъ его въ ведро съ водой, оно всплываетъ наверхъ. Это необыкновенная тонкость заставила измѣнить здѣсь обычную систему промыванія водой, при которой пропадало много золота, системой собиранія его сухимъ путемъ: руда просушивается, растирается въ мелкій порошокъ, который прямо направляется уже въ плавильныя печи, гдѣ оно химически отдѣляется. Работа внутри горы происходитъ на разныхъ уровняхъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на 140 ф. Въ нижней части горы есть шахты до 1.100 ф. глубиной, но надо сказать, что наибольшее количество металла добывается наверху, на открытыхъ склонахъ, гдѣ часто только что вынутая руда блеститъ всѣми цвѣтами радуги. На самой вершинѣ горы растутъ рѣдкіе виды папоротника, и оттуда развертывается великолѣпный видъ на окрестности.

Мельбурнъ.

Я находился въ каютѣ, когда мы въѣхали въ портъ Филиппа, и наступившая внезапно тишина дала мнѣ понять, что мы изъ океана попали въ спокойную бухту. Я вышелъ на палубу и увидѣлъ, что мы плывемъ около верфи въ Вильямстоунѣ, а Мельбурнъ находится прямо противъ насъ на разстояніи 5 миль, при чемъ гавань простиралась вплоть до этого города. Я былъ изумленъ въ высшей степени. Аделаида казалась мнѣ чѣмъ-то великимъ, а Мельбурнъ былъ настоящимъ чудомъ. Великолѣпные доки были тамъ переполнены кораблями, которые разгружались и нагружались. Огромные паро-

ходы со всего свѣта окружали насъ со всѣхъ сторонъ; вдали видиѣлся дымъ отъ многихъ другихъ пароходовъ. Между нами и городомъ казалось едва хватало мѣста для кораблей, стоящихъ на якорѣ. На верхушкахъ мачтъ и на кормахъ ихъ гордо и свободно развивался британскій флагъ, привѣтствуя насъ въ Австраліи, какъ на новой родинѣ. Паровые катера, поромы и буксиры подъѣзжали къ пароходамъ и шныряли взадъ и впередъ, оставляя послѣ себя черные клубы дыма, сквозь которые видиѣлся огромный городъ. Дымъ этотъ составляетъ истинное несчастье. Хотя сиднейскій уголь дешевъ и полезенъ, онъ даетъ копоти больше, чѣмъ какой-либо другой уголь, который мнѣ случалось видѣть, и утромъ, когда нѣтъ вѣтра,—такъ было въ день нашего пріѣзда,—черное облако окутываетъ гавань и городъ, но это бываетъ рѣдко, потому что обыкновенно бываетъ вѣтрено. Но здѣсь даже дымъ самъ по себѣ является признакомъ жизни и энергичной дѣятельности. Вдоль всего берега на протяженіи многихъ и многихъ миль раскинулись виллы и парки мельбурнскихъ магнатовъ, свидѣтельствующіе о благосостояніи страны.

Жители Мельбурна считаютъ свой городъ однимъ изъ величайшихъ городовъ Британской имперіи. Если судить по площади, то этотъ городъ дѣйствительно почти не имѣетъ соперниковъ, исключая Лондона, такъ какъ радіусъ его равенъ 10 милямъ. Самый же городъ представляетъ тѣсно застроенное мѣсто, въ $1^1/_2$ кв. мили, окруженное поясомъ большихъ парковъ и садовъ. Благодаря тому, что городъ Мельбурнъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ, трудно сразу охватить глазомъ весь городъ; только съ самаго высокаго холма открывается красивая панорама улицъ,моря и порта, которою можно любоваться, затаивъ дыханіе.

Сидней.

Сидней — самый древній городъ Австраліи, такъ какъ столѣтіе — это уже длинный періодъ времени въ исторіи европейцевъ въ южномъ полушаріи. Сидней въ первыя десятилѣтія былъ лишь убогой деревней, построенной въ лѣсной прогалинѣ, на оконечности мыса; теперь же это большая столица, оспаривающая у Мельбурна первое мѣсто въ океаническомъ мірѣ. Жители называютъ его «Королевою юга». Благодаря многочисленнымъ извилинамъ въ побережьѣ и неровному рельефу окрестныхъ мѣстностей, у Сиднея нѣтъ того обычнаго однообразія, которое замѣчается у большинства австралійскихъ и американскихъ городовъ: это уже не шахматная доска, всѣ квадраты которой имѣютъ одни и тѣ же размѣры; у него есть улицы, которыя змѣятся по долинкамъ и по всходамъ на холмы; а маленькія бухты и рукава моря, скалы и утесы прерываютъ этотъ неправильный планъ и дѣлятъ городъ на особые, непохожіе другъ на друга, городки. Въ центрѣ находится старый кварталъ, протягивающій, въ формѣ растопыренной руки, свои возвышенные мысы на рейдъ; на югѣ перекрещиваются аллеи Вуломолу; на сѣверѣ же паровые поромы безпрерывно снуютъ между старинными кварталами, новымъ городомъ Нордъ-Шоръ и купальнями Манли, лежащими на двойномъ пляжѣ, изъ которыхъ одинъ на внутреннемъ морѣ, а другой—на океанѣ. Съ каждой улицы открывается видъ на холмы, рейдъ и его бухты, сады и лѣса. Не многія столицы такъ богаты лужайками и парками, какъ Сидней. Воду въ Сидней проводятъ изъ озера Георга, находящагося на юго-западѣ, въ Австралійскихъ Альпахъ; однако въ годы засухи случается, что

этотъ озерный водоемъ оказывается совершенно лишеннымъ воды.

Какъ торговый городъ, Сиднеи служитъ центромъ пароходныхъ линій въ Тихомъ океанѣ. Кромѣ того, портъ Сиднея такъ обширенъ, что между многочисленными пристанями на его берегахъ развилось большое внутреннее движеніе какъ по перевозкѣ пу-

Гавань Сиднея.

тешественниковъ, такъ и по развозкѣ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ; форты, возведенные на возвышенныхъ мысахъ у входа, защищаютъ рейдъ, которому, впрочемъ, никогда не угрожалъ никакой непріятель.

Сиднею выпала почетная доля быть также городомъ науки и искусства; у него есть музеи, богатый Новоюжно-валлисскій университетъ, ученыя общества и богатый ботаническій садъ, содержимый съ большою тщательностью. Зоологическая станція основана въ сосѣдней съ городомъ бухтѣ Миклухой-Маклаемъ.

Сидней соединенъ желѣзными дорогами со всѣми городами и значительными мѣстечками колоніи и сосѣднихъ штатовъ Квинсленда и Викторіи. Параматта, самый близкій городъ, можетъ считаться пригородомъ Сиднея, такъ какъ онъ расположенъ на западной оконечности той же самой бухты. Окружающая Параматту сельская мѣстность славится какъ плодовый садъ Сиднея и обладаетъ лучшими на всемъ континентѣ оранжереями.

Аделаида.

Городъ Аделаида названъ такъ въ честь жены англійскаго короля Вильгельма IV. Онъ стоитъ при устьѣ небольшой горной рѣчки Торренсъ, которая въ нижней своей части течетъ по низменности, совсѣмъ близко отъ восточныхъ береговъ залива св. Винцента и даетъ туда нѣсколько стоковъ. Рѣка раздѣляетъ городъ на двѣ части, на южную и на сѣверную, изъ которыхъ первая считается торговой, дѣловой, а вторая преимущественно — резиденціей обывателей. Обѣ части разъединены большими парками, среди которыхъ протекаетъ Торренсъ и красуется прекрасное озеро, образовавшееся благодаря устройству запруды на рѣкѣ. Весь городъ окаймленъ широкимъ поясомъ парковъ, которые доходятъ до ряда холмовъ, амфитеатромъ замыкающихъ низменность на востокѣ и югѣ и ярко вырисовывающихся на туманной синевѣ лѣтняго неба. Съ этихъ холмовъ и съ нѣкоторыхъ точекъ города открывается прекрасный видъ на заливъ св. Винцента, и городъ считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ. Площадь его, включая сюда и парки, равна $5^3/_4$ кв. миль.

Когда подъѣзжаешь къ городу съ моря, особенно лѣтомъ, поражаешься его сходствомъ съ городами сѣвернаго побережья Африки. Голубая вода моря такъ же, какъ и тамъ, плещется о плоскій берегъ и какъ

Аделаида.

будто тянется къ городу; городъ пыльный, словно изнемогающій отъ зноя; тусклая зелень колючихъ грушевыхъ деревьевъ мѣстами оживляется ярко-красными и другими яркими цвѣтами. Но, когда войдешь въ городъ, впечатлѣніе мѣняется. Улицы широкія, зелень, несмотря на палящій зной, свѣжа и растительность густая.

Пертъ.

Городъ Пертъ служитъ столицей западной Австраліи. Прибывъ туда по желѣзной дорогѣ изъ Фримантля, я былъ пріятно изумленъ при видѣ отличныхъ по-

строекъ и удивительнаго благоустройства, видѣющагося повсюду. Вокзалъ желѣзной дороги устроенъ въ центральной части города на одной изъ очень бойкихъ улицъ, такъ что, выходя изъ вокзала, попадаешь въ самый оживленный кварталъ. Движеніе здѣсь очень большое, но шуму никакого. Это происходитъ оттого, что улицы вымощены деревянными пластинками изъ мѣстной породы эвкалипта, а тротуаръ асфальтовый. Ходить и ѣздить по нимъ очень пріятно.

Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Суонъ (Swon). Въ переводѣ это значитъ «Лебединая рѣка». Первые англійскіе поселенцы, прибывшіе сюда (еще въ концѣ XVIII столѣтія), были поражены большимъ числомъ черныхъ лебедей, обитавшихъ на рѣкѣ; они и назвали эту рѣку Суонъ. Съ тѣхъ поръ лебедь служитъ эмблемой колоніи, и теперь, когда западная Австралія имѣетъ самостоятельное устройство, изображеніе лебедя входитъ въ ея гербъ, а также на почтовыя и гербовыя марки. Гуляя по берегамъ рѣки, можно видѣть въ разныхъ мѣстахъ плавающихъ лебедей—черныхъ и очень граціозныхъ. Рѣка у города образуетъ расширеніе, какъ бы озеро, и хотя отсюда до устья всего 16 верстъ, но рѣка очень мелка, почему тутъ плаваютъ только маленькіе пароходы.

Улицы, совершенно прямыя, перекрещиваются подъ прямымъ угломъ. Дома не отличаются особой величиной; большая часть изъ нихъ въ 2 — 3 этажа, но построены они со вкусомъ. Правительственныя зданія отличаются красотой и солидностью; особенно хороши почтамтъ, зданіе министерствъ, городское управленіе, домъ губернатора.

Шесть большихъ лондонскихъ банковъ имѣютъ здѣсь свои отдѣленія, которыя помѣщены въ отдѣльныхъ великолѣпныхъ домахъ; множество различныхъ

учрежденій и агентствъ образовали цѣлую улицу отличныхъ построекъ. Здѣсь издается нѣсколько газетъ, и главнѣйшія изъ нихъ имѣютъ также свои собственные дома. Затѣмъ множество магазиновъ, огромныхъ по величинѣ и красивыхъ по устройству, гостиницы со всѣми удобствами, отличные общественные сады, электрическіе трамваи по всѣмъ направленіямъ, вездѣ народъ, вездѣ движеніе, и все это въ городѣ, имѣющемъ всего только 36.000 жителей.

Электрическіе трамваи въ примѣненіи къ новымъ городамъ, имѣютъ сильное вліяніе на характеръ городскихъ построекъ. Прежде люди, имѣющіе въ городѣ конторы и вообще служащіе, старались жить поближе къ мѣсту своихъ работъ, зданія строились большія, постройки по необходимости были скученныя, разсчитанныя на то, чтобы всѣ могли найти себѣ жилище. Но когда электрическіе трамваи соединили города съ окрестностями, когда служащіе получили возможность быстраго передвиженія, необходимость пребыванія въ городѣ отпала и люди стали стремиться жить въ окрестностяхъ. Городъ Перть, имѣя прекрасную сѣть электрическихъ сообщеній, соединенъ въ настоящее время со всѣми окрестностями на нѣсколько верстъ во всѣ стороны. Населеніе пріобрѣтаетъ участки вдоль электрическихъ трамваевъ и селится здѣсь отдѣльными домами. Дома по большей части одноэтажные съ садами и огородами. Самыя окрестности приняли другой видъ: онѣ превратились въ рядъ усадебъ съ цвѣтниками, садами, уютными домами, гдѣ живетъ на свободѣ то самое населеніе, которое въ старыхъ городахъ было обречено на житье въ большихъ мрачныхъ домахъ, въ узкихъ улицахъ и должно мириться со всѣми вредными послѣдствіями недостатка свѣжаго воздуха.

Дѣловая жизнь въ городѣ начинается около 8 ч. утра, а съ 9 ч. открываются всѣ банки, правительственныя и другія учрежденія. Въ 4 часа всѣ дѣловыя учрежденія закрываются, а магазины торгуютъ лишь до 6 часовъ вечера, исключая съѣстныхъ и аптекъ. Вечеромъ, послѣ 6 ч., на нѣкоторыхъ улицахъ Перта бываетъ много гуляющихъ. Вся эта толпа хорошо одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе: не слыхать ни криковъ, ни какихъ-либо возгласовъ, всѣ ходятъ не спѣша, тихо разговаривая. Въ толпѣ нѣтъ ни пьяныхъ, ни дурно одѣтыхъ людей. Въ Пертѣ я совсѣмъ не видалъ полицейскихъ, какъ будто ихъ вовсе и не было. Впрочемъ, когда нужно, полицейскаго можно вытребовать; стоитъ для этого въ извѣстномъ мѣстѣ нажать пуговку электрическаго звонка—и тотчасъ явится господинъ въ черной шляпѣ и синей пиджачной парѣ; у него нѣтъ никакого оружія, только серебряныя пуговицы съ изображеніемъ лебедя указываютъ на принадлежность его къ казенной службѣ.

Въ 10 часовъ вечера улицы Перта пустѣютъ, а къ 11 часамъ на нихъ буквально никого нѣтъ. Освѣщеніе улицъ значительно уменьшается, и городъ погружается въ сонъ до 6 часовъ утра.

Когда наблюдаешь уличную жизнь въ городѣ, невольно приходитъ въ голову, что такъ одѣваться и вести себя могутъ люди, не только сытые, но и имѣющіе извѣстный излишекъ отъ своихъ заработковъ Дѣйствительно, здѣсь заработная плата очень высокая; такъ, напримѣръ, простой поденщикъ получаетъ 7—8 шиллинговъ въ день или 3 р. 30 к. — 3 р. 75 к. при 8-часовой работѣ. Рабочіе-спеціалисты получаютъ еще болѣе: каменщики и столяры отъ 31 до 52 руб. въ недѣлю, портные—28 р. и т. д. Прислуга въ домахъ

при готовомъ содержаніи и квартирѣ получаютъ въ недѣлю: кухарка 9 р. 40 к.—20 р., кучеръ 9 р. 40 к.—72 руб., горничная 4 р. 70 к.—9 р. 40 к., прачка 12 р. Но эти цѣны относятся къ городамъ и фермамъ юго-западной части, а въ районѣ золотыхъ пріисковъ всякая работа оплачивается гораздо дороже.

Глядя на уличную жизнь въ Пертѣ, видишь здѣсь развитыхъ самостоятельныхъ людей, и всякое проявленіе грубости здѣсь не можетъ встрѣтить сочувствія. Народное образованіе признается важнѣйшей отраслью дѣятельности правительства. Начальныя народныя училища устроены по всей странѣ, посѣщеніе ихъ обязательно для всѣхъ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста, обученіе безплатное.

Въ числѣ образовательныхъ учрежденій не малую роль играютъ въ странѣ библіотеки и читальни, изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ публичная библіотека въ Пертѣ. По внѣшности это—одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ. Когда я былъ въ этой библіотекѣ, меня поразило одно обстоятельство, именно: здѣсь каждый беретъ себѣ книги самъ. Я пришелъ вечеромъ, и зала была полна читающихъ: было, по крайней мѣрѣ, 200 человѣкъ. Шаговъ не было слышно, потому что полы были покрыты коврами. Я сталъ разсматривать книги, стоящія на полкахъ, и тутъ замѣтилъ объявленіе, гласящее, чтобы каждый посѣтитель, взявшій книгу съ полки, не ставилъ ее на мѣсто, а оставлялъ на столѣ; на корешкѣ книги обозначены номеръ полки и номеръ самой книги; библіотекарь, обходя столы, самъ ставитъ на мѣсто всѣ оставленныя книги. Посѣтитель, входя въ читальную залу, выбираетъ себѣ книгу или по каталогамъ, которые лежатъ на столѣ, или же прямо обходя полки. Разумѣется, такой порядокъ возможенъ лишь при очень развитой публикѣ. Библіотека нахо-

дится въ ближайшемъ вѣдѣніи библіотекаря и его помощника, и они двое дежурятъ по очереди и справляются со всѣми дѣлами.

Открыта библіотека въ 1889 году, а въ 1901 году уже было книгъ 43.940 томовъ. Посѣщаютъ библіотеку въ годъ около 130.000 читателей.

Водопроводы въ Австраліи.

Путешественниковъ, посѣщавшихъ новые австралійскіе города, особенно поражало ихъ благоустройство: хорошая вода для питья, чистота улицъ и домовъ, быстрыя и дешевыя сообщенія, хорошее освѣщеніе, чистыя гладкія мостовыя, широкіе тротуары и т. д.

Особое вниманіе обращаетъ на себя забота о снабженіи городовъ хорошей водой для питья. Въ тепломъ климатѣ Австраліи, когда лѣтомъ температура доходитъ до 35—37° въ тѣни по Реомюру, а зимою никогда не видишь снѣга, потребность въ питьѣ должна быть очень значительна. На улицахъ то и дѣло видишь, какъ прохожіе подходятъ къ особаго рода столбикамъ нажимаютъ пуговку, нацѣживаютъ воды въ кружку пьютъ и идутъ дальше.

Въ западной Австраліи находятся очень богатые золотые пріиски. Золото въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ было здѣсь найдено въ 1887 г. Оно привлекло сюда десятки тысячъ людей и играетъ въ заселеніи страны такую же роль, какъ это было когда-то въ Викторіи, Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Куинслендѣ. Золотыя поля находятся въ 300—400 верстахъ къ востоку отъ Перта въ безводныхъ мѣстахъ. Здѣсь дожди очень рѣдки, рѣкъ и источниковъ нѣтъ, и жители питаются лишь дождевой водой, которую собираютъ съ крышъ въ особыя цистерны и тщательно

хранять. Но этого было далеко недостаточно для увеличивающагося населенія: воду стали привозить изъ разныхъ мѣстъ, и цѣны ея доходили до 3 руб. 20 к. за ведро. Въ виду такой чрезвычайной нужды въ водѣ было рѣшено построить водопроводъ и провести воду изъ окрестностей Перта. Для этого была выбрана рѣка Елена (Helena river), на которой была выстроена колоссальная плотина. Длина плотины 109 саженъ, основаніе плотины заложено на 100 футовъ глубже дна рѣки. Плотина построена изъ искусственнаго камня; для этого брали камень мѣстной породы, раздробляли его на куски, клали въ ящикъ кубической формы и заливали цементомъ; получалась очень прочная каменная масса, изъ которой и строили стѣну. Когда плотина была окончена, то съ внутренней стороны ея получилось озеро въ $10\frac{1}{2}$ верстъ длиною и глубиною у плотины въ 100 футовъ. Общій запасъ воды 1.702.000 ведеръ, котораго можетъ хватить на два года даже при полномъ отсутствіи дождей. Но такъ какъ въ области рѣки Елены дождя выпадаетъ до 25 дюймовъ въ годъ, то запасъ воды въ озерѣ будетъ постоянно пополняться. Изъ резервуара вода перекачивается на 492 версты внутрь страны въ резервуаръ у города Кульгарди. Этотъ послѣдній резервуаръ лежитъ на 1.290 футовъ выше перваго. Слѣдовательно, нужно было не только провести воду на 492 версты, но и поднять ее на 184 сажени. Эта работа выполняется 8 водокачками-насосами, расположенными по всей длинѣ водопровода. Все это поистинѣ гигантское сооруженіе стоило 25.850.000 рублей.

Подвигъ Миклухи Маклая.

Въ 1871 г. русскій путешественникъ Миклуха Маклай надолго простился съ Россіей и отправился на русскомъ кораблѣ „Витязь“ въ отдаленное путешествіе.

У него зародился смѣлый планъ: поселиться одному среди дикарей вдали отъ цивилизованнаго міра. Для исполненія своего плана Миклуха Маклай избралъ почти неизслѣдованную тогда страну — Новую Гвинею. Напрасно ему говорили, что его планъ безуменъ и что онъ идетъ на вѣрную гибель. Миклуха Маклай стоялъ на своемъ и въ сентябрѣ 1871 г. высадился на сѣверо-восточный берегъ Новой Гвинеи съ двумя служителями. Плотники корабля «Витязь» выстроили ему небольшой домъ на южномъ берегу залива Астролябіи. 26 сентября русскій военный корабль отплылъ, предоставивъ путешественника его собственной участи.

Предпринимающій подобное геройское рѣшеніе обыкновенно рисуется въ нашемъ воображеніи человѣкомъ огромнаго роста и мощнаго тѣлосложенія съ рѣшительными и смѣлыми движеніями и пронзительнымъ взоромъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Миклухѣ Маклаѣ. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, худой, съ бѣлокурыми курчавыми волосами, ясными глазами, мѣрными движеніями, ровнымъ и спокойнымъ характеромъ. Этотъ молодой человѣкъ (ему было тогда 24 года) смѣло ввѣрялъ свою жизнь странѣ, населенной людоѣдами и опустошаемой убійствами. Слуги Миклухи Маклая оказались плохими помощниками: одинъ скоро заболѣлъ и умеръ, другой былъ охваченъ такимъ ужасомъ, что его нельзя было заставить выйти изъ хижины. Миклухѣ Маклаю приходилось дѣйствовать на собственный страхъ и рискъ.

Трудно было найти племя болѣе первобытное, болѣе близкое къ тому состоянію, въ которомъ должно было находиться все человѣчество на первой ступени своего развитія, чѣмъ папуасы. Это племя было велико и сильно, а богатства почвы съѣдобными растеніями обезпечивало всему населенію обильное пропитаніе. Орудія и оружіе этого племени состояли исключительно изъ дерева, камня, костей и глины. Миклуха Маклай познакомилъ папуасовъ съ гвоздями, молотками, ножами и пилами. Они уже знали, что такое огонь, и умѣли имъ пользоваться. Всѣ вопросы въ каждомъ селеніи рѣшались сообща, и чей совѣтъ одерживалъ верхъ, тотъ временно получалъ власть. У нихъ не было ни религіи, ни храмовъ, ни идоловъ, ни священниковъ; у нихъ была только вѣра въ фетишизмъ, т.-е. въ волшебную силу предметовъ. Языкъ ихъ былъ бѣденъ, нравы сравнительно мягки.

Миклуха Маклай первое время не зналъ ихъ языка и былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Въ одномъ онъ былъ увѣренъ, что папуасы не убьютъ его изъ жестокости или обжорства. Но они могли убить его ради забавы, любопытства или корыстолюбія, чтобы завладѣть его багажомъ. Любопытство было главнымъ чувствомъ, которое возникало у этихъ дикарей при видѣ бѣлаго человѣка, раньше никогда не встрѣчавшагося имъ.

Первою попыткою папуасовъ было испытать мужество этого бѣлаго человѣка. Когда Миклуха Маклай выходилъ, они начинали пускать въ него стрѣлы и копья такимъ образомъ, чтобы зацѣпить его; иногда они подходили къ нему совсѣмъ близко, прикасались къ его шеѣ своимъ оружіемъ и угрожали ему ударами. Эти игры были весьма опасны для Миклухи Маклая.

Человѣкъ могъ убить его по ошибкѣ. Вся одежда его была проколота и голова исцарапана. Но въ отвѣтъ на это онъ выказывалъ спокойное равнодушіе. Это внушило дикарямъ уваженіе къ нему и дало имъ увѣренность, что они имѣютъ дѣло съ существомъ высшимъ, непохожимъ на нихъ. Они убѣдились вскорѣ, что этотъ человѣкъ, не имѣвшій при себѣ иного оружія, кромѣ зонтика, карандаша и памятной книжки, не хотѣлъ имъ дѣлать зла.

Между тѣмъ Миклуха Маклай не старался вліять на нихъ или входить въ ихъ дѣла; онъ хотѣлъ только добиться ихъ довѣрія, приблизить ихъ къ себѣ, изучить ихъ нравы и языкъ и заставить ихъ понимать себя.

Счастливыя обстоятельства помогли ему. Разыскивая однажды какую-то вещь въ своей хижинѣ, онъ зажегъ голубой бенгальскій огонь, который подарилъ ему капитанъ корабля. Это голубое пламя было замѣчено туземцами; оно было для нихъ сверхъестественнымъ явленіемъ. Они вообразили, что это свѣтъ отъ луны, который чужеземецъ принесъ съ собою съ неба. Съ тѣхъ поръ его происхожденіе было для нихъ очевидно. Это былъ, по ихъ мнѣнію, человѣкъ съ луны.

Новое обстоятельство послужило въ его пользу. Однажды туземцы одного селенія обѣщали прислать проводниковъ и носильщиковъ для научныхъ экскурсій и не сдержали своего слова. Страшно недовольный, что не состоялось путешествіе, Миклуха Маклай пошелъ въ ихъ деревню и сдѣлалъ имъ выговоръ, сказавъ, что возьметъ людей изъ другой деревни. На вопросъ одного изъ туземцевъ, въ самомъ ли дѣлѣ онъ на нихъ сердится и накажетъ ихъ за это, онъ отвѣчалъ: «Вотъ вы увидите!

Деревня на сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи.

Только что успѣлъ Миклуха Маклаї возвратиться въ свою хижину, какъ вдругъ послышалось сильное землетрясеніе, которое очень часто бываетъ въ этихъ странахъ. Вскорѣ за тѣмъ послышались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хижины крики, стоны и плачъ. Вся деревня прибѣжала къ нему, не смѣя близко подойти къ его дому, и на колѣняхъ молила и кричала

— Прости насъ, мы больше не будемъ.

Въ другой разъ Миклуха Маклай пилъ чаї на небольшой террасѣ своего дома, которая была обращена къ морю. Его спиртовая лампочка неожиданно опрокинулась и спиртъ продолжалъ горѣть на землѣ въ видѣ небольшого ручейка. Нѣсколько папуасовъ бросились къ его ногамъ и сказали ему:

— Мы просимъ тебя, не подливаї огонь въ море, не зажигаї моря.

Однажды Миклуха Маклаї вошелъ въ самую большую хижину въ селеніи, которая служила туземцамъ мѣстомъ сборища для мужчинъ. Женщины папуасовъ живутъ отдѣльно съ малолѣтними дѣтьми въ своихъ хижинахъ, мужчины живутъ всѣ вмѣстѣ въ большихъ помѣщеніяхъ. Здѣсь они хранятъ свое оружіе, музыкальные инструменты, здѣсь обѣдаютъ и ведутъ бесѣды. Миклуха Маклаї замѣтилъ, что они о чемъ-то сильно спорили. Наконецъ одинъ туземецъ, котораго онъ хорошо зналъ подъ именемъ Саула, подошелъ къ нему и сказалъ.

— Мы хотимъ узнать, можешь ли ты умереть, какъ мы?

Миклуха Маклаї былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, говорить только одну правду. «Слово Маклая всегда вѣрно», говорили потомъ папуасы.

Если бы онъ сказалъ, что можетъ умереть, какъ всѣ, то уваженіе, которымъ онъ пользовался, могло бы поколебаться, и они пожелали бы произвести опытъ надъ нимъ. Маклай нѣсколько минутъ не зналъ, что отвѣчать; вдругъ онъ увидѣлъ стрѣлу, висящую на стѣнѣ; онъ снялъ ее, передалъ Саулу и, ставъ предъ нимъ, сказалъ:

Попробуй, Саулъ!

Папуасъ помахалъ тяжелымъ оружіемъ, затѣмъ опустилъ его и, повѣсивъ обратно на стѣну, проговорилъ:

— Ты не предложилъ бы намъ этого, если бы могъ быть убитымъ.

Нѣсколько разъ потомъ случалось Миклухѣ Маклаю быть въ подобномъ положеніи, и всегда онъ выходилъ изъ затрудненія, благодаря необыкновенному мужеству, проницательному уму, выдержкѣ своего характера и умѣнью распознавать характеръ дикарей.

Болѣе года нашъ путешественникъ провелъ среди папуасовъ, какъ вдругъ онъ серьезно захворалъ. Имъ были собраны многочисленныя записи географическаго характера, которыя онъ зарылъ на мѣстѣ, условленномъ съ офицерами экипажа «Витязь», для того, чтобы его работы не были потеряны, если бы онъ не былъ найденъ живымъ. Миклуха Маклай былъ увѣренъ, что погибнетъ, какъ вдругъ 19 декабря 1872 года онъ увидѣлъ русскій военный корабль «Изумрудъ», который пріѣхалъ искать его или взять съ собою то, что осталось послѣ него, такъ какъ пронесся слухъ, что Маклай былъ убитъ.

Не безъ сожалѣнія покидалъ путешественникъ этотъ берегъ, который носитъ имя славнаго ученаго. Съ грустью прощался онъ со своими друзьями, которыхъ

называлъ «своими людьми» и надъ которыми пріобрѣлъ большую власть. Помимо его воли онъ былъ для нихъ вождемъ и богомъ. Онъ обѣщалъ вернуться къ нимъ, когда будетъ возможно.

Въ 1875 г. Миклуха Маклай сдержалъ свое обѣщаніе и посѣтилъ друзей на Маклаевскомъ берегу. Онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ вѣрными ему папуасами. Теперь нашъ путешественникъ могъ свободно и безъ страха дѣлать многочисленныя прогулки во внутрь страны и производить изслѣдованія на лодкѣ на много миль вдоль побережья. Всѣ селенія старались наперерывъ оказывать ему радушное гостепріимство.

Онъ постепенно усовершенствовался въ изученіи папуасскаго языка и пользовался своимъ громаднымъ вліяніемъ, чтобы помѣшать папуасамъ вести междуусобныя войны, а также уничтожить людоѣдство. Въ то же время онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы охранить населеніе Маклаевскаго берега отъ злоупотребленій и насилій европейцевъ—хищныхъ торговцевъ, алчныхъ солдатъ и колонизаторовъ. Впослѣдствіи онъ ближе познакомился съ торговлей неграми, съ тѣми хитростями и жестокостями, къ которымъ прибѣгали лица, увозившія негровъ на продажу, видѣлъ горе и отчаяніе несчастныхъ и всячески боролся съ этимъ зломъ въ Тихомъ океанѣ.

Послѣднее пребываніе Миклухи Маклая въ Новой Гвинеѣ продолжалось до конца ноября 1877 года. Самую свѣтлую память оставилъ русскій ученый въ Новой Гвинеѣ среди папуасовъ. Едва ли милліонеры или колонизаторы могли пользоваться когда-либо большимъ вліяніемъ среди этого дикаго племени.

Природа Новой Гвинеи.

Трудно представить себѣ что-нибудь роскошнѣе первобытнаго тропическаго лѣса Новой Гвинеи. Густолиственныя пальмы склоняются до самой воды, по обѣимъ сторонамъ берега высоко подымаютъ къ небу свои вершины исполинскія деревья, и каждое изъ нихъ населено цѣлымъ міромъ вьющихся растеній; плауны свѣшиваютъ съ дерева гирляндами свои стебли навстрѣчу чужеяднымъ папоротникамъ и орхидеямъ. Лѣсъ кишмя-кишитъ птицами, которыя оглашаютъ его чащу въ теченіе цѣлаго дня своими разнообразными криками. На берегу рѣки стоятъ отдѣльными экземплярами громадныя деревья, увѣшанныя сверху донизу крупными и яркими цвѣтами. Эти цвѣты привлекаютъ къ себѣ вниманіе попугаевъ; цѣлыя стада ихъ носятся около нихъ, добывая себѣ сокъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ и оглашая воздухъ своими задорными криками. Съ вершины высокихъ деревьевъ доносятся крики бѣлыхъ и черныхъ какаду; зимородокъ быстрѣе стрѣлы носится надъ водною поверхностью.

Въ лѣсу постоянно слышно воркованіе и хлопанье крыльевъ гвинейскихъ голубей, прячущихся въ вѣтвяхъ плодовыхъ лѣсныхъ деревьевъ. Многіе изъ этихъ голубей не уступаютъ по пестротѣ и великолѣпію своего оперенія самымъ красивымъ попугаямъ. Австралійская область, по количеству водящихся въ ней видовъ голубей и необычайно яркой окраскѣ ихъ, превосходитъ всѣ остальныя области земного шара. Въ Новой Гвинеѣ живутъ не только самые пестрые, но въ то же самое время самые крупные и удивительные голуби. Это такъ называемые коронные или гура-голуби, достигающіе

величины гуся. На головѣ у нихъ имѣется хохолокъ, который можетъ раскрываться наподобіе вѣера. Трудно представить себѣ болѣе изящное украшеніе для головы, нежели этотъ развертывающійся хохолокъ, состоящій изъ нѣжныхъ, расширенныхъ на концѣ перьевъ.

Въ лѣсу повсюду раздаются крики райскихъ птицъ. Многочисленные какаду перелетаютъ съ дерева на дерево. Нѣтъ другого мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы одновременно можно было наблюдать столь пышную растительность и столь богатую животную жизнь.

Увидѣть райскую птицу далеко не такъ легко, какъ это можно думать, судя по ея яркому оперенію. Обыкновенно онѣ сидятъ высоко на деревьяхъ среди густой чащи лиcтьевъ, чрезъ которые съ трудомъ проникаетъ дневной свѣтъ. Впрочемъ, поиски райской птицы въ значительной степени облегчаются ея необычайно подвижнымъ характеромъ: она безпрестанно кричитъ, о чемъ-то хлопочетъ, перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, не оставаясь ни секунды въ покоѣ. По красотѣ райская птица превосходитъ всѣ другія созданія земли. Если нѣкоторые колибри и могутъ сравниться по пестротѣ своей окраски съ райской птицей, то они не только уступаютъ ей по своей величинѣ, но и по тому удивительно фантастическому наряду изъ перьевъ на хохолкѣ и воротникѣ, по своеобразно удлиненнымъ перьямъ крыла и цѣлому каскаду золотистыхъ перьевъ, которыя свѣшиваются внизъ съ хвоста птицы. Каждый видъ райской птицы имѣетъ свою, ему только свойственную, форму и окраску этихъ фантастическихъ придатковъ, каждый видъ представляетъ новое чудо. Еще болѣе привлекаетъ къ себѣ птица своимъ веселымъ, симпатичнымъ характеромъ; она какъ бы сама не налюбуется на свою красоту, постоянно то складываетъ, то снова распускаетъ свои перья, не оставаясь непо-

движной и напыщенной, подобно чванному и надменному павлину.

Райская птица въ полномъ смыслѣ слова дитя Новой Гвинеи и водится только на этомъ островѣ. Подобно колибри, райскія птицы питаются сокомъ цвѣтовъ на деревьяхъ, а также плодами и насѣкомыми, за которыми онѣ охотятся, ловко перелетая съ вѣтки на вѣтку. Замѣтивъ охотника, онѣ обыкновенно не улетаютъ, а лишь стараются забраться поглубже въ чащу листьевъ.

Туземцы Новой Гвинеи усердно охотятся за райской птицей, пользуясь ея перьями, какъ головнымъ украшеніемъ. Изъ сѣверо-западной Гвинеи шкурки этой птицы отправляются для продажи въ Европу. Дикари замѣчаютъ тѣ деревья, на которыхъ собираются райскія птицы при восходѣ и закатѣ солнца. Взобравшись на такое дерево, дикарь прячется въ его вѣтвяхъ и терпѣливо дожидается прилета птицъ. Нѣсколько мѣтко пущенныхъ стрѣлъ доставляютъ въ его распоряженіе цѣлый рядъ птицъ, прежде чѣмъ остальныя замѣтятъ опасность и улетятъ съ негостепріимнаго дерева.

Папуасы и меланезійцы.

Главное мѣстопребываніе и средоточіе папуасскихъ народовъ есть островъ Новая Гвинея.

Настоящій папуасъ поразительно похожъ на негра. Кожа его черновато-бурая, но бываетъ и болѣе свѣтлыхъ оттѣнковъ. И волосы его темнаго цвѣта, часто красноватые на концахъ, жесткіе и курчавые. По формѣ черепа папуасы и меланезійцы принадлежатъ къ длинноголовымъ племенамъ, лицо отличается широкимъ изогнутымъ носомъ и толстыми губами.

Нѣкоторыя папуасскія племена, среди которыхъ жилъ русскій путешественникъ Миклуха Маклай, принадлежали къ числу наименѣе развитыхъ въ Меланезіи: металлы имъ были неизвѣстны; они еще находились въ вѣкѣ камня, раковинъ и дерева и не умѣли дѣлать орудій изъ другихъ матеріаловъ. Эти папуасы еще не знали искусства добывать огонь; когда угли угасали въ одномъ домѣ, приходилось итти занимать огонь у сосѣда; точно такъ же горячими угольями одолжалась одна деревня у другой. Старики разсказываютъ, что въ мало отдаленную эпоху огонь былъ неизвѣстенъ совершенно: мясо ѣли сырымъ. Но большая часть побережныхъ жителей, которыхъ посѣщали различные путешественники, издавна имѣетъ гораздо болѣе развитую культуру. Тогда какъ нѣкоторыя племена знаютъ лишь охоту, рыбную ловлю и сборъ дикорастущихъ плодовъ, другія умѣютъ обрабатывать почву и расчищаютъ обширныя поляны въ лѣсу. Они садятъ саговыя деревья, окружаютъ свои хижины бананами, сѣютъ маисъ, таро, табакъ и даже вывозятъ свои земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ на европейскіе товары оружіе и инструменты изъ желѣза. Всѣ жилища папуасовъ, и даже тѣ изъ нихъ, которыя возводятся внутри страны, построены на сваяхъ по образцу островныхъ деревень, окружаемыхъ водой при каждомъ приливѣ. Эти группы хижинъ, издали похожія на выступившій изъ воды рифъ странной формы, представляютъ подобіе тѣхъ свайныхъ городовъ, которые существовали въ Европѣ три или четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Неровныя сваи, глубоко вколоченныя въ илистое дно бухтъ, поддерживаютъ помосты изъ переплетающихся лianъ и бревенъ, болѣе или менѣе сглаженныхъ при помощи каменныхъ орудій; въ центрѣ такого убѣжища на слоѣ глины находится очагъ. Вокругъ дома имѣется

Свайная деревня на сѣверномъ берегу Новой Гвинеи.

небольшая веранда, на которой играютъ дѣти и располагаются рыболовы. Жерди, по которымъ безбоязненно ходятъ туземцы, соединяютъ дома. Подъ хижинами плаваютъ крокодилы, питаясь кухонными отбросами, а нынѣ европейскіе пароходы бороздятъ улицы и бросаютъ якорь предъ общиннымъ домомъ, который одновременно служитъ и храмомъ, и гостинницей, и биржей, и рынкомъ. Въ деревняхъ внутри страны папуасы сохранили тотъ же образецъ постройки, что и на берегахъ.

Какъ скульпторы и чеканщики, папуасы стоятъ выше большей части малайскихъ націй. Располагая для своихъ художественныхъ работъ лишь бамбукомъ, костями, листьями банановыхъ деревьевъ, лубомъ и деревомъ, они только рисуютъ и гравируютъ по направленію волокна, т.-е. по прямымъ линіямъ; тѣмъ не менѣе, и съ этими первобытными средствами они умѣютъ производить украшенія очень изящныя и оригинальныя, высѣкаютъ колоссальныя статуи, представляющія знаменитыхъ главарей и предковъ; они изображаютъ даже большія сцены, имѣютъ свои лѣтописи, нарисованныя на листьяхъ и скалахъ.

Орудія, которыми выполнялись художественныя работы меланезійцевъ и полинезійцевъ до введенія желѣза, крайне просты. Каменный топоръ былъ единственнымъ орудіемъ для обтесыванія свай и брусьевъ и для рубки деревьевъ; топоромъ съ острой раковиной дѣлались болѣе крупные орнаменты, изваянія, деревянныя блюда и т. д. Раковинами и зубами крысъ, вставленными въ твердое дерево, производились рѣзныя работы; для высверливанія употреблялись раковины, шипы морского ежа или ската, мелкіе кораллы и пемза. Желѣзо вызвало повсюду одинаковый переворотъ. Какъ опытные мастера, островитяне тотчасъ же оцѣнили преимущества желѣзныхъ инструментовъ.

ляется на нижнюю часть уже готоваго горшка, послѣ чего руками и маленькой плоской палочкой ей придается форма полушарія. Въ горшкахъ такой формы обыкновенно сохраняется пища. Если же желательно получить шарообразный горшокъ, то двѣ подобныя чаши, еще мягкія, ставятся другъ на друга такъ, что онѣ соприкасаются краями, и щель между краями заглаживается деревянной лопаточкой до тѣхъ поръ, пока оба полушарія не сольются совершенно; затѣмъ дѣлается отверстіе наверху, а ободокъ лѣпится изъ извлеченнаго матеріала. Діаметръ этого отверстія мѣняется въ зависимости отъ предметовъ, для которыхъ предназначается сосудъ; отверстіе дѣлается гораздо больше, если сосудъ предназначается для варки, чѣмъ въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду сохранять въ немъ только воду. Послѣ полученія требуемой формы вокругъ горшковъ раскладывается костеръ изъ травы и хвороста; когда горшокъ достаточно обожженъ, его покрываютъ глазурью.

Ново-гвинейскій храмъ.

Въ деревняхъ, расположенныхъ поблизости отъ Берлингафена, всегда бросаются въ глаза одинъ или два дома, служащіе храмомъ. Храмы эти носятъ названіе каровара. Они не отличаются отъ другихъ строеній ни своей величиною, ни своимъ видомъ, но стоятъ всегда одиноко, поодаль отъ другихъ и въ красивой мѣстности.

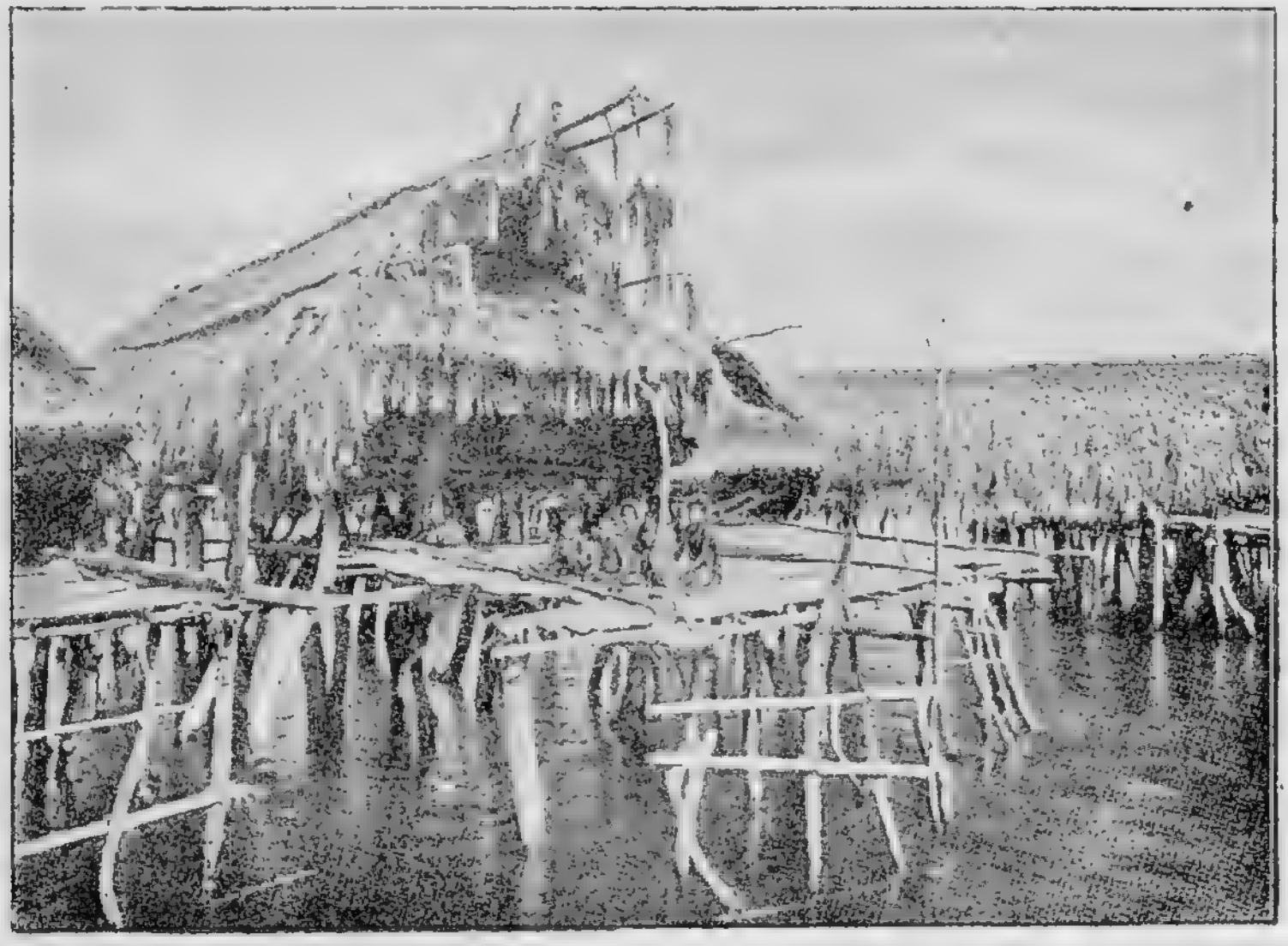
Одинъ изъ самыхъ красивыхъ каровара находится на маленькомъ островѣ Ангіелѣ. Онъ не больше другихъ домовъ и стоитъ на сваяхъ, какъ и всѣ остальные. Короткая, толстая свая, по зарубкамъ которой можно войти во внутрь храма, обыкновенно отодвинута въ сторону и ставится на мѣсто лишь въ слу-

чаѣ надобности. Лѣстница ведетъ въ узкій проходъ, куда можно проникнуть спереди и съ боковъ. Съ галлереи и съ пола этого прохода свѣшиваются пальмовыя волокна, такъ что стѣны остаются до половины прикрыты ими, и можно видѣть только часть широкихъ четырехугольныхъ досокъ, напоминающихъ наши вывѣски; на нихъ нарисованы красками всевозможные узоры, состоящіе изъ переплетающихся между собою линій, которыя вымазаны жженой известкой. Мѣстами на красномъ фонѣ можно замѣтить выпуклыя черныя кольца.

Крыша зданія сдѣлана изъ прочныхъ листьевъ саговой пальмы. Она оканчивается своеобразными остріями въ видѣ роговъ и всегда направлена спереди назадъ, а не поперекъ зданія. Подъ крышей вѣшаютъ деревянныя фигурки, изображающія рыбъ, птицъ и людей. Крыши съ остріями отличаютъ храмы отъ другихъ домовъ, которые имѣютъ ихъ очень рѣдко.

Въ каровара можно входить только одному человѣку и то не ежедневно и въ такое время, когда въ деревнѣ все успокоилось, и жители разошлись на работу. Человѣкъ является въ храмъ съ большой чѣмъ-то наполненной корзиной изъ пальмовыхъ листьевъ, и чрезъ нѣсколько времени выходитъ изъ него, унося съ собой что-то, и каровара снова на нѣсколько дней стоитъ одиноко. Трудно узнать, что тамъ дѣлается. Правда, туземцы не скрываютъ этого и даже говорятъ объ этомъ охотно; но при этомъ они употребляютъ какія-то непонятныя слова, которыя служатъ у нихъ выраженіемъ отвлеченныхъ понятій. Все происходящее въ храмѣ долгое время оставалось для меня тайной. Наконецъ я познакомился съ однимъ купцомъ, жившимъ въ этихъ мѣстахъ уже два года, и онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ было дѣло. Подружившись съ

тѣмъ человѣкомъ, который имѣлъ право ходить въ каровара, купецъ попросилъ взять его съ собой. То, что онъ увидѣлъ, не было такъ страшно, какъ онъ того ожидалъ: тутъ не было остатковъ какихъ-нибудь каннибальскихъ пиршествъ; вдоль стѣнъ стояли или висѣли выкрашенныя въ красный цвѣтъ маленькія и



Свайная постройка на Новой Гвинеѣ.

большія фигурки животныхъ, людей и т. под. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли, прислонившись къ пустымъ орѣховымъ скорлупамъ.

Туземецъ не бросился предъ ними на землю и не требовалъ отъ своего спутника исполненія какихъ-либо церемоній или отвѣшиванія поклоновъ. Напротивъ, онъ какъ бы снисходилъ къ идоламъ, взялъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ положилъ

предѣ ними бананы, ямсъ, таро, саго и другія кушанья и клалъ ихъ въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ количествѣ въ зависимости отъ величины и потребностей каждаго. Тѣ, чьи плоды были уже испорчены, получали свѣжіе. При этомъ туземецъ былъ чрезвычайно несправедливъ. Одному онъ давалъ много, другому мало. Не мало было и такихъ, которыхъ онъ заставлялъ голодать чрезвычайно долго; послѣдніе не были даже разставлены, а лежали всѣ въ одной кучѣ, и купецъ могъ взять безпрепятственно нѣсколько изъ нихъ. Очевидно, туземецъ цѣнилъ дружбу купца больше своихъ боговъ; онъ даже позволилъ ему выбрать и взять съ собой нѣсколько штучекъ изъ числа тѣхъ, которыя были разставлены и пользовались почетомъ.

Ново-гвинейская могила.

Папуасы вѣрятъ въ загробную жизнь, хотя понимаютъ ее не такъ, какъ христіане. Умершіе остаются на своихъ островахъ и продолжаютъ свой прежній образъ жизни: ловятъ рыбу и охотятся. При этомъ они пользуются оружіемъ и орудіями, которыми пользовались при жизни и которыя стоятъ прислоненныя къ ихъ могилѣ. Орудія остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не погибнутъ отъ времени, послѣ чего умершіе въ нихъ больше не нуждаются. Плодовъ культурныхъ растеній умершій не можетъ себѣ доставать, такъ какъ заставлять его работать было бы недостойно; и потому родственники должны позаботиться о томъ, чтобы на могилѣ были всегда свѣжіе плоды. Честные туземцы не могутъ допустить мысли, чтобы умершій когда-либо похитилъ пищу у своего сосѣда.

Папуасы хоронятъ своихъ покойниковъ поблизости отъ ихъ домовъ. По угламъ приготовленной ямы ста-

вятъ четыре деревянныхъ расщепленныхъ шеста; въ яму кладутъ покойника и наполняютъ ее толстымъ слоемъ бѣлаго песку, принесеннаго съ берега моря. Затѣмъ въ концы двухъ противоположныхъ расщепленныхъ шестовъ вставляютъ поперечную вѣтку, а на нее кладутъ нѣсколько тонкихъ шестовъ и метательное копье. Вся могила украшается прекрасными бѣлыми перьями какаду, при чемъ листья кокосовой пальмы торчатъ въ видѣ бахромы, послѣ чего кушанья ставятся на самую середину. Красиво расписанное весло покойнаго втыкается въ землю у его ногъ; у изголовья вѣшаютъ рыболовную сѣть, корзинку, сплетенную изъ листьевъ, которую ежедневно наполняютъ сладкими бананами, клубнями ямса и таро, и необходимую утварь. Даже его ножъ и инструментъ для выскабливанья кокосовыхъ орѣховъ не забыты. Ушедшій въ вѣчность не прекратилъ существованія, онъ началъ новую жизнь; онъ выходитъ теперь только ночью—время, всегда предпочитаемое духами—и занимается охотою, рыбною ловлею или просто бродитъ по лѣсу. Дома онъ остается только тогда, когда онъ въ дурномъ расположеніи духа. Тогда онъ ищетъ въ окрестностяхъ могилы чего-нибудь съѣдобнаго. Поэтому надо позаботиться о пищѣ, иначе покойникъ легко разсердится. Чтобы ему не трудно было выходить изъ могилы, тѣло зарываютъ на глубинѣ всего полуметра: какъ только покойникъ этого захочетъ, онъ съ легкостью можетъ выбраться изъ-подъ мелкаго песку и находитъ при этомъ всѣ нужныя ему принадлежности, свой лукъ и стрѣлы, воткнутыя въ землю тупыми концами.

Прикасаться ко всѣмъ вещамъ, лежащимъ на могилѣ, а тѣмъ болѣе брать ихъ, опасно и для европейца. Ибо, хотя европеецъ ничего не боится, а отъ

ружья его бѣгутъ даже духи, но послѣдніе могли бы наброситься на его семью или сосѣдей и жестоко отомстить имъ за обиду.

Новая Каледонія.

Мы покинули Аукландъ и отправились въ Новую Каледонію, большой островъ, принадлежащій Франціи и лежащій въ 700 миляхъ отъ восточнаго побережья Австраліи. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, становилось все жарче. Мы въѣхали въ тропическое море. Мы проѣхали мимо острововъ Норфолька и мимо атолловъ, поросшихъ кокосовыми пальмами. Приближаясь къ Новой Каледоніи, пароходъ нашъ замедлилъ ходъ, чтобы не наткнуться на многочисленные коралловые утесы и рифы, окружающіе островъ почти со всѣхъ сторонъ.

Рифы отстоятъ на нѣсколько миль отъ берега и многіе изъ нихъ не достигаютъ поверхности воды. Капитанъ смотритъ на карту почти ежеминутно и почти совершенно останавливаетъ машину въ тотъ моментъ, когда мы входимъ въ проходъ рифа, ведущій въ прекрасную гавань Нумеа, столицу Новой Каледоніи.

Нумеа стоитъ на западномъ берегу острова, около самаго моря, и позади его высятся большія горы. Маленькіе домики города сдѣланы изъ дерева и крыты желѣзными крышами; многіе изъ нихъ имѣютъ широкія ворота и защищены отъ солнца пальмами и другими тропическими растеніями.

Французскіе офицеры входятъ на нашъ корабль и осматриваютъ его, прежде чѣмъ позволить намъ выйти на берегъ.

Новая Каледонія служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ, и потому за всѣми прибывающими уставленъ строгій надзоръ. Воры и другіе преступники высылаются сюда изъ Франціи; ихъ заставляютъ работать подъ надзоромъ солдатъ, и островъ находится подъ управленіемъ военныхъ властей. Самые тяжкіе преступники посылаются на островъ Пайнъ (Jsle of Pines), маленькій коралловый островокъ посреди океана въ тридцати миляхъ къ югу отъ Новой Каледоніи. Остальные преступники размѣщены по разнымъ мѣстамъ Новой Каледоніи; нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ исправительныхъ заведеніяхъ, но большинство работаетъ въ фермахъ или домахъ. Многіе изъ преступниковъ, если они прилежны и ведутъ себя хорошо, получаютъ право имѣть собственныя фермы, и нѣкоторые изъ нихъ остаются на островѣ и послѣ того, какъ отбудутъ срокъ наказанія.

Мы пробыли нѣкоторое время въ Нумеа, обучаясь французскому языку и размѣнивая наши деньги на франки и су. Мы купили нѣсколько образцовъ своеобразнаго оружія, употребляемаго туземцами, и наслаждались бананами, ананасами, апельсинами и кокосовыми орѣхами, которые стоили такъ дешево, что за нѣсколько су можно было имѣть ихъ сколько угодно.

Мы зашли къ губернатору и съ его помощью совершили небольшое путешествіе внутрь острова и могли наблюдать за туземцами многихъ деревень. Мы убѣдились на опытѣ, что Новая Каледонія—большой островъ.

Въ Нумеа живутъ нѣсколько туземныхъ племенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ папуасской расы. Папуасы населяютъ Новую Гвинею и многіе изъ небольшихъ тихоокеанскихъ острововъ. Они значительно отличаются

отъ австралійцевъ и совершенно не похожи на малайцевъ. У нихъ темный цвѣтъ кожи, вьющіеся волосы и черты лица, напоминающія больше негра, чѣмъ человѣка кавказской расы. На нихъ почти нѣтъ одежды, нѣкоторые ходятъ почти голыми.

Различныя папуасскія племена отличаются другъ отъ друга какъ по внѣшнему виду, такъ и по обычаямъ. Здѣсь, въ Каледоніи, они не ссорятся другъ съ другомъ и очень гостепріимны, но часто воюютъ со своими сосѣдями. Каждое племя имѣетъ своего вождя который всѣми повелѣваетъ и предводительствуетъ на войнѣ. Деревни состоятъ изъ круглыхъ домовъ съ конусообразными крышами. Дома строятся изъ дерева и кроются крышами изъ травы или листьевъ. Двери узки, печей нѣтъ, такъ что дымъ ѣстъ глаза и причиняетъ жгучую боль. Мы спросили одного изъ вождей отчего у нихъ нѣтъ печей, и онъ отвѣтилъ намъ, что дымъ не приноситъ вреда и уничтожаетъ москитовъ.

Мы узнали, что на островѣ растутъ прекрасныя деревья, въ томъ числѣ каури и другія хвойныя деревья, которыя мы видѣли въ Новой Зеландіи. Недалеко отъ берега, въ горахъ, существуютъ копи, гдѣ добываютъ уголь, желѣзо, мѣдь, а также никкель и кобальтъ. Въ низменныхъ частяхъ острова французы устроили плантаціи сахарнаго тростника, табаку и кофе; рисъ и хлѣбные злаки также разводятся французами. Французы живутъ въ маленькихъ одноэтажныхъ деревянныхъ домикахъ, крытыхъ желѣзомъ. Они имѣютъ обширныя пастбища, прекрасный рогатый скотъ и овецъ. Климатъ на островѣ здоровый, и, не будь онъ мѣстомъ ссылки, на немъ было бы пріятно поселиться навсегда.

Земля императора Вильгельма, архипелагъ Бисмарка.

По мѣрѣ того, какъ мы ѣдемъ отъ одного острова къ другому, мы убѣждаемся, что большинство сколько-нибудь значительныхъ архипелаговъ Тихаго океана, исключая японскихъ острововъ, принадлежатъ или Соединеннымъ Штатамъ, или какой-нибудь изъ европейскихъ націй.

Все время приходится ѣхать среди коралловыхъ морей. Надъ нашимъ кораблемъ пролетаетъ много чаекъ-рыболововъ, а надъ волнами отъ времени до времени стремительно проносятся летучія рыбы. Поблизости отъ атолловъ плаваютъ акулы, и большія черепахи всплываютъ на поверхность воды. Мы ѣдемъ мимо многихъ низкихъ острововъ, поросшихъ кокосовыми пальмами. Коралловые рифы тянутся вдоль береговъ земли имп. Вильгельма, а также вдоль Новой Помераніи и другихъ острововъ архипелага Бисмарка.

Мѣстомъ нашей первой остановки былъ Стефансортъ, резиденція нѣмецкихъ властей Новой Гвинеи, расположенная на сѣверномъ концѣ залива Астролябіи (Astrolabe Bay). Въ гавани стоитъ пароходъ, который нагружаютъ жемчужными раковинами, кофе и хлопчатой бумагой съ тѣмъ, чтобы отправить все это въ Гамбургъ. Нѣмцы-чиновники приходятъ на нашъ корабль, и, высадившись, мы замѣчаемъ, что почти все бѣлое населеніе состоитъ изъ нѣмцевъ. Городъ, однако, невеликъ и населенъ, главнымъ образомъ, чиновниками и людьми, занимающимися торговлей или завѣдующими плантаціями кофе, хлопчатника, резиновыхъ деревьевъ или кокосовыхъ пальмъ, которыя можно найти вдоль берега моря. Нѣкоторые изъ нихъ заинтересованы въ

дѣлѣ добычи золота; золотые пріиски находятся въ горахъ Бисмарка, высочайшія вершины которыхъ видѣются далеко на югѣ.

Здѣшніе туземцы очень похожи на тѣхъ папуасовъ, которыхъ мы видали раньше, только они выглядятъ еще большими дикарями и менѣе трудолюбивы. Плантаторы разсказываютъ намъ, что имъ приходится зазывать рабочихъ съ другихъ острововъ, иначе было бы некому обрабатывать кофейныя и хлопчатобумажныя плантаціи.

Отъ земли имп. Вильгельма до архипелага Бисмарка мы ѣдемъ безъ остановокъ. Мы выходимъ на берегъ Новой Помераніи и устраиваемъ здѣсь нашу главную квартиру, а сами ѣдемъ на близлежащіе острова. Подобно Новой Гвинеѣ и другимъ островамъ этихъ мѣстъ, архипелагъ Бисмарка вулканическаго происхожденія. Въ Новой Помераніи есть дѣйствующіе вулканы, и отъ времени до времени слышится подземный гулъ, такъ что никогда нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Въ 1878 г. въ одномъ изъ заливовъ неожиданно изъ воды показался вулканъ, а черезъ десять лѣтъ послѣ этого вулканическій островъ былъ какъ бы проглоченъ моремъ, при чемъ во время землетрясенія образовалась такая большая волна, что она погубила двухъ нѣмецкихъ изслѣдователей, бывшихъ въ то время на западномъ берегу Новой Помераніи. Туземцы этихъ острововъ—тоже папуасы. Они похожи на папуасовъ Новой Гвинеи, но превосходятъ ихъ въ дикости.

Покинувъ Новую Помералію, мы отправились на Соломоновы острова, лежащіе къ юго-востоку отъ архипелага Бисмарка. Часть ихъ принадлежитъ нѣмцамъ, часть англичанамъ. Самый большой островъ этого архипелага — Бугинвиль. На немъ есть два дѣй-

Гуземецъ Гебридскихъ острововъ.

ствующихъ вулкана и одна гора, имѣющая больше двухъ миль въ вышину. Острова покрыты чуднымъ лѣсомъ, который состоитъ изъ древовидныхъ папоротниковъ, достигающихъ 40 футовъ въ вышину, изъ различнаго рода пальмъ, банановъ, а также лѣсовъ изъ сандальнаго дерева.

Здѣшніе туземцы нѣсколько ниже туземцевъ Новой Гвинеи. Они также папуасы; кожа ихъ темно-коричневаго цвѣта. Многіе изъ нихъ ходятъ голыми: носятъ только бусы и поясъ; у нѣкоторыхъ въ носу продернуты палочки, а въ уши вдѣты кольца. Волосы они причесываютъ очень странно; иногда мужчины придаютъ имъ форму конуса, который стоитъ на макушкѣ головы; они красятъ свои волосы въ красный или свѣтло-коричневый цвѣтъ, съ помощью глины или другихъ веществъ.

Нѣкоторыя племена занимаются охотою, а въ горахъ есть люди, охотящіеся за человѣческими головами. Тотъ, кто во время этихъ поисковъ совершаетъ наибольшее количество убійствъ, считается самымъ храбрымъ и достойнымъ.

Нѣкоторые изъ жителей Соломоновыхъ острововъ имѣютъ фермы и сажаютъ бананы, земляныя груши, таро и другіе овощи. Таро употребляется въ пищу почти на всѣхъ островахъ Южнаго моря. Онъ цѣнится, главнымъ образомъ, изъ-за подземнаго клубня, который напоминаетъ намъ сладкій картофель или ямсъ; его варятъ; кипятятъ или поджариваютъ; изъ него дѣлаютъ также пудинги и лепешки, а на островахъ Гаваи его прибавляютъ въ маисовую кашу.

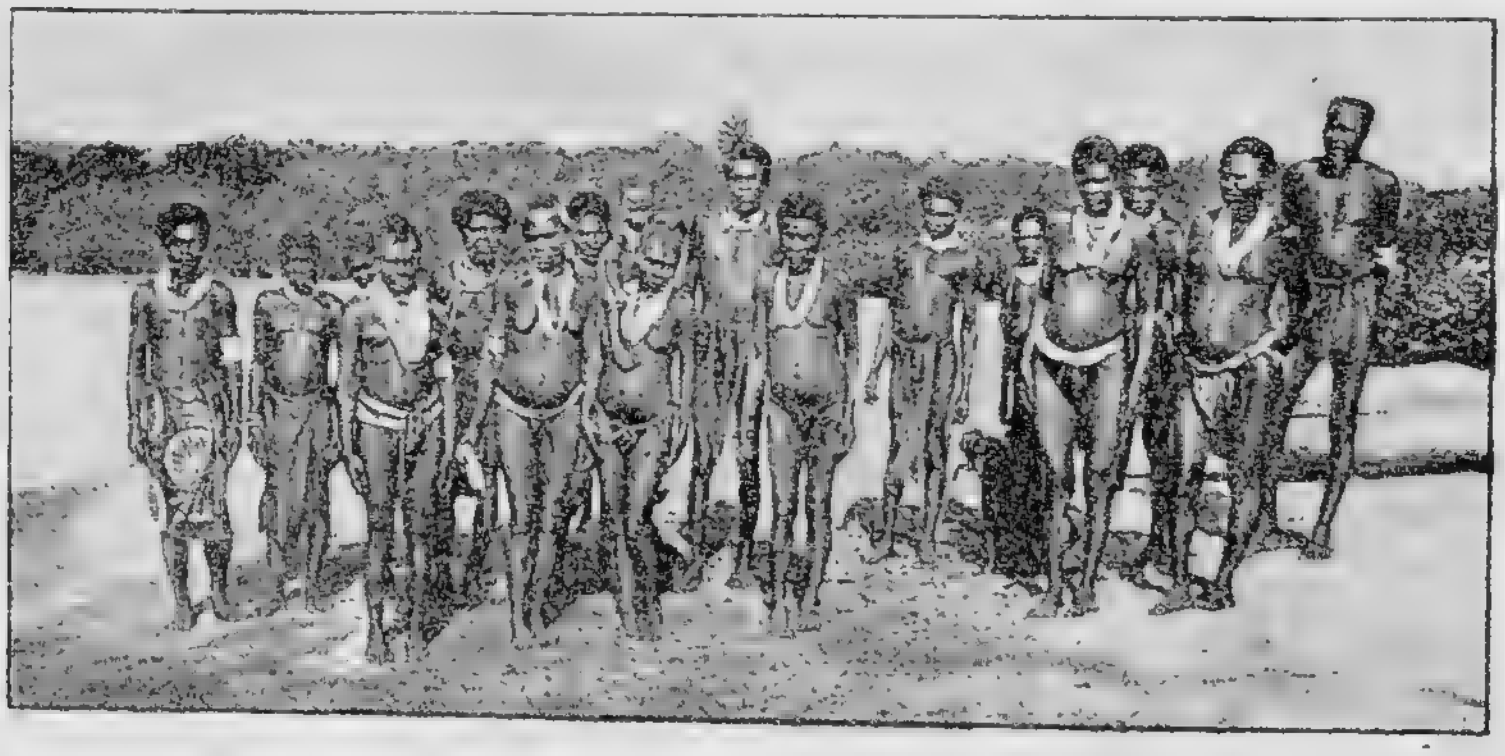
Всѣ эти люди—хорошіе рыбаки и, подобно другимъ туземцамъ острововъ этой части свѣта, ныряютъ за жемчугомъ и раковинами и продаютъ ихъ собственникамъ судовъ, которые перепродаютъ ихъ другимъ.

стѣнъ лежали рядами небольшія кучи камней для того, чтобы отражать нападенія. Когда проносится слухъ о готовящемся набѣгѣ враговъ, жители спасаются въ свою оригинальную крѣпость и, поднявъ за собою лѣстницу, могутъ не бояться враговъ. Если нападающіе приблизятся съ тѣмъ, чтобы срубить дерево (работа нелегкая, такъ какъ стволъ дерева твердъ, какъ желѣзо), осажденные осыпаютъ ихъ сверху камнями, и, разъ враги не имѣютъ ружей, можно съ увѣренностью сказать, что крѣпость неприступна.

У людоѣдовъ.

Туземцы Ново-Гебридскихъ острововъ такъ тщательно скрываютъ свои жилища въ непроницаемой чащѣ кустарниковъ, что они совершенно не видны.

Пройдя нѣсколько времени среди густой растительности, я замѣтилъ крышу изъ листьевъ. Я пошелъ дальше и наткнулся на цѣлую деревню, разбросанную подъ деревьями; но она была пуста. Наше приближеніе не ускользнуло отъ вниманія жителей и они убѣ-



Туземцы Гебридскихъ острововъ.

жали. Мы были застигнуты сильнымъ ливнемъ и страдали отъ голода. Отправившись рано утромъ, я не разсчитывалъ заходить такъ далеко и не взялъ съ собой никакой провизіи. Я выбралъ домъ, который выглядѣлъ лучше другихъ, и вошелъ туда со своими двумя матросами. Тамъ мы были защищены отъ дождя. Домъ былъ просторный и высокій. Длинныя вѣтки, положенныя на чурбаны, составляли кровати и скамейки. На одномъ обрубкѣ, который служилъ столомъ, были поставлены горшки, а въ углахъ стояли сосуды изъ бамбука, при помощи которыхъ женщины черпаютъ воду. Я заглядывалъ повсюду, чтобы найти съѣстные припасы, которые, конечно, были гдѣ-нибудь спрятаны; но я нигдѣ не нашелъ ничего съѣдобнаго.

Осмотрѣвши съ тѣмъ же успѣхомъ еще нѣсколько домовъ, мы приготовились къ печальной необходимости голодать до нашего возвращенія на яхту. Вдругъ появился одинъ туземецъ. Онъ дрожалъ отъ волненія и сгибался съ такой покорностью, что казался идущимъ на четверенькахъ.

— Всѣ мужчины ушли,— сказалъ онъ намъ на своемъ смѣшанномъ языкѣ.— Они очень боятся бѣлыхъ людей. Я — черный человѣкъ, но не боюсь бѣлыхъ.

Но его дрожащія руки и ноги, вздрагивающія конвульсивными движеніями, изобличали другое. Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ оправился отъ своего страха. Онъ намъ разсказалъ, что знаетъ бѣлыхъ и что онъ былъ рабомъ въ Квинслендѣ. Сдѣлавъ знакъ, чтобы онъ приблизился, я сказалъ ему на томъ же смѣшанномъ языкѣ, что мы голодны и просимъ его принести намъ кокосовыхъ орѣховъ, банановъ и таро.

— Поди, найди твоихъ товарищей,— прибавилъ я.— Имъ нечего бояться. Мы имъ не сдѣлаемъ ничего

дурного. Ты хорошо знаешь, что бѣлые не ѣдятъ людей. Мы не съ военнаго корабля, а пришли сюда, чтобы завязать съ вами мѣновую торговлю.

Туземецъ ушелъ; ожидая его, я продолжалъ обыскивать дома. Я пришелъ, наконецъ, къ хижинѣ, гдѣ замѣтилъ маленькія кучки земли, которыя мнѣ показались хорошимъ признакомъ. Издали я почувствовалъ запахъ кухни.

— Мы будемъ имѣть завтракъ, — сказалъ я своимъ людямъ.

Со мной была сабля, съ которой я не разставался путешествуя по островамъ. Ея кончикомъ я раскопалъ одинъ изъ земляныхъ холмиковъ. Подъ землею находился пакетъ изъ листьевъ; я разворачиваю его и нахожу ямсъ, таро, между которыми былъ другой пакетъ жирныхъ листьевъ. Это и было то жаркое, запахъ котораго меня привлекъ. Я снимаю листья и нахожу... человѣческую ногу!.. Ужасъ и отвращеніе потрясло меня.

Въ эту минуту возвратился туземецъ и сообщилъ намъ, что его соплеменники сейчасъ придутъ.

— Что тамъ внутри?—спросилъ я, показывая на маленькія кучки.

— Ямсъ и свинина,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—сегодня вечеромъ былъ бы большой праздникъ, если бы вы не пришли.

— Свинина! Ну и странная же твоя свинья; смотри на эту ногу. Я открываю другой пакетъ и оттуда показывается рука. Я разрываю землю третьей кучи, и показалась голова человѣка.—А! вотъ и свиная голова, не правда ли?—спросилъ я бѣднаго смущеннаго туземца, который опять началъ дрожать. Я вернулся къ своимъ матросамъ. Никто изъ насъ не рѣшился утолить голода

такими блюдами. Утомленные и измученные возвратились мы на яхту, гдѣ о насъ очень безпокоились, думая, что мы уже убиты.

Острова Фиджи.

Англичане—великая колонизаторская нація. Владѣнія ихъ въ Европѣ очень невелики; но путемъ открытій, завоеваній и мирныхъ присоединеній они пріобрѣли земли во всѣхъ частяхъ земного шара, включая сюда и острова Тихаго океана. Уже по дорогѣ въ Новую Гвинею мы проѣзжали мимо коралловыхъ острововъ, принадлежащихъ имъ, и говорили, что англійскій флагъ развивается надъ южною половиною Соломоновыхъ острововъ. Имъ же принадлежатъ острова Жильберта и Эллиса, состоящіе изъ атолловъ, къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Новой Гвинеи, островъ Фаннингъ къ югу отъ Гаван, извѣстный своимъ гуано, острова Кука, острова Тонга, лежащіе недалеко отъ Фиджи, и много отдѣльныхъ островковъ, разсыпанныхъ въ разныхъ частяхъ океана.

Всѣ эти владѣнія находятся подъ управленіемъ губернатора острововъ Фиджи. Онъ назначается на свою должность англійскимъ королемъ и живетъ въ городѣ Сува на островѣ Вити-Леву или на «Большомъ Фиджи», самомъ большомъ островѣ этой группы. Многіе изъ острововъ управляются своими мѣстными вождями, подъ руководствомъ англійскихъ властей. Жители острова Тонга имѣютъ своего короля и свое законодательное собраніе, половина членовъ котораго выбирается населеніемъ, несмотря на то, что острова находятся подъ покровительствомъ Англіи.

Изъ всѣхъ названныхъ мелкихъ англійскихъ острововъ наибольшее значеніе имѣютъ острова Фиджи. Они лежатъ приблизительно на 1.200 миль къ сѣверу отъ Новой Зеландіи. Это вулканическіе острова, круто поднимающіеся изъ океана и окруженные береговыми коралловыми рифами; это вершины горъ, украшенныя коралловыми бусами.

Въ этой группѣ больше двухсотъ острововъ. Только 80 изъ этихъ острововъ населены людьми, и то нѣкоторые изъ нихъ настолько малы, что на каждомъ всего по одной деревнѣ. Большая часть населенія живетъ въ Вити-Леву и Вануа-Леву.

Видъ коралловаго острова издали.

Нашъ переѣздъ съ Соломоновыхъ острововъ на Фиджи продолжится нѣсколько дней; но море спокойно, и мы успѣемъ собрать свѣдѣнія о томъ, что намъ предстоитъ видѣть. Острова Фиджи были открыты голландцами въ 1643 г., но не были изслѣдованы основательно до 1846 г., когда сюда пріѣхалъ капитанъ Карлъ Уилькъ, уроженецъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ это время и еще четыре года спустя жители были жестокими людоѣдами, которые считали человѣческое мясо самымъ лакомымъ блюдомъ. Отдѣльныя племена постоянно воевали другъ съ другомъ, и каждое изъ нихъ высылало лодки на сосѣдніе острова съ тѣмъ,

чтобы добыть плѣнныхъ для пиршества. На убоій предназначались рабы, которыхъ сначала откармливали, и только въ рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ могъ жертвовать жизнью своихъ родственниковъ и друзей.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась страна, когда въ нее проникли первые миссіонеры. Сначала положеніе ихъ было очень трудное, но обращеніе въ христіанство пошло довольно быстро, а когда крестился самъ король, христіанство приняли и всѣ остальные. Такимъ образомъ теперь почти все населеніе Фиджи—христіане. На этихъ островахъ больше 1.000 церквей, и туземцы охотно посѣщаютъ ихъ, а въ воскресныхъ школахъ обучаются около 33 тысячъ дѣтей. У фиджійцевъ есть свои собственные проповѣдники, и общій вечерній и утренній звонъ замѣняетъ у нихъ гимнъ, который у англичанъ поютъ во время семейной молитвы. Варварскіе обычаи совершенно исчезли и замѣнились культурными. Школъ основано очень много, и почти всѣ туземцы умѣютъ читать и писать. Многіе изъ нихъ имѣютъ фермы и могутъ быть причислены къ наиболѣе счастливымъ народамъ Тихаго океана.

На островахъ Фиджи живетъ теперь нѣсколько тысячъ англичанъ, а также большое количество индусовъ, которыхъ привезли сюда для работъ на плантаціяхъ. Фиджійцы не любятъ работать больше, чѣмъ нужно для поддержанія своего существованія, а въ странѣ хлѣбнаго дерева и банановъ можно работать очень мало.

Острова эти имѣютъ торговыя сношенія съ Новой Зеландіей и другими странами. Англичане воздѣлываютъ для вывоза сахаръ, табакъ, чай, рисъ и тропическіе плоды; они продаютъ также копру, или высушенную мякоть кокосоваго орѣха, жемчужныя раковины и трепанговъ.

Мы приближаемся къ Фиджи. На морѣ виднѣются многочисленныя зеленыя пятна. Вотъ острова уже близко: мы идемъ вдоль острова Вити-Леву. Берегъ уставленъ холмами, на которыхъ покоятся низкія тучи. Обратите вниманіе на свѣтло-зеленую полосу, отдѣляющую глубокую синеву открытаго океана отъ воды около берега. Здѣсь находятся коралловые рифы, и вода сравнительно мелкая. Городъ, виднѣющійся на берегу,—Бичъ, столица Фиджи. Дома его можно разглядѣть; они ютятся подъ кокосовыми пальмами, стоящими на берегу.

Мы входимъ въ гавань чрезъ воронкообразный проходъ. Нашъ пароходъ движется медленно, лавируя среди лодокъ туземцевъ, съ которыхъ то здѣсь, то тамъ раздаются выстрѣлы. Что за странныя лодки! Посмотрите на ту, которая находится вправо отъ нашего парохода. У нея трехугольный парусъ, сдѣланный изъ рогожи и подвижной палки; за лодкой плыветъ обрубокъ кокосовой пальмы, прикрѣпленный къ ней бамбукомъ такъ, чтобы лодка не могла опрокинуться.

Посмотрите на людей въ лодкѣ. У нихъ курчавые волосы и кожа коричневая; они высокаго роста и хорошо сложены. Какъ замѣтно сокращаются ихъ мускулы, когда они прокладываютъ себѣ дорогу въ водѣ! Это фиджійцы. Слушайте! Они привѣтствуютъ насъ, но шумъ на палубѣ такъ великъ, что мы не можемъ понять ихъ.

Мы уже въ гавани и подъѣзжаемъ къ пристани. Вокругъ насъ много маленькихъ и большихъ лодокъ, и мы бросаемъ якорь рядомъ съ нѣмецкими, англійскими и американскими пароходами, которые пріѣхали сюда съ торговыми цѣлями. Мы идемъ погулять по главной улицѣ Сувы, Viktoria Parade, дѣлаемъ визитъ губернатору и затѣмъ отправляемся въ гостиницу,

гдѣ послѣ долгаго путешествія по морю наслаждаемся обѣдомъ на сушѣ.

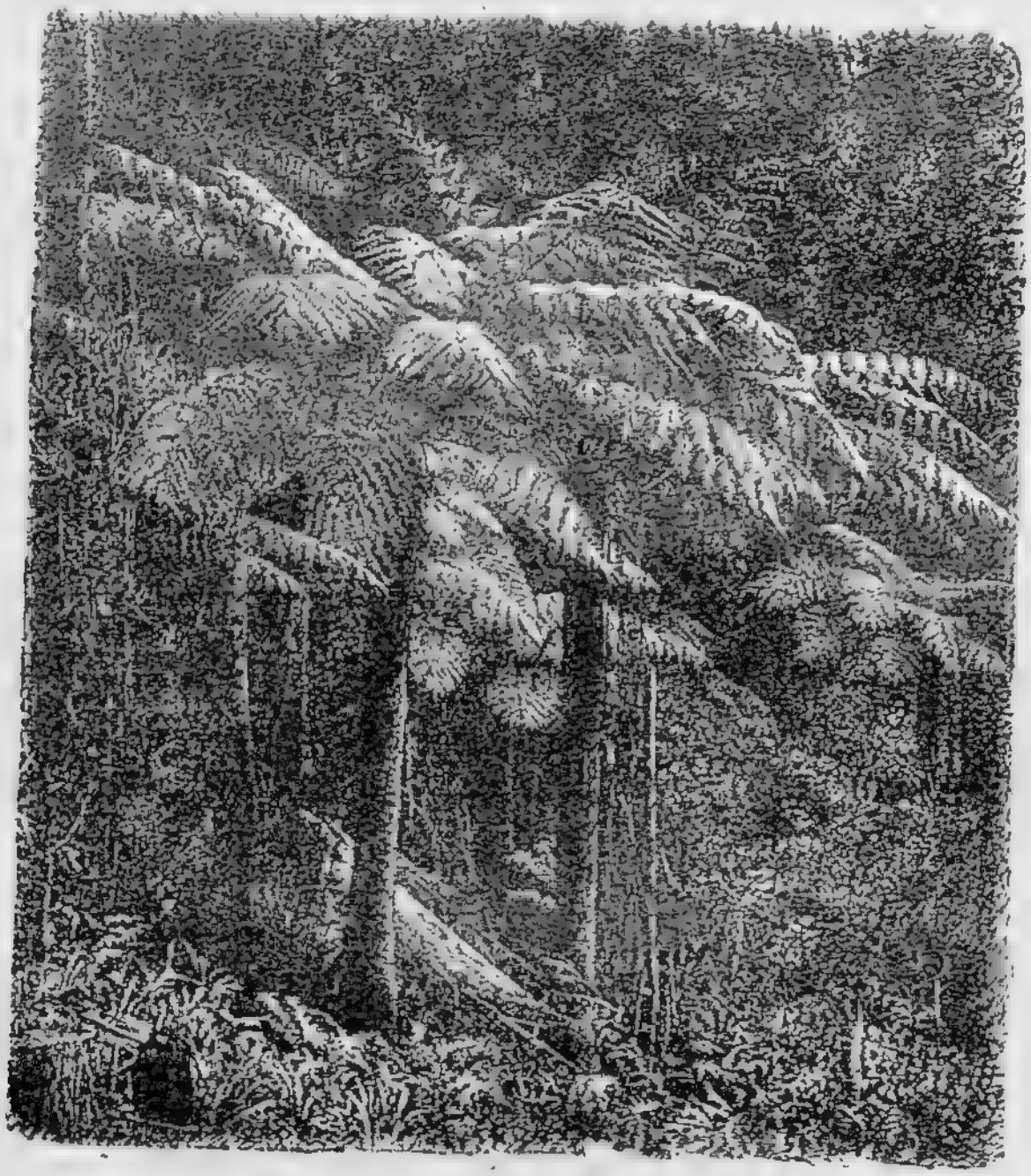
Въ Сувѣ и его окрестностяхъ много туземцевъ. Большинство изъ нихъ говорятъ по-англійски, и во время нашихъ путешествій по островамъ мы пользуемся многими изъ нихъ, какъ проводниками и переводчиками. Большею частью мы ѣдемъ верхомъ, такъ какъ почти вездѣ есть дороги для всадниковъ теперь можно путешествовать совершенно спокойно по этой когда-то каннибальской странѣ.

Мы ѣдемъ вдоль берега, гдѣ фиджійскія дѣвушки ловятъ рыбу на коралловыхъ рифахъ и приносятъ пойманную добычу на берегъ. Рыбы всевозможныхъ цвѣтовъ; нѣкоторыя изъ нихъ также великолѣпны, какъ тѣ птицы, которыхъ мы видѣли въ Новой Гвинеѣ. Есть рыбы зеленыя, розовыя, золотыя, серебряныя рыбы цвѣта сапфировъ и рубиновъ.

Моря этихъ мѣстъ богаты всевозможными животными. Въ коралловыхъ садахъ живутъ разнаго рода краббы. Тутъ много морскихъ звѣздъ и безчисленное множество морскихъ чудовищъ. Нѣкоторыя изъ коралловыхъ образованій напоминаютъ настоящіе сады,—настолько они богаты коралловыми кустарниками, отростками, развѣтвленіями и губками. Кораллы различныхъ цвѣтовъ: одни изъ нихъ розовые, другіе синіе. Мы собираемъ различные образцы, но они теряютъ свою красоту послѣ того, какъ высохнутъ.

Наши экскурсіи во внутрь острова еще болѣе интересны, чѣмъ прогулки вдоль берега. Мы проѣзжаемъ по лѣсамъ, гдѣ деревья защищаютъ насъ отъ тропическаго солнца, и отъ времени до времени останавливаемся, чтобы отдохнуть подъ большимъ папоротникомъ-зонтикомъ, для чего ложимся на папоротниковое же ложе. Папоротники Фиджи еще лучше

папоротниковъ Новой Зеландіи. Есть чудныя сосны и цвѣтущія деревья, на которыхъ мы видимъ красныхъ и зеленыхъ попугаевъ, выглядывающихъ изъ-за цвѣтовъ.



Папоротниковый лѣсъ.

Есть также ядовитыя деревья, какъ, напримѣръ, крапивное дерево, имѣющее глянцевитые листья съ красными и бѣлыми жилками. Если дотронуться до нихъ, они обжигаютъ такъ сильно, что боль продолжается нѣсколько дней. Кромѣ того, есть дерево, называемое «чесоткой» (itch plant), сокъ котораго похожъ на молоко; если этотъ сокъ попадетъ на кожу,

онъ причиняетъ большія страданія: все тѣло покрывается сыпью, отъ которой долгое время нельзя отдѣлаться.

Повсюду мы видимъ маленькія фермы, обрабатываемыя туземцами. Тутъ попадаются поля банановъ, сладкаго картофеля, таро и ямса, рису, сахарнаго тростника и индѣйской пшеницы. Многія поля расположены террасами, или ступенями, одна выше другой, и орошаются водою источниковъ при помощи бамбуковыхъ трубъ.

Мы наслаждаемся ананасами, принесенными для насъ съ поля, и только что сорванными бананами. Туземцы приглашаютъ насъ въ свои дома и часто просятъ насъ остаться у нихъ ночевать. Дома ихъ невелики, но построены прекрасно. Стѣны ихъ сдѣланы изъ тростника и крыты тяжелыми соломенными крышами, которыя поддерживаются четырьмя столбами, врытыми въ землю. Обыкновенно домъ состоитъ изъ одной комнаты и имѣетъ отверстіе въ передней стѣнѣ, которое завѣшано рогожею и служитъ дверью. Въ серединѣ комнаты—очагъ, т.-е. углубленіе въ полу съ подмостками надъ нимъ; сюда вѣшаютъ пищу, изъ которой собираются готовить обѣдъ. Пищу варятъ большею часть въ глиняныхъ горшкахъ. Печей не существуетъ, и дымъ окрашиваетъ все въ черный цвѣтъ. Кухонная посуда состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чашъ, кокосовыхъ орѣховъ и тыквенныхъ бутылокъ.

Въ хижинахъ почти никогда не бываетъ стульевъ. Члены семьи и друзья лежатъ на циновкахъ, положенныхъ сверхъ слоя мягкой травы. Эти же циновки служатъ имъ кроватями, при чемъ лучшими считаются тѣ изъ нихъ, которыя устроены на небольшихъ возвышеніяхъ въ углу комнаты; насъ считали почет-

ными гостями и потому уступали намъ эти лучшія кровати.

Сначала мы пробовали спать на фиджійскихъ подушкахъ. Это маленькіе обрубки бамбука, стоящіе на ножкахъ такой высоты, чтобы подпереть шею и слегка приподнять голову надъ поломъ; но онѣ такъ жестки, что шея совсѣмъ затекаетъ; поэтому теперь мы всегда свертываемъ свою одежду и кладемъ ее подъ голову.

На островахъ Фиджи очень жарко, и туземцы внутренней части острововъ ходятъ почти голые. Они скромны и очень внимательны въ обхожденіи другъ съ другомъ. Они чистоплотны; около дверей стоитъ всегда деревянная чаша съ водой, такъ что входящій въ хижину можетъ вымыть свои ноги и не пачкать бѣлыхъ цыновокъ. Посѣщая нашихъ друзей-туземцевъ, мы всегда снимаемъ сапоги, хотя они изъ вѣжливости протестуютъ противъ этого.

Мы имѣемъ всегда при себѣ разныя сласти, чтобы немного разнообразить нашъ столъ, состоящій у туземцевъ исключительно изъ ямса, таро, плодовъ хлѣбнаго дерева и банановъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ видѣ большой чести, насъ приглашали участвовать въ особомъ шествіѣ, за которымъ угощали жареной свининой. Свиней можно найти на всѣхъ островахъ Фиджи, мясо ихъ считается изысканнымъ блюдомъ. Свинью сначала убиваютъ и вынимаютъ внутренности. Затѣмъ ее жарятъ цѣликомъ, заполнивъ внутреннюю полость раскаленными докрасна камнями и положивъ свинью въ маленькую яму, выложенную еще болѣе горячими камнями; яма прикрывается сверху слоемъ травы и земли. Такимъ образомъ получается печь, которая ни въ чемъ не уступаетъ печи изъ желѣза или кирпича.

Ямсъ, таро и бананъ на островахъ Фиджи.

Жители о. Фиджи преимущественно земледѣльцы. Они извлекаютъ пользу изъ многихъ туземныхъ растеній и каждому изъ нихъ даютъ одно, а иногда и нѣсколько названій. Среди лѣса они умѣютъ удачно выбрать участки земли, пригодные для обработки. Наблюдая за окружающей природой, фиджійцы всегда знаютъ, когда настало время для разрыхленія почвы, для посадки или сбора жатвы. Главною пищею населенія служатъ: ямсъ, таро, бананы, плоды хлѣбнаго дерева, а затѣмъ уже рыба, дичь, свинина и разнаго рода овощи. Фиджійцы пьютъ воду и молоко кокосовыхъ орѣховъ. Въ случаѣ большой усталости или какого-нибудь праздника они пьютъ «агопу», или «каву».

Ямсъ составляетъ ихъ главную пищу. Существуютъ до двадцати различныхъ сортовъ этого растенія. Клубни нѣкоторыхъ сортовъ очень хороши, мучнисты и не имѣютъ волоконъ, такъ что напоминаютъ картофель. При этомъ они бываютъ весьма различны по вѣсу. Есть, напримѣръ, сорта, у которыхъ клубни вѣсятъ всего 2—3 фунта, у другихъ же вѣсъ ихъ

Корень ямса.

достигаетъ 100 фунтовъ. Фиджійцы говорятъ, что ямсъ родится всего лучше въ твердой, неразрыхленной почвѣ. Когда на участкѣ лѣса, предназначенномъ для ямса, деревья срублены, корни ихъ выкорчеваны, а трава сожжена, приступаютъ къ посадкѣ. Посадку пригоняютъ къ іюлю или августу, смотря по погодѣ. Въ этой работѣ участвуютъ всѣ. Изъ земли дѣлаютъ маленькія насыпи, отстоящія другъ отъ друга на 3 — 5 футовъ. Въ каждый холмикъ сажаютъ маленькій ямсъ или верхушку большого ямса. Стволъ ямса поддерживается воткнутымъ тростникомъ, по которому онъ взбирается. Тростникъ большею частью кладутъ горизонтально и поддерживаютъ его раздвоенными на концѣ палками, воткнутыми въ землю или въ холмики. Въ началѣ марта клубни уже созрѣли; это можно узнать по высохшему стволу. Выкопанные клубни кладутъ въ особые сараи, стоящіе тутъ же въ полѣ. Сараи дѣлаются изъ бамбука, а крыша, непроницаемая для воды,—изъ травы. Клубни лежатъ здѣсь нѣкоторое время, при чемъ ихъ переворачиваютъ то на одну, то на другую сторону. Затѣмъ молодые ростки очищаютъ отъ окружающихъ ихъ старыхъ стеблей, которые всѣ выбрасываются. Клубни употребляютъ въ пищу жареными и вареными.

Таро бываетъ также нѣсколькихъ сортовъ. Это растеніе требуетъ хорошаго орошенія. Фиджійцы потратили не мало труда на устроїство каналовъ, которые они проводятъ чрезъ пустыри и овраги, чтобы провести воду на свои плантаціи.

Таро сажаютъ иногда на склонахъ холмовъ. Въ такомъ случаѣ приходится дѣлать на нихъ террасы самой различной величины и укрѣплять спуски этихъ террасъ. Таро быстро истощаетъ землю, и послѣ сбора одной или двухъ жатвъ землѣ даютъ отдохнуть въ

Таро.

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Таро растетъ всего лучше въ тяжелой, твердой, глинистой почвѣ и достигаетъ полнаго развитія въ 10—12 мѣсяцевъ. Какъ только листья начинаютъ вянуть, клубни поспѣли. Вѣсъ клубней колеблется отъ 1 до 12 ф., средній вѣсъ ихъ, однако, 4—6 ф. Ихъ ѣдятъ вареными или поджаренными, въ нихъ много крахмала, и они очень питательны. Таро, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сладкими приправами, составляетъ главную составную часть туземнаго кушанья «вакалоло». Молодые листья отвариваютъ, и получаютъ очень вкусное блюдо. На Фиджи разводятъ до 18 различныхъ сортовъ таро. Они отличаются другъ отъ друга по размѣрамъ и цвѣту листьевъ. Нѣкоторые сорта очень красивы и могли бы служить украшеніемъ любой оранжереи. Туземцы различныхъ областей, то сухихъ, то сырыхъ или различныхъ по почвѣ, постоянно обмѣниваются верхушками клубней, употребляемыми для посадки. Фиджійцы знаютъ по опыту, что такой обмѣнъ очень полезенъ, такъ какъ урожай получается гораздо лучшій.

Фиджійцы умѣютъ выбрать почву, наиболѣе подходящую для таро. По сосѣдству съ избраннымъ участ-

комъ воздвигается временное жилище, въ которомъ туземцы поселяются вмѣстѣ съ семьями только на время очистки поля отъ деревьевъ и на время посадки. Какъ только посадка кончена, они возвращаются въ городъ и отъ времени до времени ходятъ на свое поле, чтобы выполоть сорныя травы. При этомъ богатымъ помогаютъ болѣе бѣдные, а бѣднымъ—ихъ жены, которыя впослѣдствіи перевозятъ таро и тростникъ съ поля домой. Выкапываніе клубней происходитъ слѣдующимъ образомъ. Люди вооружаются кирками и частыми ударами дѣлаютъ глубокую борозду вокругъ растенія, охватывая кругъ, имѣющій фута 2 въ діаметрѣ; затѣмъ употребляя тѣ же кирки, какъ рычаги, они выворачиваютъ комъ земли вмѣстѣ съ клубнемъ и отбрасываютъ его въ сторону. Тогда приходятъ мальчики и короткими палками разбиваютъ землю, а потомъ счищаютъ ее съ клубня руками.

Бананамъ принадлежитъ третье мѣсто послѣ ямса и таро. Особенно много разводятъ ихъ во внутренней части острова Вити-Леву, гдѣ гораздо меньше кокосовыхъ пальмъ, чѣмъ у жителей береговъ или маленькихъ острововъ. Но даже и тамъ бананы широко распространены и употребляются въ пищу жареными, пока они зелены, сырыми, когда они спѣлые; ихъ смѣшиваютъ также съ молокомъ кокосовыхъ орѣховъ и сокомъ сахарнаго тростника. Банановыя плантаціи можно встрѣтить вездѣ. Бананы сажаютъ по бокамъ дорогъ, чтобы они своею тѣнью защищали путника отъ солнца: такъ образуются аллеи, иногда въ нѣсколько миль длиною. Плоды этихъ банановъ считаются «табу», т.-е. неприкосновенными для путниковъ. Туземцы никогда не нарушаютъ этого «табу». Бананы сажаютъ рядами, при чемъ какъ между рядами, такъ и между отдѣльными деревьями оставляютъ промежутокъ въ 8

футовъ. Отпрыски, вырастающіе на старыхъ корневищахъ, употребляются для посадки, при чемъ листья предварительно отрѣзываются. Почва, въ которую собираются посадить молодое деревцо, тщательно разрыхляется на 2 фута въ глубину и имѣетъ площадь въ 3 фута въ діаметрѣ. Деревья приносятъ плоды на вто-

Банань.

рой или третій годъ послѣ посадки. Часто эти плантаціи устраиваются на поляхъ, гдѣ только что предъ тѣмъ собирали жатву ямса или таро. Послѣдній иногда сажаютъ вмѣстѣ съ бананами, листья которыхъ защищаютъ таро отъ зноя или, вѣрнѣе, почву отъ слишкомъ быстраго испаренія влаги. Листья банановъ часто употребляются вмѣсто подносовъ или скатертей и на нихъ подаютъ или ставятъ пищу; они же служатъ для

завертыванія разныхъ вещей. Въ послѣднемъ случаѣ среднюю жилку перерѣзаютъ у самаго листа, и листъ нѣсколько разъ пропускаютъ чрезъ огонь, чтобы онъ

Плоды бонана.

сталъ гибкимъ и болѣе прочнымъ. Послѣ этого листъ не такъ легко ломается. Листья таро употребляются иногда для той же цѣли. Стволъ банана даетъ почти такія же хорошія волокна, какъ манильская пенька, но туземцы не пользуются ими.

Оружіе меланезійцевъ.

Меланезійца рѣдко можно встрѣтить безъ оружія. Каждой группѣ острововъ свойственны особыя формы оружія, хотя основное оружіе—копье, лукъ и палицы повсюду одинаковы. Самымъ цѣннымъ является *копье*, формы котораго очень разнообразны. На Новой Каледоніи употребляется гладкое копье съ тщательно выглаженнымъ древкомъ. Нерѣдко присоединяются рѣзныя украшенія, ниже острія; древко обертывается бѣлой тапой или шерстью летучей мыши. Въ другихъ мѣстахъ копье обвивается простымъ лубомъ; къ нему привязывается ниточка изъ растительныхъ волоконъ и перья; для клинковъ копій употребляютъ камни, кости человѣческой руки и клювы птицъ. Неукрашенныя копья съ пилообразными зазубренными наконечниками предназначаются для охоты и рыбной ловли.

Любимымъ оружіемъ въ Меланезіи является *палица*. Это оружіе служитъ для нанесенія удара, для отраженія стрѣлъ и метательныхъ копій и вообще сопровождаетъ меланезійца при каждомъ выходѣ изъ дому. Этимъ объясняется и двойное значеніе палицы—какъ оружія и почетнаго знака.

Простая форма палицы—дубина, взятая отъ сука съ утолщеніемъ, встрѣчается на Новой Каледоніи. Палица украшается линейнымъ орнаментомъ, заостряется, зазубривается. Очень оригинальна палица въ видѣ птичьей головы. Рукоятка обвивается шнурками, пальмовыми листьями, а также листьями папоротника, самой разнообразной рѣзьбой и красивыми плетеніями изъ окрашеннаго луба.

Меланезійскіе топоры часто красиво отшлифованы. Для клинковъ топоровъ употребляются камни и ракo-

Меланезійскіе топоры, палицы и молотки:

1 и 2 Палицы. 3—5 Топоры изъ восточной Новой Гвинеи. 6) Палицы, въ видѣ птичьей головы, съ Новой Каледоніи. 7) Палица съ острововъ Моресби, Новая Гвинея. 8—10) Молотки изъ западной Новой Гвинеи. 11) Палица съ дискомъ изъ зеленаго камня, изъ восточной Новой Гвинеи. 12—14) Топоры съ каменными, раковинными и желѣзными клинками съ Адмиралтейскихъ острововъ.

вины. Теперь проникло въ Меланезію желѣзо и находитъ большой спросъ, замѣняя каменныя орудія. У нѣкоторыхъ топоровъ клинокъ насаживался наискось, чтобы удобнѣе было вырубать лодки.

Лукъ и *стрѣлы* встрѣчаются часто въ Меланезіи. Обладаніе лукомъ и стрѣлами служитъ отличіемъ меланезійцевъ отъ ихъ сосѣдей на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Луки дѣлаются изъ длинныхъ и крѣпкихъ бамбуковыхъ или пальмовыхъ палокъ. Концы лука украшаются и къ нимъ привязывалась растительная тетива. Самыя красивыя стрѣлы дѣлаются на Соломоновыхъ островахъ.

Для дальняго боя жители нѣкоторыхъ острововъ (Н. Помераніи, Н. Гебридъ, Н. Каледоніи) пользовались *пращею*. Это простой шнурокъ съ петлей для вкладыванія камня. Метательные камни носятъ въ сѣтчатомъ кошелькѣ.

Ножи и *кинжалы* употребляются для борьбы на близкомъ разстояніи. Кинжалъ изъ птичьей кости, встрѣчающійся на о. Новой Гвинеѣ, очень простъ: толстый конецъ—рукоятка, тонкій заостренъ и выглаженъ.

Щитовъ не встрѣчается на многихъ островахъ Меланезіи. Только на Новой Гвинеѣ и на сосѣднихъ островахъ щиты достигли замѣчательнаго развитія. Здѣсь встрѣчаются и большіе красиво-украшенные щиты, и круглые, и овальные, и прямоугольные, плоскіе и выпуклые, вырѣзанные изъ дерева и плетеные.

Ни у одного народа мы не находимъ такой пышности украшеній на оружіи и сходныхъ съ нимъ предметахъ: птицы, ящерицы, вьющіяся растенія совершенно закрываютъ иногда каменные клинки.

Торговля и деньги у маланезійцевъ.

Различные острова Океаніи издавна извѣстны особыми, нерѣдко имъ только свойственными, промыслами. Намъ уже извѣстно гончарное дѣло на Новой Гвинеѣ. Отдѣльные острова Новыхъ Гебридъ пропзводятъ различное оружіе. Въ Соломоновомъ архипелагѣ мѣстами изготовляются лодки, деревянныя блюда. Цѣнный предметъ вывоза изъ Новаго Мекленбурга составляютъ просверленные зубы сумчатаго кусъ-кусъ, которые употребляются для украшеній. Корзины съ крышками, замѣчательныя веревки изъ кокосовыхъ волоконъ, вѣера, сплетенные изъ луба, плетенія изъ перьевъ составляютъ славу другихъ острововъ и являются предметомъ торговли.

Когда европейцы впервые появились въ этихъ странахъ, мѣновая торговля уже была знакома туземцамъ. На нѣкоторыхъ островахъ оказалось желѣзо, которое только путемъ торговли могло проникнуть туда.

Деньги и денежныя дѣла и тамъ имѣютъ большое значеніе въ жизни людей. Роль денегъ играютъ самые разнообразные предметы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Гвинеи туземцы употребляютъ вмѣсто денегъ палочки табаку. Эти палочки имѣютъ длину карандаша, но немного толще. Состоятъ они изъ самыхъ крѣпкихъ табачныхъ листьевъ, которые покрыты клейкимъ составомъ, вслѣдствіе чего онѣ быстро склеиваются въ палочку. Четыре такихъ палочки составляютъ плату за одинъ день работы туземца, а за нѣсколько такихъ палочекъ можно купить топоръ, ножъ, рыболовную сѣть или бусы. Въ магазинахъ порта Моресби, главнаго города Британской Новой Гвинеи, деньги эти принимаются и выдаются.

Въ Новой Помераніи роль денегъ играютъ пластинки и острые концы раковинъ, нанизанныхъ на шнурки; на островахъ Гебридскаго архипелага особенно цѣнятся длинныя, узкія старыя цыновки. Зубы кашалота, цѣнимые въ качествѣ украшенія, представляютъ на Фиджи большіе капиталы, подобно тому, какъ на Соломоновыхъ островахъ — шейныя повязки изъ зубовъ дельфиновъ и браслеты изъ раковинныхъ колецъ.

Мѣстами особенно цѣнятся перья красныхъ попугаевъ или перышки, растущія около глазъ курицы. Накопленіе капитала производится въ видѣ множества тапы, которой фиджійскіе начальники такъ гордятся, что въ торжественныхъ случаяхъ кладутъ около себя до 200 метровъ этой ткани.

Въ Микронезіи значеніе денегъ признается за камнями, стеклянными и фарфоровыми черепками, кусочками эмали и бусами. На Каролинскихъ островахъ употребляются въ качествѣ денегъ большіе куски бѣловато-желтаго известняка въ видѣ жернововъ. Ихъ стоимость зависитъ отъ величины, отдѣлки и другихъ качествъ и доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Такъ какъ обработка ихъ требуетъ многихъ рукъ, а перевозка—большихъ расходовъ, то эти каменныя монеты по большей части составляютъ собственность цѣлыхъ общинъ, лишь немногія изъ нихъ составляютъ частную собственность. Вслѣдствіе неудобства такихъ каменныхъ денегъ, обращаются и другіе роды ихъ: нанизанныя на шнурки жемчужныя раковины, свертки цыновоки, точеныя раковины, нанизанныя въ видѣ ожерелья.

Торговая дѣятельность всѣхъ упомянутыхъ острововъ довольно значительна. На островахъ Фиджи даже отведены мѣста для рынковъ.

Видъ на островѣ Таити.

Таити.

20 октября. Отъ береговъ Южной Америки и Галапагосскихъ острововъ мы направились къ Таити и начали свой длинный переѣздъ чрезъ Великій океанъ. Спустя нѣсколько дней мы выплыли изъ предѣловъ сумрачной и туманной области океана, которая въ зимнее время распространяется отъ береговъ Южной Америки на далекое разстояніе. Тогда началась веселая и ясная погода, и мы, пользуясь пассатнымъ вѣтромъ, проходили отъ 150 до 160 миль въ день. Температура болѣе центральныхъ частей Тихаго океана гораздо выше, чѣмъ температура американскихъ береговъ. Мы проходили чрезъ Нижній или Опасный архипелагъ и видѣли нѣкоторыя изъ этихъ до крайности интересныхъ колецъ изъ коралловой почвы, которыя такъ невысоко поднимаются изъ воды и названы островами Заводей (Lagoon islands). Длинная береговая полоса ослѣпительно бѣлаго цвѣта, окаймленная сверху яркозеле-

ной растительностью, тянется вправо и влѣво и, быстро суживаясь, въ отдаленіи теряется за горизонтомъ.

Внутри этого кольца съ вершины главной мачты виднѣется широкая пелена спокойной воды. Эти низкіе, внутри пустые коралловые острова слишкомъ малы въ отношеніи къ громадному океану, изъ котораго они внезапно поднимаются, и кажется страннымъ, что при такой мелкости и ничтожности они не поглощаются всемогущими и неутомимыми волнами этого великаго моря, такъ несправедливо названнаго Тихимъ океаномъ.

---

15 ноября. При восходѣ солнца мы увидѣли Таити, островъ, который, вѣроятно, навсегда останется особенно интереснымъ для всѣхъ посѣтителей Южнаго океана.

Издали видъ его казался непривлекательнымъ. Пышная растительность долинъ еще не была видна, а между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ облака разсѣивались, въ центрѣ острова обозначались угрюмыя крутыя скалы. Какъ только мы бросили якорь въ заливѣ Матавьи, насъ окружили лодки таитянъ. Мы поѣхали на берегъ и прямо наслаждались зрѣлищемъ страны, никогда еще невиданной и притомъ такой очаровательной, какъ островъ Таити.

Земля, годная къ обработкѣ, образуетъ здѣсь, собственно говоря, довольно узкую и низкую полосу, находящуюся у подошвы горъ и защищенную со всѣхъ сторонъ отъ волнъ океана коралловымъ рифомъ. За этимъ рифомъ, не доходя до самаго острова, простирается широкое пространство стоячей воды, по которой безопасно снуютъ лодки туземцевъ и въ которой корабли бросаютъ якорь.

Низменность, простирающаяся до самаго побережья, покрытаго коралловымъ пескомъ, поросла прекраснѣйшей растительностью тропическихъ странъ. Посреди бананововъ, апельсиновъ, кокосовыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ расчищены мѣста для культуры ямса, сладкаго картофеля, сахарнаго тростника и ананасовъ. Даже кустарникъ состоитъ изъ привознаго фруктоваго дерева, именно изъ гуавы, которая до того размножилась, что ее здѣсь истребляютъ, какъ сорную траву. И въ Южной Америкѣ я часто восхищался разнообразной красотою бананововъ, пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ, посаженныхъ вмѣстѣ, а здѣсь къ нимъ прибавляется еще хлѣбное дерево, замѣчательное своими большими, блестящими листьями съ глубокими лопастями или выемками. Удивительно пріятно видѣть цѣлыя рощи деревьевъ, могучихъ и вѣтвистыхъ, какъ наши дубы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, покрытыхъ крупными и въ высшей степени питательными плодами. Когда смотришь на эти чудные лѣса, сознаніе необыкновенной пользы, приносимой ими, значительно увеличиваетъ то чувство восхищенія, которое возбуждается ихъ красотою.

Маленькія вьющіяся тропинки, осѣненныя этими деревьями, ведутъ къ разбросаннымъ домикамъ, владѣльцы которыхъ принимали насъ съ неизмѣннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ жители. Лица ихъ выражаютъ кротость, не допускающую и мысли о дикаряхъ, и понятливость, которая доказываетъ, что они уже далеко ушли на пути цивилизаціи.

Уже давно было замѣчено, что нужно самую небольшую привычку для того, чтобы темная кожа казалась европейцу гораздо пріятнѣе на видъ и естественнѣе,

чѣмъ его собственная. Бѣлый, купающійся рядомъ съ тантяниномъ, относится къ нему такъ, какъ блѣдное, выращенное въ темнотѣ растеніе относится къ красивому, ярко-зеленѣющему и естественно выросшему въ открытомъ полѣ.

Тантяне высокаго роста, широкоплечи, мужественны и хорошо сложены. Большая часть мужчинъ татуированы, и украшенія эти такъ граціозно слѣдуютъ за всѣми изгибами тѣла, что производятъ чрезвычайно изящное впечатлѣніе. Главный рисунокъ нѣсколько похожъ на вѣнецъ пальмоваго дерева. Онъ выходитъ изъ центральной линіи спины и, граціозно закругляясь, расходится въ обѣ стороны. Хотя это можетъ показаться страннымъ, но мнѣ казалось, что тѣло человѣка, украшеннаго такимъ образомъ, подобно стволу величаваго дерева, обвитому тонкимъ и изящнымъ вьюнкомъ.

Женщины такъ же татуированы, какъ и мужчины, у нихъ часто татуируются и пальцы.

Очень красивъ обычай носить бѣлый или красный цвѣтокъ на головѣ или продѣвать по цвѣтку въ дырочки, сдѣланныя въ ушахъ.

Еще носятъ на головѣ вѣнокъ изъ листьевъ кокосовой пальмы, который служитъ для защиты глазъ отъ солнца.

Вечеромъ, возвращаясь къ своимъ лодкамъ, мы остановились, чтобы полюбоваться очень красивой сценой. Множество дѣтей играло на берегу и разложило костры, освѣщавшіе спокойное море и окружающія деревья. Другія, сидя кружками, пѣли тантскія пѣсни. Мы также сѣли на пескѣ и присоединились къ нимъ. Пѣсни сочинялись тутъ же и относились къ нашему прибытію; маленькая дѣвочка пѣла одинъ стихъ, который остальныя подхватывали и такимъ образомъ

Татуированный туземецъ Маркизскихъ острововъ.

составлялся прекрасный хоръ. Вся эта сцена напоминала намъ, что мы, несомнѣнно, находимся на берегу острова, среди знаменитаго Южнаго океана.

17 ноября. Этотъ день занесенъ въ нашъ дневникъ подъ именемъ вторника 17 ноября, вмѣсто понедѣльника 16, что доказывало, что мы таки исправно погонялись за солнцемъ.

Передъ завтракомъ корабль былъ окруженъ флотиліей лодокъ, и когда жителямъ позволили взойти на палубу, то, мнѣ кажется, ихъ было не менѣе 200 человѣкъ. Мы всѣ были того мнѣнія, что трудно было бы собрать столько людей изъ какой бы то ни было другой націи, которые вели бы себя такъ прилично. Каждый привезъ что-нибудь для продажи; главнымъ предметомъ торговли были раковины. Таитяне теперь вполнѣ понимаютъ цѣну деньгамъ и предпочитаютъ ихъ старому платью или другимъ предметамъ.

Послѣ завтрака я отправился на берегъ и взошелъ на ближайшую гору, на высоту отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ.

Переднія горы имѣютъ склоны довольно гладкіе и ровные, но крутые, и форма ихъ коническая; онѣ состоятъ изъ древнихъ вулканическихъ утесовъ, прорѣзанныхъ глубокими оврагами, которые, исходя изъ гористаго центра острова, расходятся до самыхъ береговъ. Пройдя узкую и низкую полосу обитаемой и плодородной земли, я пошелъ по гладкой и крутой тропѣ, пролегавшей по хребту между двумя оврагами. Растительность тамъ была странная: она состояла почти исключительно изъ мелкаго, низкорослаго папоротника, смѣшаннаго съ грубымъ злакомъ. На высшей точкѣ, до которой я поднялся, опять появились деревья.

Изъ трехъ поясовъ растительности нижній обязанъ своею влажностью и, слѣдовательно, плодородіемъ плоскости своего положенія; плоскость эта, будучи очень мало возвышена надъ уровнемъ моря, не представляетъ достаточно крутыхъ склоновъ, потому вода изъ верхнихъ областей, медленно разливаясь по ней, орошаетъ ее обильно. Средняя полоса потому остается безплодною, что не достигаетъ облачныхъ и влажныхъ слоевъ атмосферы, подобно высшимъ точкамъ, и вовсе не получаетъ сырости. Зато въ верхней полосѣ чрезвычайно красивые лѣса: древовидные папоротники замѣняютъ здѣсь кокосовыя пальмы, растущія только на берегу.

Съ самаго возвышеннаго мѣста, котораго я достигъ, хорошо былъ виденъ отдаленный островъ Эймео. На высокихъ зубчатыхъ вершинахъ собирались его бѣлыя массивныя облака. Островъ со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ одного маленькаго прохода, окруженъ рифомъ. На этомъ разстояніи едва можно было различить рѣзкую, узкую, ярко-бѣлую линію, у которой волны впервые встрѣчали коралловую стѣну.

Горы высились внезапно изъ зеркальной поверхности лагуны, простиравшейся за этой бѣлой линіей, а по сю сторону рифа волны океана казались темными.

Видъ былъ поразительный: онъ былъ похожъ на рисунокъ, вставленный въ раму; коралловый рифъ представляетъ раму, гладкая лагуна — окружающую бумагу, а самый островъ—рисунокъ.

---

18 ноября. Рано утромъ я отправился на берегъ, чтобы итти въ горы.

Я говорилъ моимъ проводникамъ, чтобы они забирали съ собой провизіи и платья, но они отвѣтили,

что въ горахъ довольно будетъ провизіи, а что касается платья, то имъ достаточно и своей кожи.

Путь нашъ лежалъ чрезъ долину Tia-ауру, по которой протекаетъ рѣка, впадающая въ море около мыса Венеры. Это одна изъ главныхъ рѣкъ острова, и истоки ея находятся у подошвы самыхъ высокихъ вершинъ, достигающихъ около 7.000 футовъ. Весь островъ до того гористъ, что только по долинамъ и можно добраться до середины его. Наша дорога проходила сначала чрезъ лѣса, находящіеся по обѣимъ сторонамъ рѣки, и видъ высокихъ центральныхъ пиковъ, являющихся какъ бы въ концѣ аллеи, окаймленной тамъ и сямъ вѣтвями кокосоваго дерева, былъ чрезвычайно живописенъ.

Вскорѣ долина начала суживаться, а бока ея становились все круче и круче. Чрезъ три или четыре часа ходьбы она превратилась въ оврагъ, который до того сузился, что едва вмѣщалъ въ себѣ русло ручья. Съ обѣихъ сторонъ стѣны были почти вертикальны, однако, вслѣдствіе мягкости вулканическаго пласта, изъ каждой выдающейся глыбы росли деревья и роскошныя травы. Эти пропасти, должно-быть, были въ нѣсколько тысячъ футовъ глубины, и все вмѣстѣ составляло до того восхитительное горное ущелье, что я ничего подобнаго не видывалъ. Покуда полуденное солнце сіяло еще съ боку, въ ущельѣ было свѣжо и прохладно; но какъ только солнце стало прямо надъ пропастью, воздухъ сдѣлался удушливъ.

Мы обѣдали въ тѣни нависшей скалы, за стѣною столбообразно-расположенной лавы. Мои проводники уже успѣли приготовить кушанье изъ мелкой рыбы и прѣсноводныхъ раковъ. Они взяли съ собой небольшую сѣтку, надѣтую на палку, и гдѣ только было глубокое мѣсто, закидывали ее; широко раскрывъ

глаза, какъ настоящія выдры, они высматривали рыбу во всѣхъ уголкахъ и порахъ и ловили. Тантяне двигаются въ водѣ съ быстротою и ловкостью амфибій.

Огонь они достали посредствомъ тренія тупымъ концомъ палки объ отверстіе, сдѣланное въ другой палкѣ, какъ будто бы для того, чтобы расширить это отверстіе, и терли до тѣхъ поръ, покуда не явились искры. Для этого употребляется особое бѣлое и очень легкое дерево. Огонь явился въ нѣсколько секундъ; но для того, кто не свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, такой способъ добыванія огня кажется чрезвычайно труднымъ; впрочемъ, потрудившись нѣсколько, къ моей великой гордости, и я сумѣлъ, наконецъ, добыть искру изъ этой древесной пыли. Разведя огонь изъ маленькихъ палочекъ, тантяне положили на него десятка два камней, величиною съ обыкновенный мячикъ. По истеченіи десяти минутъ палки сгорѣли, а камни нагрѣлись. Они нарѣзали предварительно кусочками говядину, рыбу, зрѣлые и незрѣлые бананы и головки дикаго ароїника, все это разложили небольшими кучками и завернули въ куски листьевъ, потомъ положили рядъ этихъ зеленыхъ пирожковъ между двумя рядами горячихъ камней и покрыли землею, такъ что ни дымъ, ни паръ не выходили. По истеченіи четверти часа все превосходно испеклось. Зеленые пирожки были выложены на скатерть изъ банановаго листа, съ помощью скорлупы кокосоваго орѣха мы набрали воды изъ ручья и вполнѣ насладились своимъ безыскусственнымъ обѣдомъ.

Немного выше рѣка раздѣлилась на три маленькіе ручья. Два изъ нихъ были совершенно недоступны по причинѣ множества водопадовъ, которые образовались изъ нихъ при спускѣ съ зубчатой вершины высочайшей горы; третій источникъ, повидимому, былъ тоже

недоступенъ, но мы ухитрились подняться вверхъ по его теченію. Бока долины въ этомъ мѣстѣ были почти отвѣсны; но, какъ часто случается съ наслоенными утесами, изъ нихъ мѣстами выдавались небольшіе карнизы и глыбы, поросшіе дикими бананами и другими пышными произведеніями тропическаго климата. Таитяне открыли тропинку, по которой можно было подняться на самую вершину стѣны. При переходѣ съ одного уступа на другой намъ представилась вертикальная стѣна утеса. Одинъ изъ таитянъ, человѣкъ проворный и ловкій, приставилъ къ ней древесный стволъ, взлѣзъ по немъ на выступъ и потомъ, цѣпляясь за трещины, добрался доверху. Онъ привязалъ веревки къ одному изъ выдающихся пунктовъ и на этихъ веревкахъ поднялъ сначала собаку и багажъ, а потомъ взобрались по ней и мы. Подъ выступомъ, на который былъ поставленъ древесный стволъ, отвѣсная стѣна имѣла, вѣроятно, отъ 500 до 600 футовъ глубины, и если бы она не была отчасти прикрыта нависшими надъ нею папоротниками и лиліями, то у меня, навѣрное, закружилась бы голова, и ничто въ мірѣ не могло бы меня заставить пробраться вверхъ.

Вечеромъ мы достигли маленькой площадки, на берегу того же самаго ручья, вдоль котораго мы продолжали итти, и который спускается внизъ, цѣлымъ рядомъ водопадовъ; на этой площадкѣ мы остались ночевать. Съ помощью продолговатыхъ кусковъ коры вмѣсто веревокъ, бамбуковыхъ стволовъ вмѣсто палокъ и огромнаго листа банана вмѣсто крыши таитяне въ нѣсколько минутъ построили намъ славный домикъ, а изъ увядшихъ листьевъ сдѣлали мягкую постель.

Я не могъ видѣть безъ восхищенія окружающей растительности. По обѣимъ сторонамъ росли цѣлые лѣса банановъ, и, несмотря на то, что плоды ихъ доставля-

ють жителямъ довольно разнообразную пищу, они лежали здѣсь кучами, свалившись съ деревьевъ, и просто гнили. Передъ нами разстилалось обширное поле, заросшее сахарнымъ тростникомъ, а ручей былъ осѣненъ темно-зелеными узловатыми стеблями авы, знаменитой въ прежнія времена своими сильно опьяняющими свойствами. Я сорвалъ кусочекъ, пожевалъ и нашелъ, что растеніе имѣетъ такой ѣдкій, непріятный вкусъ, что сразу становится несомнѣннымъ, какъ оно ядовито. Благодаря миссіонерамъ, это растеніе прозябаетъ теперь только въ этихъ ущельяхъ и никому не приноситъ вреда. Тутъ же я увидѣлъ дикій аройникъ, корни котораго, если они хорошо испечены, очень вкусны, а молодые листья вкуснѣе шпината. Тутъ же росъ дикій ямсъ и одно лилейное растеніе, называемое «ти», которое растетъ въ большомъ количествѣ и имѣетъ мягкій, темный корень, формой и объемомъ похожій на порядочное полѣно; этотъ корень служилъ намъ вмѣсто десерта, потому что онъ сладокъ какъ патока и очень пріятенъ на вкусъ. Кромѣ того, тамъ было еще нѣсколько дикихъ фруктовъ и полезныхъ растеній. Маленькій ручеекъ, кромѣ холодной чистой воды, доставилъ намъ свѣжихъ угрей и раковъ.

Видя все это, я только восхищался и мысленно проводилъ сравненіе между этимъ мѣстечкомъ и какимъ-нибудь необработаннымъ мѣстомъ умѣренныхъ странъ. Я почувствовалъ справедливость замѣчанія, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ, дикій человѣкъ, съ не вполнѣ развитымъ разумомъ долженъ былъ родиться подъ тропиками. Таитяне, обнаженные и татуированные, съ головой, убранною цвѣтами, въ тѣнистой чащѣ роскошныхъ растеній представляли превосходный образчикъ людей, обитающихъ въ первобытной странѣ.

Рыбная ловля на островѣ Таити.

Таитяне ловятъ рыбу сѣтями и удочками, снабженными самыми разнообразными крючками. Лесы и сѣти дѣлаются изъ коры одного кустарника, который напоминаетъ своею величиной нашу коноплю. Они обматываютъ волокна вокругъ ноги и сматываютъ нитки въ большіе клубки, при чемъ нитки бываютъ двойныя или тройныя. Для крючковъ прежде употребляли жемчужныя раковины, кораллы, кости, зубы и твердое дерево, при чемъ придавали имъ самыя различныя, часто причудливыя формы: напримѣръ, форму жука, который служилъ одновременно и приманкой. Но теперь предпочитаютъ дѣлать ихъ изъ желѣза и изъ гвоздя умѣютъ дѣлать великолѣпный крючокъ. Наши крючки очень цѣнятся туземцами. Удочки бываютъ самаго разнообразнаго вида и различной величины, смотря по тому, для какой рыбы онѣ предназначаются. Однѣ имѣютъ форму летучей рыбы, другія устроены такъ, что на нихъ можно насадить настоящую рыбу или другую приманку.

Дельфиновъ ловятъ въ четырехъ-пяти миляхъ отъ берега. Удочекъ никогда не забрасываютъ прежде, чѣмъ дельфинъ не обнаружитъ своего присутствія, накинувшись на брошенную рыбу-приманку. Когда дельфинъ крѣпко повисъ на крючкѣ, съ нимъ играютъ, пока онъ не устанетъ, затѣмъ притягиваютъ его къ лодкѣ и, не надѣясь на прочность лесъ и удилища, схватываютъ его за хвостъ и такимъ образомъ втаскиваютъ на лодку. Достигнувъ мѣста, богатаго рыбою, рыбаки направляютъ свои лодки противъ вѣтра. Иногда на ловлю выѣзжаютъ 50—60 судовъ, и ловля продолжается около 6 мѣсяцевъ, такъ какъ дельфины слѣдуютъ за солнцемъ. Когда солнце находится къ сѣверу отъ

экватора, ихъ здѣсь почти не бываетъ. Но какъ только солнце переходитъ экваторъ, они появляются въ большомъ количествѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ они мечутъ икру, и ловля прекращается.

Во время ловли дельфиновъ ловятъ и большихъ летучихъ рыбъ. Для этого приготовляютъ длинные бѣлые шесты, футовъ въ 6—8 длиною, и привязываютъ къ каждому изъ нихъ камень, чтобы они держались въ водѣ прямо. Къ нимъ прикрѣпляютъ короткія веревки съ крючками изъ свинца, на которые насажены приманки. Шесты разставляютъ въ морѣ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Чрезъ нѣкоторое время они вытаскиваются и на каждой удочкѣ большею частью находятъ по рыбѣ. Поэтому, если охота за дельфинами была неудачна, туземцы все же не возвращаются съ пустыми руками.

Тѣ, кто ловитъ дельфиновъ, остаются на морѣ въ теченіе почти всей ночи, такъ какъ они ловятся лучше въ темнотѣ. Иногда при этомъ можно наткнуться на мечъ-рыбу. Мечъ-рыба протыкаетъ лодку насквозь раза два-три, пока, наконецъ, мечъ ея не застрянетъ въ лодкѣ. Тогда всѣ немедленно выскакиваютъ изъ лодки, чтобы успѣть набросить на рыбу петлю, и торопятся достигнуть берега, чтобы лодка не успѣла пойти ко дну. Такими же арканами ловятъ и акулъ.

Маленькихъ рыбъ, держащихся поблизости отъ подводныхъ камней, ловятъ сосудами или ныряютъ за ними. Ежа-рыбу не поймаешь иначе, какъ ныряя въ воду, такъ какъ во время преслѣдованія онъ прячется подъ коралловыми рифами. Водолазъ слѣдуетъ за нимъ и вытаскиваетъ двумя пальцами, запущенными въ глаза.

Туземцы могутъ оставаться подъ водою удивительно долго; они гоняются за рыбами, преслѣдуя ихъ до

тѣхъ поръ, пока не вынырнутъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя.

Чтобы ловля была удачна, необходима тихая погода; малѣйшее волненіе мутитъ воду. Въ темныя ночи для привлеченія рыбъ къ лодкамъ употребляютъ факелы и рыбу загребаютъ сѣтями. Когда рыба собирается въ мелкихъ мѣстахъ для метанія икры, берутъ листья кокосовой пальмы, прикрѣпляютъ ихъ къ веревкѣ и мстутъ ими мель или мелкое мѣсто, чтобы рыба шла въ заливъ; при этомъ ловятъ ее сѣтями.

Ловятъ рыбъ и острогами о двухъ или трехъ зубцахъ, которыя сдѣланы изъ дерева и бросаются въ море съ берега или съ лодокъ. Иногда на одну острогу можно поймать нѣсколькихъ рыбъ.

Китовъ удается убивать очень рѣдко, а именно только тогда, когда молодой китъ заблудится или заброшенъ сильнымъ прибоемъ къ берегамъ острова. Тогда его немедленно окружаютъ со всѣхъ сторонъ и пронзаютъ копьями. Часто при этомъ нѣсколько судовъ разбиваются на части, прежде чѣмъ удается убить кита.

Черепахъ ловятъ рѣдко; ихъ считаютъ священными животными и посылаютъ большею частью главному вождю, который поѣдаетъ ихъ вблизи кладбища.

Во время дождя ловятъ очень много икры около устьевъ рѣкъ. Для этого употребляютъ большіе мѣшки, сшитые изъ кокосовыхъ волоконъ, которые имѣютъ большой открытый входъ и удерживаются на днѣ при помощи камней. Съ помощью пучковъ кокосовыхъ листьевъ икра вгоняется въ мѣшки и такимъ образомъ добывается въ огромномъ количествѣ. Иногда нѣсколько женщинъ выстраиваются въ одну линію поперекъ рѣки. У каждой въ рукахъ по такой сѣти-мѣшку и по корзинѣ. Сѣть придерживается ногами, и отверстіе ее

растопыривается руками. Наловивъ полную корзину икры, женщины возвращаются домой. Ихъ ловля бываетъ почти всегда удачна. Сама королева занималась этимъ дѣломъ наравнѣ съ другими.

Ловля жемчужницъ.

Главнымъ источникомъ добыванья средствъ къ жизни на островѣ Пенринъ [1]) служитъ ловля жемчужницъ. Туземцы плывутъ на своихъ маленькихъ парусныхъ лодочкахъ до того мѣста въ лагунѣ, гдѣ они думаютъ бросить якорь. Каждый изъ нихъ имѣетъ корзиночку, сдѣланную изъ листьевъ и привязанную къ большому куску дерева, что заставляетъ ее держаться на поверхности воды и позволяетъ усталому пловцу пользоваться ею для отдыха, какъ спасательной бочкой.

Выстроившись въ одну линію на своихъ маленькихъ лодкахъ, эти смѣлые люди снимаютъ свои большія соломенныя шляпы и молятся. Ихъ дѣло очень опасно, и трудно угадать, кто изъ нихъ вернется благополучно съ этой охоты: однихъ съѣдали акулы, другіе погибали среди подводныхъ скалъ, когда рѣшались заплывать слишкомъ далеко.

Готовые уже погрузиться въ воду, они изслѣдуютъ глубину лагуны, и когда замѣтятъ между кораллами и водорослями мѣста, въ которыхъ могутъ найти искомыя раковины, они, запасшись достаточнымъ количествомъ воздуха, бросаются въ воду. Они дѣлаютъ такое сильное вдыханіе, что издалека слышенъ легкій свистъ. Ловецъ легко ныряетъ на большую глубину и держится подъ водой довольно долго. Можно слѣ-

---

1) Къ сѣверу отъ острововъ Товарищества.

дить за всѣми его движеніями среди коралловыхъ скалъ. Онъ не поднимается на поверхность изъ-за одной раковины, иногда онъ сразу приноситъ 5—6 послѣ одного опусканія на дно.

Ныряя они достаютъ себѣ и рыбу, которая составляетъ ихъ главную пищу. Они спускаются въ глубину лагуны съ полнымъ ртомъ маленькихъ рыбокъ, которыхъ постепенно выбрасываютъ для привлеченія большихъ рыбъ. Иногда они возвращаются на поверхность съ 3—4 рыбами въ рукахъ.

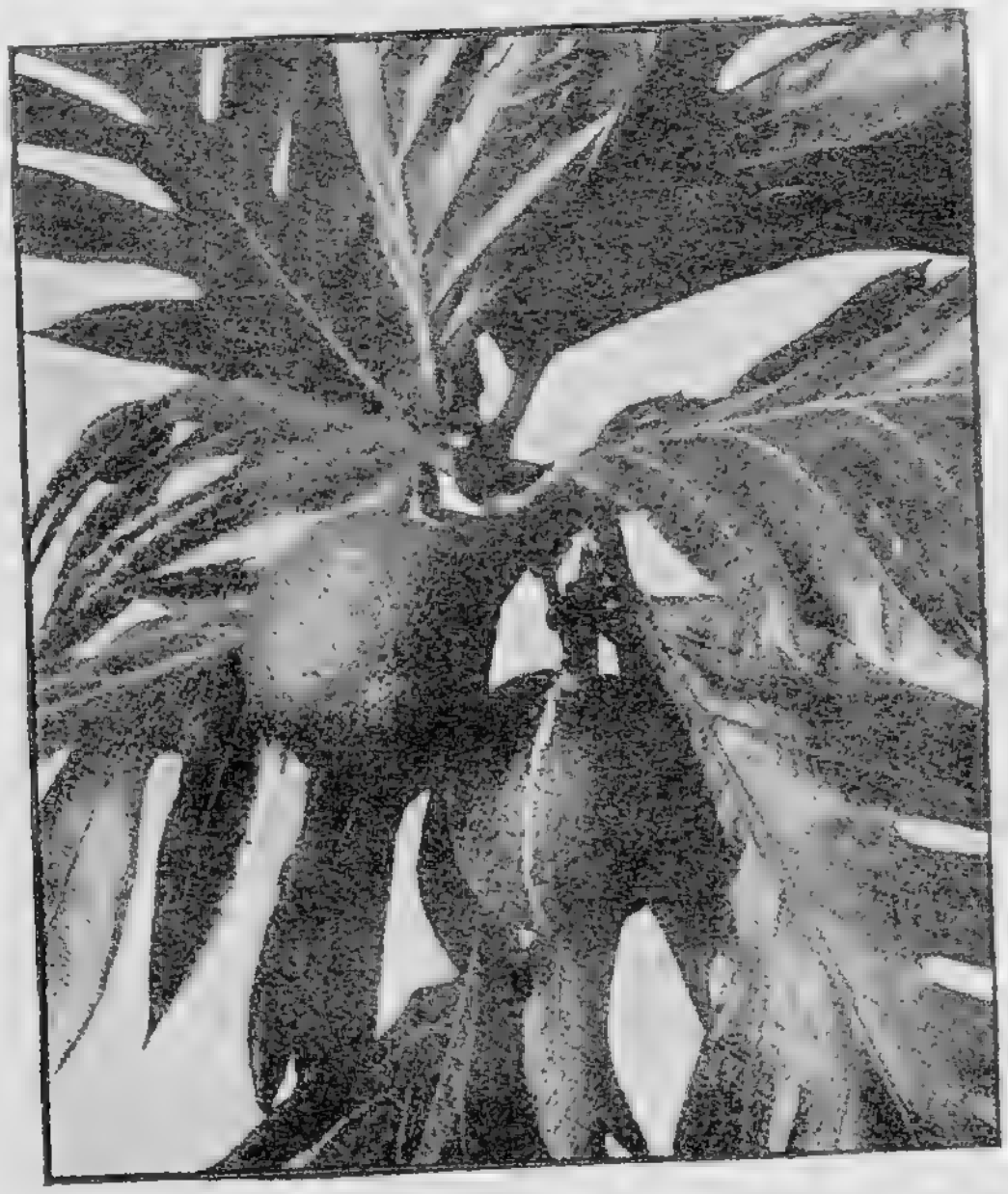
Такая ловля производится преимущественно ночью.

Все населеніе Пенрина занимается торговлей. Туземцы знаютъ, что бѣлые люди—большіе любители жемчуга, но они не представляютъ себѣ его дѣйствительной цѣнности у европейцевъ. Такимъ образомъ авторъ этого разсказа купилъ одинъ жемчугъ, оцѣненный во Франціи въ 10.000 франковъ, за штуку ситцевой матеріи, нѣсколько ножей и нѣсколько коробочекъ спичекъ.

Хлѣбное дерево.

Хлѣбное дерево очень велико и даетъ много тѣни; кора его свѣтлая и грубая; стволъ имѣетъ иногда 2—3 фута въ діаметрѣ, и нижнія вѣтви начинаются на высотѣ 12—20 футовъ. Очертанія дерева замѣчательно красивы, листья широки, съ вырѣзами и напоминаютъ листья фиговыхъ деревьевъ; часто они достигаютъ 12—18 дм. въ длину; они толсты, темно-зеленаго цвѣта и блестятъ, какъ всѣ лучшіе сорта вѣчно-зеленыхъ деревьевъ. Плодъ имѣетъ шарообразную или овальную форму и достигаетъ въ среднемъ 6 дюймовъ въ діаметрѣ; онъ покрытъ неровной шероховатой кожей и цѣлою сѣтью бороздокъ, раздѣляющихъ плодъ

на квадратные или ромбовидные участки; плодъ сначала имѣетъ цвѣтъ зеленаго горошка; потомъ онъ понемногу дѣлается коричневымъ, а когда совсѣмъ поспѣетъ, получаетъ желтоватый оттѣнокъ. Плодъ прикрѣпляется къ мелкимъ вѣтвямъ дерева посредствомъ



Хлѣбное дерево.

короткой, толстой ножки и виситъ большею частью одиночкой, а иногда и гроздьями по 2—3 плода. Цвѣтокъ хлѣбнаго дерева не красивъ, но все дерево въ цѣломъ, съ его блестящею темною зеленью, увѣшанное свѣтло-зелеными и желтоватыми плодами, предстявляетъ прекрасное зрѣлище и является однимъ изъ лучшихъ украшеній пейзажа Таити.

Часто около хижины туземца можно видѣть нѣсколько хлѣбныхъ деревьевъ; они защищаютъ жилище отъ зноя, простирая надъ нимъ свои переплетающіяся вѣтви, увѣшанныя плодами. Дерево размножается посредствомъ отпрысковъ, идущихъ отъ корня; оно начинаетъ приносить плоды послѣ пяти лѣтъ и затѣмъ даетъ ихъ въ продолженіе пятидесяти.

Плоды хлѣбнаго дерева въ сыромъ видѣ ѣдятъ только свиньи. Туземцы во время своихъ странствованій поджариваютъ ихъ надъ пламенемъ костра или на тлѣющихъ угольяхъ, снимаютъ кожу и ѣдятъ мякоть. Иногда плоды, такимъ образомъ очищенные, погружаютъ въ рѣчку и даютъ имъ пропитаться водою; тогда изъ нихъ образуется мягкая, губчатая, сладкая масса въ родѣ тѣста, и туземцы считаютъ ее лакомствомъ. Всего чаще плодъ пекутъ въ печкѣ изъ нагрѣтыхъ камней, и это считается лучшимъ способомъ приготовленія. Для этого съ плода снимаютъ кожу, разрѣзаютъ его на три-четыре части и осторожно вынимаютъ сердцевину. Но дно ямы-печи кладутъ раскаленные камни и прикрываютъ ихъ листьями; на листья накладываютъ кусочки плодовъ; затѣмъ слѣдуетъ слой листьевъ и опять раскаленные камни. Все это прикрывается еще слоемъ земли и листьевъ, въ нѣсколько дюймовъ толщиною. Печку оставляютъ въ такомъ видѣ полчаса, а иногда и дольше; затѣмъ земля и листья снимаются, и плоды вытаскиваются изъ печки. Плоды теперь снаружи коричневые, а внутри мякоть бѣлая или желтоватая и напоминаетъ мякоть бѣлаго хлѣба. Однако она похожа на хлѣбъ только по цвѣту, строенію и внѣшнему виду. Это довольно безвкусная, часто немного сладковатая масса. Изъ нея можно получить муку, которая, однако, гораздо хуже картофельной муки или муки, получаемой изъ другихъ овощей. Вкусъ

плода слегка вяжущій, его можно употреблять какъ овощъ, но онъ не могъ бы замѣнить намъ хлѣба. Для туземцевъ же острововъ Тихаго океана плоды хлѣбнаго дерева служатъ главнымъ источникомъ пропитанья. Туземцы считаютъ этотъ плодъ необыкновенно вкуснымъ, и, повидимому, онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ ихъ организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно питателенъ и поэтому уже чрезъ нѣсколько недѣль послѣ созрѣванія плодовъ можно замѣтить значительную перемѣну къ лучшему въ наружномъ видѣ туземца.

Чтобы сохранить плодъ хлѣбнаго дерева на долгое время, надо заставить его перебродить; тогда онъ обращается въ мягкое тѣсто, которое туземцы называютъ «махи». Когда плоды поспѣютъ, ихъ собираютъ въ большомъ количествѣ, снимаютъ съ нихъ кожу, вынимаютъ сердцевину и складываютъ ихъ въ кучу, Здѣсь они лежатъ, начинаютъ бродить и, когда процессъ броженія достигаетъ опредѣленной степени, изъ нихъ приготовляютъ тѣсто. Между тѣмъ уже приготовлена яма, со всѣхъ сторонъ выложенная листьями; въ нее кладутъ «махи» и покрываютъ его листьями, землею и большими камнями. Здѣсь тѣсто можетъ сохраняться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и хотя оно дѣлается кислымъ, туземцы считаютъ его прекрасною пищей. Тѣсто вынимается маленькими кусочками, которые завертываются въ листья и пекутся между раскаленными камнями.

Хлѣбное дерево даетъ плоды три, а иногда и четыре раза въ годъ; кромѣ того, оно даетъ очень цѣнную смолу, которая вытекаетъ изъ коры, если сдѣлать на ней уколы; смола имѣетъ видъ густой, слизистой жидкости, которая твердѣетъ на солнцѣ и очень полезна: ею смолятъ лодки и такимъ образомъ дѣлаютъ ихъ непро-

пицаемыми для воды. Изъ коры молодыхъ вѣтвей дѣлаютъ различныя мѣстныя ткани. Стволъ дерева идетъ на постройку домовъ и лодокъ, а также на приготовленіе мебели. Самая древесина ярко-зеленая, но отъ дѣйствія воздуха она становится похожей на красное дерево.

Самоа.

Hip, hip, ура! проносится по воздуху. Мы машемъ платками и высоко подбрасываемъ шапки. Мы въѣхали въ гавань Наго-Наго, которая находится на одномъ изъ Самоанскихъ острововъ, на островѣ Тутуила. Всѣ эти берега, покрытые пальмами, и поросшіе лѣсомъ холмы, поднимающіеся со всѣхъ сторонъ почти до облаковъ, владѣнія американцевъ; а полунагіе гребцы, работающіе въ своихъ лодкахъ, нагруженныхъ овощами и плодами, и старающіеся подъѣхать къ нашему пароходу, это—наши коричневые самоанскіе братья.

Соединеннымъ Штатамъ принадлежатъ четыре маленькихъ населенныхъ острова, не считая нѣсколькихъ еще меньшихъ острововъ, лежащихъ далѣе, къ югу отъ экватора, въ серединѣ Великаго океана. Эти четыре острова называются: Тутуила, Тау, Офу и Олозенга. Всѣ эти острова очень невелики, но они имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ лежатъ на пути пароходовъ, идущихъ изъ Санъ-Франциско въ Новую Зеландію и въ Австралію; а когда будетъ закончена постройка Панамскаго канала, они будутъ лежать близъ пути оттуда же въ Австралію и Малую Азію и, быть-можетъ, на кратчайшемъ пути кругомъ свѣта, чрезъ Панамскій и Суэзскій каналы. Поэтому они нужны намъ какъ морскія станціи, гдѣ можно нагрузить суда углемъ. Во время большихъ переходовъ суда нуждаются часто въ по-

грузкѣ углемъ, и намъ очень важно имѣть хорошія гавани на пути слѣдованія нашихъ судовъ, чтобы торговыя суда могли грузиться углемъ въ мирное время, а военныя - въ случаѣ войны.

Паго-Паго- одна изъ лучшихъ гаваней средней части Тихаго океана. Она тянется мили на двѣ въ длину при одной милѣ въ ширину и имѣетъ форму расплющеннаго тѣла съ изогнутой шейкой, образующей входъ.

Видъ на Самоанскихъ островахъ.

Гавань похожа скорѣе на внутреннее озеро, чѣмъ на заливъ. Она окружена со всѣхъ сторонъ крутыми холмами, покрытыми густою растительностью, и такимъ образомъ защищена отъ вѣтровъ и волнъ океана; гавань настолько глубока, что величайшіе океанскіе пароходы могутъ плавать здѣсь совершенно безопасно.

Вотъ уже лодки подъѣхали къ нашему пароходу. Мужчины и женщины, сидящіе въ нихъ, привѣтствуютъ насъ радостными криками. Они кричатъ: «Талофа!

Талофа!», что значитъ: «любовь вамъ»; слово «любовь» всегда употребляется ими въ видѣ привѣтствія. Самоанцы лучше всѣхъ другихъ островитянъ. Они славятся своею храбростью и добродушіемъ. Они почти всегда улыбаются и очень привѣтливы съ иностранцами.

Мужчины высокаго роста, имѣютъ сильное, мускулистое тѣло; женщины толстыя, но сложены пропорціонально. Кожа ихъ цвѣта спѣлыхъ каштановъ. У нихъ прекрасные глаза; волосы скорѣе волнистые, чѣмъ курчавые, какъ у жителей Новой Гвинеи. Они прикрываютъ свое тѣло большимъ количествомъ одеждъ. Женщины носятъ юбки изъ широкой полосы коленкора, которую обматываютъ вокругъ таліи такъ, чтобы юбка спускалась почти до ступней; на верхнюю часть туловища надѣваютъ кофту или широкій кушакъ, но руки часто остаются голыми. Почти у всѣхъ шея и волосы украшены цвѣтами; даже мужчины носятъ гирлянды цвѣтовъ.

Самоанцы—полинезійцы. Они совсѣмъ другой расы, чѣмъ папуасы, и отличаются отъ послѣднихъ болѣе красивыми формами и большей степенью культурности. Полинезійцевъ можно найти не только на островахъ Самоа; они живутъ на многихъ островахъ Тихаго океана, въ томъ числѣ на островахъ Тонга, Товарищества и сосѣднихъ съ ними, а также на Гавайскихъ.

Мы бросаемъ въ лодки канаты, и наши коричневые друзья, мужчины и женщины, немедленно взбираются къ намъ на палубу вмѣстѣ съ корзинами и узлами. Мы покупаемъ у нихъ ананасы, бананы, апельсины; они бросаютъ намъ на шею гирлянды цвѣтовъ, и мы смѣемся вмѣстѣ съ ними и кричимъ имъ въ отвѣтъ: «Талофа! Талофа!»

Немного погодя, мы спускаемся на сушу и идемъ въ глубь острова, чтобы посмотрѣть на жизнь туземцевъ

въ деревнѣ. Издали хижины похожи на стоги сѣна, подпертые сваями. Края огромныхъ соломенныхъ крышъ поддерживаются стволами маленькихъ деревьевъ, а середина—стволомъ повыше. Стѣнъ нѣтъ; ихъ замѣняютъ

Самоанцы (островъ Мануа).

иногда цыновками, которыя могутъ подниматься и опускаться.

Полъ земляной, покрытый мелкими булыжниками, сверхъ которыхъ положены цыновки. На нихъ люди лежатъ и спятъ въ теченіе дня, тутъ же спятъ и ночью,

подложивъ подъ голову деревянныя подушки, очень похожія на фиджійскія. Въ теченіе всей ночи въ ямѣ, устроенной посреди комнаты, горитъ огонь, чтобы было свѣтло и чтобы разогнать москитовъ.

Разставаясь съ нами вечеромъ, наши друзья говорятъ намъ: «тофа», или «спите хорошо», и мы ложимся на цыновки; булыжники даютъ себя чувствовать и заставляютъ насъ страдать при каждомъ поворотѣ.

Съ восходомъ солнца мы идемъ купаться, а потомъ завтракаемъ. Самоанцы чистоплотны и постоянно полощатся въ водѣ. Мы бѣжимъ къ берегу и вмѣстѣ съ нашими коричневыми собратьями бѣгаемъ въ теплой водѣ и затѣмъ помогаемъ имъ ловить рыбу на завтракъ. Въ это время другіе члены семьи приносятъ сладкій сладкій картофель, таро, бананы и пару цыплятъ. Сладкій картофель и мясо поджариваютъ на горячихъ камняхъ туземной печи, и кушанье подается на банановыхъ листьяхъ вмѣсто тарелокъ, что очень удобно, когда общество такъ многочисленно. Ножи и вилки отсутствуютъ, и мы скоро выучиваемся ѣсть пальцами, но дѣлаемъ это менѣе изящно, чѣмъ наши друзья, которые привыкли ѣсть такимъ образомъ всю жизнь.

Предъ отъѣздомъ устраивается совѣщаніе, въ которомъ участвуютъ нѣсколько вождей; насъ угощаютъ «кавой» — напиткомъ, который пьютъ во время общественныхъ торжествъ или при исполненіи какихъ-нибудь церемоній. Его дѣлаютъ изъ корня одного кустарника, который растетъ на этихъ островахъ, и приготовляютъ очень страннымъ образомъ. Для окончательнаго приготовленія напитка существуютъ особаго рода чаши, а для обращенія корня въ порошокъ употребляютъ разные пріемы. Во многихъ мѣстахъ корни кладутъ на камни и, ударяя по нимъ, толкутъ ихъ; по старинный способъ, который туземцы

особенно хвалять, состоитъ въ томъ, что корни разрѣзаютъ на маленькіе кубики, которые дѣвушки кладутъ въ ротъ и разжевываютъ; послѣ этого разжевыванія каву кладутъ въ чашу и заливаютъ водою. Затѣмъ мѣсятъ подъ водою руками до тѣхъ поръ, пока не вытечетъ весь сокъ; тогда жидкость процѣживается и напитокъ готовъ.

Вождь самоанцевъ.

Когда кава готова, она похожа на молоко. Вкусъ ея напоминаетъ мыльную воду, и сначала мы глотаемъ ее съ трудомъ, но потомъ убѣждаемся, что этотъ напитокъ очень освѣжающій. Опьяняющее дѣйствіе напитка сказывается только въ такомъ случаѣ, если пить его въ большомъ количествѣ, и тогда онъ дѣйствуетъ больше на ноги, чѣмъ на голову, такъ что выпившій его остается въ полной памяти, но не можетъ двигаться.

Насъ интересуетъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи самоанцевъ. Страна находится подъ властью Соединенныхъ Штатовъ, но представители этого государства почти всѣ имѣютъ въ дѣлѣ управленія лишь совѣщательный голосъ. Каждая деревня—маленькая

республика съ собственнымъ главою, который ведетъ всѣ дѣла подъ руководствомъ американскаго губернатора. Самоанцы умны и благонравны. Они имѣютъ свои собственныя школы и церкви, такъ какъ миссіонеры обратили ихъ въ христіанство еще задолго до того, какъ острова стали принадлежать американцамъ.

Многіе изъ самоанцевъ имѣютъ маленькія фермы, на которыхъ они выращиваютъ таро, ямсъ и другіе овощи. У нѣкоторыхъ есть цѣлыя поля бананових деревьевъ и кокосовыхъ пальмъ, орѣхи которыхъ даютъ копру, составляющую главный источникъ дохода этой группы острововъ. Копра—это высохшее ядро вполнѣ спѣлаго кокосоваго орѣха. Кокосовые орѣхи подбираютъ послѣ того, какъ они упадутъ съ дерева. Съ нихъ снимаютъ шелуху и затѣмъ ломаютъ скорлупу. Самое ядро вырѣзываютъ полосками, которыя сушатся на солнцѣ. Высушенная орѣховая мякоть имѣетъ огромное значеніе для продажи, и туземцы приготовляютъ ее на всѣхъ островахъ этой части земного шара. Ее нагружаютъ на суда, идущія въ Соединенные Штаты и въ Европу, гдѣ изъ нея выжимается масло въ большомъ количествѣ; изъ этого масла приготовляется мыло и другія вещи. На островѣ Самоа этимъ продуктомъ уплачиваются подати: каждая деревня посылаетъ ежегодно правительству опредѣленное количество копры.

У самоанцевъ мало всякихъ производствъ. Женщины плетутъ цыновки изъ тонкихъ травъ; ударяя по корѣ тутовыхъ деревьевъ, онѣ обращаютъ ее во что-то въ родѣ ткани; онѣ дѣлаютъ также различныя украшенія и корзинки изъ плетеной соломы. Мужчины вырѣзаютъ дубины и модели лодокъ, а нѣкоторые изъ нихъ занимаются добываніемъ жемчуга и черепаховыхъ щитовъ. Во всякомъ случаѣ Самоанскіе острова не имѣютъ большого торговаго значенія, и, какъ мы

знаемъ, преимущество ихъ заключается въ гавани Наго-Наго.

Тѣмъ не менѣе мы остались очень довольны посѣщеніемъ этихъ острововъ въ Тихомъ океанѣ, и намъ дѣлается грустно, когда мы отчаливаемъ; наши шляпы и шеи разукрашены цвѣтами, преподнесенными намъ при прощаніи; мы стоимъ на кормѣ парохода и машемъ платками.

Самоанка.

Прежде чѣмъ отправиться на Гавайскіе острова, мы направляемъ пароходъ въ Апію, главный городъ второй половины Самоанскихъ острововъ, которая принадлежитъ нѣмцамъ. Нѣмецкіе острова носятъ такой же характеръ, какъ
Тутуила, т.-е. они вулканическіе и большею частью окружены коралловыми рифами. Они больше американскихъ острововъ, но не имѣютъ такого важнаго значенія, такъ какъ гавань Апіа небезопасна во время сильныхъ бурь.

Самоанскій лѣсъ.

Лучшимъ украшеніемъ ландшафта Самоа служитъ чудесный лѣсной покровъ, который, подобно бархатному плащу, тяжелыми складками окутываетъ островъ отъ береговой полосы до высочайшихъ горныхъ вершинъ.

Рѣдко можно встрѣтить на землѣ страну, гдѣ тропическій лѣсъ былъ бы прекраснѣе, чѣмъ на Самоа. Правда, здѣсь нѣтъ того сверхъестественнаго роста, который поражаетъ насъ въ лѣсахъ Бразиліи, въ нѣкоторыхъ лѣсахъ Индіи, въ центральной Африкѣ или въ Новой Гвинеѣ. Самоанскій лѣсъ не такой густой и непроходимый. Какъ во всѣхъ тропическихъ лѣсахъ, здѣсь можно замѣтить нѣсколько этажей растительности. Нижній слой образуютъ мохъ и папоротникъ, выше поднимается бамбукъ и разный кустарникъ. Еще выше, на 10—15 метровъ, простирается густая зелень пальмъ и господствующихъ лиственныхъ деревьевъ, а надъ этими возвышаются гигантскіе фикусы, съ ихъ величественными верхушками, причисляемые къ самымъ высокимъ деревьямъ свѣта. Проходя по лѣсу, съ удивленіемъ обозрѣваешь эти могущественные колоннообразные стволы, стройно и величественно возвышающіеся надъ мелкимъ лѣсомъ. Если же смотрѣть съ высоты на поверхность лѣса, то верхушки этихъ отдѣльно стоящихъ гигантовъ возвышаются какъ острова на зеленомъ морѣ другихъ деревьевъ. Странное впечатлѣніе производятъ воздушные корни, которые тянутся съ верхушекъ деревьевъ на землю. Деревья лѣсовъ, растущихъ на низменностяхъ, при тѣснотѣ растительности стройно и прямо тянутся кверху по направленію къ свѣту. Напротивъ, въ горныхъ лѣсахъ неровность почвы создаетъ разныя

неправильности, и первобытный лѣсъ дѣлается спутаннѣе и курчавѣе. И здѣсь, какъ и вездѣ въ тропикахъ, вершины деревьевъ обвиты ползучими растеніями, которыя часто больше опредѣляютъ ихъ видъ, чѣмъ собственная листва. Въ лагунахъ растутъ мангровые лѣса, на сырыхъ мѣстахъ—могучіе бамбуковые кусты.

Изъ полезныхъ растеній, за которыми ухаживаютъ туземцы, первое мѣсто занимаетъ кокосовая пальма. Самоанцы съ большою ловкостью взлѣзаютъ на наклонный стволъ и сбрасываютъ орѣхи. Свѣжій орѣхъ, сорванный сейчасъ послѣ восхода солнца съ тѣневой стороны дерева, сокъ котораго еще сохранилъ прохладу ночи, даетъ роскошный напитокъ.

Самоанскій начальникъ въ платьѣ изъ тапы.

Рядомъ съ кокосовой пальмой крупнолистное хлѣбное дерево даетъ туземцамъ любимую пищу, такъ же какъ и плодоносный бананъ, встрѣчающійся въ дикомъ видѣ въ лѣсахъ. На сырыхъ мѣстахъ вблизи деревень самоанцы располагаютъ свои плантаціи таро, корни котораго составляютъ ихъ любимое блюдо. Изъ коры пандануса плетутъ драгоцѣнную *мату*; изъ коры папируса женщины приготовляютъ мѣстную «*тапу*». Мѣстами разводится ячмень, просо и сахарный тростникъ. Табакъ и какао очень цѣнятся туземцами и разводятся ими самими съ большой заботливостью вблизи деревень.

Кокосовая пальма на островахъ Самоа.

Кокосовая пальма любитъ прежде всего солнечный свѣтъ и свободный доступъ воздуха. И дѣйствительно, чтобы эта пальма выросла вполнѣ хорошо, ей надо стоять на самомъ берегу океана такъ, чтобы корни ея касались морской воды, а листья вѣчно гнулись и колебались отъ рѣзкаго дуновенія пассатовъ. Низменные берега всѣхъ тихоокеанскихъ острововъ покрыты цѣлыми рощами этихъ деревьевъ, тогда какъ подальше отъ берега, на горахъ и возвышенностяхъ, нельзя найти ни одной кокосовой пальмы. Уже на высотѣ 400—600 футовъ пальмы эти не достигаютъ полныхъ размѣровъ и даютъ мало плодовъ и то только въ томъ случаѣ, если онѣ находятся отъ берега не дальше $2^1/_2$—3 миль. Стоитъ ли пальма у самаго берега или подальше отъ него, стволъ ея всегда наклоненъ въ сторону моря. Повидимому, въ этомъ случаѣ сама природа позаботилась о бо́льшемъ размноженіи пальмы. Упавъ въ море, кокосовый орѣхъ можетъ плыть цѣлыми недѣлями по горько-соленой водѣ океана, сохраняя способность произрастанія. Когда, наконецъ, волны выбросятъ его на горячій прибрежный песокъ или на какой-нибудь рифъ, торчащій изъ воды, орѣхъ скоро пускаетъ ростокъ изъ болѣе узкой своей части, а изъ круглаго и широкаго конца его выходятъ нѣжные корешки, которые, смотря по обстоятельствамъ, проникаютъ въ почву или въ трещины разрушающихся коралловъ. Многіе изъ лагунныхъ рифовъ, возникшихъ сравнительно недавно и долгое время остававшихся безъ всякой растительности, покрыты теперь рощами кокосовыхъ пальмъ, хотя ближайшіе острова лежатъ за тысячи миль.

Пальма даетъ плоды въ теченіе всего года. Они свѣшиваются гроздьями между листьями пальмы и окружаютъ стволъ со всѣхъ сторонъ; листья же высоко поднимаются во всѣ стороны и образуютъ красивую крону дерева. Нижніе орѣхи поспѣваютъ сначала, при чемъ, по мѣрѣ роста дерева, вверху появляются все новые плоды; нижніе листья вянутъ, сохнутъ и опадаютъ, а наверху выходятъ все новые.

Стволъ дерева отъ земли и до начала листьевъ имѣетъ отъ 30 до 60, даже до 80 футовъ; онъ мягокъ и ровенъ, напоминаетъ собою колонну, оканчивающуюся кроной, увѣшанной орѣхами и состоящей изъ вытянутыхъ листьевъ. На хорошей почвѣ кокосовая пальма начинаетъ давать плоды на шестомъ году и приноситъ ихъ всего больше въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ. Нѣкоторыя рощи, состоящія изъ пальмъ, 30—40 лѣтъ продолжаютъ приносить плоды все въ томъ же огромномъ количествѣ и, повидимому, будутъ давать ихъ еще очень долго.

Какъ сама пальма, такъ и ея плоды приносятъ самую разнообразную пользу.

Стволъ дерева, пока онъ еще травянистый, очень рыхлый и губчатый; поэтому онъ можетъ служить отличной защитой для отраженія ружейныхъ залповъ, и въ прежнее время туземцы постоянно пользовались имъ для постройки своихъ укрѣпленій. Если хорошо просушить стволы, они долго не портятся подъ землею и могутъ служить крѣпкими столбами. Кокосовое масло употребляется туземцами для многихъ цѣлей. Оно входитъ въ составъ различныхъ мазей, которыя являются почти единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ, извѣстнымъ въ этихъ странахъ. Оно же употребляется для смазыванія тѣла — обычай, соблюдаемый всѣми туземцами. Отъ этихъ втираній кожа дѣлается мягкой

и тонкой, а главное, предохраняется отъ солнечныхъ ожоговъ, которые причиняютъ большія страданія. Кокосовое масло, кромѣ того, отгоняетъ москитовъ и другихъ мелкихъ летающихъ насѣкомыхъ.

Орѣхи служатъ главною пищею. Ихъ ѣдятъ, пока они еще не затвердѣли и представляютъ студенистую плотную массу.

Въ такомъ видѣ они входятъ въ составъ многихъ кушаній. Влага, окружающая полуспѣлый орѣхъ, даетъ пріятный и здоровый напитокъ. Скорлупа цѣльнаго орѣха служитъ посудой и употребляется вмѣсто бутылокъ; изъ скорлупы вынимаютъ все содержимое, давъ ему сначала прогнить; потомъ наполняютъ скорлупу наполовину крупнымъ пескомъ, долгое время трясутъ орѣхъ и затѣмъ высыпаютъ песокъ. Если орѣхъ разрѣзанъ пополамъ, скорлупа употребляется какъ стаканъ и чашка. Волокна идутъ на плетеніе веревокъ и канатовъ. Большіе листья, которые сохнутъ очень быстро, служатъ горючимъ матеріаломъ; ихъ зажигаютъ въ видѣ факеловъ при уженіи рыбы; на полу каждой туземной хижины, вмѣсто очага, стоитъ горшокъ изъ обожженной глины; въ него постоянно подкладываютъ длинные листья пальмы и разводятъ не слишкомъ сильный огонь, который освѣщаетъ жилище и даетъ пріятный для глаза свѣтъ. Листья связываются также попарно своими тонкими частями и кладутся на конекъ крыши; такъ какъ ниспадающіе концы ихъ плоски и тяжелы, то они плотно прилегаютъ къ соломенной крышѣ и при сильномъ вѣтрѣ защищаютъ солому отъ разрушенія. Если оборвать боковыя части листа, то среднюю жилку его можно употреблять для плетенія корзинъ, а также для приготовленія цыновокъ, которыми завѣшиваются двери каждой хижины.

Мякоть кокосоваго орѣха сушать на солнцѣ и тогда она носитъ названіе «копры»; ее раскладываютъ на цыновки и даютъ ей тамъ лежать до тѣхъ поръ, пока не испарится водянистый сокъ. Лѣтъ 20—30 тому назадъ кокосовое масло получило обширное примѣненіе въ изготовленіи мыла, и цѣны на «копру» стояли очень высокія; Европа была единственнымъ мѣстомъ сбыта этого продукта.

Теперь же избытокъ предложенія сильно понизилъ его цѣну. Во всякомъ случаѣ, если бы мы представили себѣ, что подъ вліяніемъ какой-нибудь причины всѣ кокосовыя пальмы, напримѣръ, острововъ Самоа, погибли, то и вся внѣшняя торговля этихъ острововъ должна была бы прекратиться, и условія жизни туземцевъ сильно измѣнились бы къ худшему.

Гавaи.

Мы находимся снова подъ сѣнью американскаго флага и въѣзжаемъ въ американскія владѣнія. Прошла уже недѣля съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Самоа, и теперь мы находимся значительно сѣвернѣе экватора, въ гавани Гонолулу, на мѣстѣ скрещиванья морскихъ путей въ сѣверной части Тихаго океана. Мы уже говорили о важномъ значеніи такихъ пунктовъ, когда были въ Тутуила. Плодородные и богатые гавайскіе острова являются не только угольными станціями, но и центрами торговли и промышленности, и потому значеніе ихъ еще возрастаетъ. Вы, вѣроятно, замѣчали, что на сушѣ города возникаютъ тамъ, гдѣ скрещивается нѣсколько дорогъ: они вырастаютъ, во-первыхъ, въ мѣстахъ пересѣченія желѣзнодорожныхъ линій, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ желѣзныя дороги подходятъ къ рѣкамъ, и, наконецъ, въ гаваняхъ, гдѣ

сухопутныя дороги сходятся съ морскими. То же бываетъ въ перекрестныхъ пунктахъ морскихъ дорогъ, и земли, лежащія въ такихъ мѣстахъ, имѣютъ огромное значеніе. Это можно въ особенности сказать о гавайскихъ островахъ, расположенныхъ на пути пересѣченія морскихъ дорогъ въ сѣверной части Тихаго океана.

Всю прошлую недѣлю мы ѣхали прямымъ путемъ изъ Австраліи и Новой Зеландіи въ Соединенные Штаты, и, если бы мы продолжали нашъ путь, то черезъ недѣлю были бы въ С.-Франциско. Судно, которое находится вправо отъ насъ, только что пріѣхало изъ этого порта, а то, которое только что отчалило и за которымъ тянется полоска чернаго дыма,—канадскій тихоокеанскій пароходъ, который идетъ изъ Сиднея въ Ванкуверъ (въ Британскую Колумбію).

Посмотрите на тотъ корабль съ американскимъ флагомъ на кормѣ. Сотни солдатъ тянутся къ рѣшеткѣ и машутъ намъ своими шляпами и платками. Это судно покинуло Калифорнію восемь дней тому назадъ. Оно пришло сюда въ прошлую ночь и завтра пойдетъ дальше прямо къ Филиппинскимъ островамъ, остановившись, быть-можетъ, по дорогѣ въ Гуамѣ. Японское судно, стоящее съ нами рядомъ, съ изображеніемъ восходящаго солнца на своемъ флагѣ, пришло изъ Іокогамы и идетъ въ С.-Франциско съ грузомъ риса, фарфора и грубыхъ шерстяныхъ тканей. Есть пароходы и изъ Гонконга и Шанхая, идущіе въ Америку и нагруженные шелкомъ и чаемъ. Гавайскіе острова находятся какъ разъ на пути отъ Азіи къ Панамскому перешейку, и когда Панамскій каналъ будетъ готовъ, здѣсь будетъ происходить постоянный токъ кораблей, несущихся изъ Азіи въ Европу и къ восточнымъ берегамъ Америки.

Гавайскіе острова—одно изъ самыхъ цѣнныхъ владѣній Тихаго океана. Острова невелики. Правда, они разсыпаны въ океанѣ, съ востока на западъ, на протяженіи сотенъ миль, но общая площадь ихъ незначительна.

Нѣкоторые изъ западныхъ острововъ этой группы кажутся лишь точками на океанѣ, и никто никогда не посѣщалъ ихъ. Одинъ изъ этихъ острововъ, называющійся Срединнымъ островомъ, извѣстенъ тѣмъ, что сюда проходитъ американскій телеграфный кабель, который соединяетъ С.-Франциско съ Гавайскими островами, Гуамомъ и Филиппинами.

Населенныхъ острововъ восемь; они расположены въ восточной части архипелага на такомъ же разстояніи отъ С.-Франциско, на какомъ этотъ послѣдній находится отъ Чикаго, и на болѣе далекомъ разстояніи отъ любого порта Азіи и Австраліи, чѣмъ Нью-Іоркъ отъ Лондона. Гаван—самый крупный изъ населенныхъ острововъ; слѣдующій за нимъ по величинѣ островъ называется Мауи, и онъ меньше одной пятой Гаван. Затѣмъ слѣдуетъ Оаху, въ главной гавани котораго мы въ настоящее время находимся; далѣе на западъ находится богатый своими садами островъ Кауан, имѣющій 20 миль въ ширину и 25 въ длину. Къ юго-западу отъ Оаху лежитъ Молокан, гдѣ живутъ прокаженные, а недалеко отъ него островъ Кахоолаве, самый маленькій изъ обработанныхъ острововъ, такой маленькій, что мы могли бы обойти его вдоль берега въ одинъ день.

Всѣ эти острова—вулканическіе; они состоятъ изъ высокихъ горъ, испещренныхъ долинами и ущельями, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ болѣе тысячи футовъ глубины. Между горами лежатъ покатыя равнины, и у подошвъ нѣкоторыхъ изъ нихъ равнины

узкою полосою спускаются прямо къ морю. Всего лучше воздѣланы долины, равнины и нижнія части горъ, около подошвы. Горы часто обрывисты и голы; нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствующіе вулканы, а другія давно уже потухли.

Гавайскіе острова были открыты испанскимъ мореплавателемъ Гаэтано. Это случилось въ 1542 г., но никто почти не зналъ о нихъ до пріѣзда туда капитана Кука въ 1778 г. Когда капитанъ Кукъ впервые появился въ этихъ мѣстахъ, туземцы приняли его почти за бога, но чрезъ годъ послѣ этого возникли недоразумѣнія. Бѣлые поссорились съ туземцами, и капитанъ Кукъ былъ убитъ на островѣ Гаваи, гдѣ можно видѣть его памятникъ. Кукъ назвалъ эту группу Сандвичевыми островами по имени графа Сандвича, одного изъ своихъ покровителей. Теперь это названіе замѣнено другимъ; острова называются Гавайскими.

Когда Кукъ открылъ эти острова, они были населены коричневыми людьми, очень похожими на тѣхъ, которыхъ мы видѣли на Татуилѣ, только, пожалуй, болѣе образованными. Въ то время они раздѣлялись на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое занимало опредѣленную территорію, но въ 1800 г. Камеха-меха, одинъ изъ гавайскихъ вождей, побѣдилъ всѣхъ остальныхъ, провозгласилъ себя царемъ и основалъ династію, которая властвовала надъ всѣми островами почти до того времени (1898), когда эти острова были присоединены къ Соединеннымъ Штатамъ.

Въ послѣдніе годы число туземцевъ стало сильно уменьшаться, и теперь тамъ нѣтъ и десятой доли прежняго ихъ числа. Они давно уже обращены въ христіанство. Къ иностранцамъ они всегда относились очень доброжелательно, такъ что теперь число ино-

странцевъ и ихъ потомковъ превосходитъ число самихъ туземцевъ въ пять или шесть разъ. Иностранцы—большею частью выходцы изъ Соединенныхъ Штатовъ и Европы и ихъ потомки; есть также значительное количество китайцевъ и японцевъ, ввезенныхъ сюда для обработки сахарныхъ плантацій. Но всѣ эти люди въ настоящее время американскіе подданные, и мы чувствуемъ себя, въ моментъ прихода, среди друзей.

Что за чудный городъ Гонолулу! Его называютъ Тихоокеанскимъ раемъ, и, дѣйствительно, мы блаженствуемъ, гуляя по широкимъ улицамъ и садамъ съ чудной тропической растительностью, съ изгородью изъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, въ тѣни царственныхъ пальмъ и кокосовыхъ деревьевъ. Мы какъ-будто находимся среди чуднаго ботаническаго сада, въ которомъ мѣстами разбросаны красивые дома и бархатныя лужайки.

Въ Гонолулу красивыя общественныя и правительственныя зданія. Нѣкоторыя изъ нихъ окружены парками и были прежде дворцами мѣстныхъ вождей. По улицамъ ходитъ трамвай; городъ освѣщается электричествомъ, и магазины, съ ихъ зеркальными окнами, напоминаютъ намъ нашу родину. Въ городѣ есть хорошо обставленная гимназія, общественная площадь для ѣзды на велосипедѣ и народныя школы, ни въ чемъ не уступающія американскимъ.

Городъ живописно расположенъ на берегу серебристаго залива, у подошвы маленькаго вулкана въ 500 фут. высоты, на который мы взбираемся, чтобы полюбоваться видомъ на окрестность. Этотъ вулканъ извѣстенъ подъ названіемъ Пуншеваго Бокала, такъ какъ кратеръ его имѣетъ форму, соотвѣтствующую такому названію. Мы стоимъ на краю кратера и смотримъ на Тихій океанъ, воды котораго катятъ свои бѣлые барашки на далекомъ разстояніи отъ берега.

Прямо подъ нами лежитъ Гонолулу, бѣлые дома котораго выглядываютъ изъ зелени; а по ту сторону его виднѣется тѣнистая береговая аллея изъ кокосовыхъ пальмъ, которая соединяетъ Гонолулу съ его предмѣстьемъ—Ваикики, куда жители ѣздятъ купаться. Съ другой стороны виднѣются ярко зеленыя полосы; это рисовыя и банановыя плантаціи; а рядомъ съ ними большія пространства блѣдно-зеленаго цвѣта—сахарныя плантаціи, которыми особенно славятся эти острова.

Покинувъ Пушшевый Бокалъ, мы снова спускаемся въ городъ и бродимъ по улицамъ, останавливаясь иногда у магазиновъ. Люди, которые попадаются намъ навстрѣчу, пріѣхали сюда изъ разныхъ частей земного шара. Здѣсь есть бѣлые люди изъ всѣхъ штатовъ нашей родины и изъ всѣхъ почти государствъ Европы, желтые—изъ Китая и Японіи и коричневые—съ тихоокеанскихъ острововъ. Мужчины носятъ «панамскія» шляпы и бѣлый полотняный костюмъ, безъ жилетовъ. Многіе носятъ яркіе шелковые кушаки вокругъ пояса, а нѣкоторые обвязываютъ такими же шарфами свои шляпы. Отъ времени до времени встрѣчаются женщины-туземки, одѣтыя въ просторныя платья, ниспадающія широкими складками отъ шеи до ногъ; попадаются мужчины-туземцы съ гирляндами цвѣтовъ на шеѣ или шляпахъ.

Мы проводимъ нѣкоторое время въ китайскомъ кварталѣ, покупая чай, ослѣпительно-бѣлый имбирь и многое другое. Мы посѣщаемъ тѣ мѣста, гдѣ живетъ большая часть японцевъ, и смѣемся надъ желтолицыми младенцами; старшіе братья и сестры таскаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на своихъ спинахъ, совсѣмъ какъ въ Японіи. Вездѣ, куда бы мы ни шли, мы встрѣчаемъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей такихъ же темнокожихъ, какъ самоанцы; нѣкоторые изъ нихъ—уроженцы Гавай-

скихъ острововъ, а другіе — потомки европейцевъ. Гавайцы—туземцы не уступаютъ намъ въ умственныхъ способностяхъ. Многіе изъ нихъ богаты, многіе получили спеціальное образованіе и занимаются тѣмъ же, чѣмъ и бѣлые.

Гонолулу.

Для русскаго человѣка, не покидавшаго своего отечества, можно будетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о столицѣ гавайской республики, если онъ будетъ сравнивать ее и ея окрестности съ нашимъ южнымъ берегомъ Крыма, напримѣръ, съ окрестностями Ялты. То же чудное голубое море впереди, тотъ же амфитеатръ невысокихъ зеленѣющихъ, по временамъ купающихся въ облакахъ горъ, та же бухта съ пріютившимся на берегу городкомъ. Но на этомъ и кончается сходство.

Бухта Гонолулу гораздо шире, амфитеатръ горъ стоитъ дальше отъ берега, оставляя широкую долину справа; береговая полоса заканчивается довольно высокимъ бурымъ усѣченнымъ конусомъ потухшаго кратера вулкана Diamond head.

Растительность острова болѣе южная, тропическая; наконецъ самъ Гонолулу по величинѣ больше и раскинулся на болѣе значительное разстояніе. Въ немъ насчитываютъ до тридцати тысячъ жителей. Но, какъ у Ялты, только двѣ-три береговыхъ улицы носятъ торговый, дѣловой характеръ, остальное тонетъ въ зелени садовъ съ чудной вѣчно зеленой субтропической растительностью, среди которой высятся кроны кокосовыхъ и финиковыхъ пальмъ.

Но Ялта—еще дикій, полуварварскій по своимъ удобствамъ городъ по сравненію со столицею Гаваи.

Четыре или пять идущихъ параллельно улицъ застроены трехъ-, четырехъэтажными домами, въ зеркальныхъ окнахъ которыхъ выставлены всевозможные европейскіе товары, въ сравненіи съ которыми выборъ нашихъ ялтинскихъ показался бы столь же жалкимъ, какъ выборъ товаровъ сельской лавочки послѣ городского магазина. Прекрасные магазины модъ, книжныя

Гонолулу.

лавки, громадная безплатная читальня, библіотека, кондитерскія, фотографіи,—все носитъ американскій характеръ. Улицы прекрасно вымощены, снабжены широкими тротуарами, и, какъ вездѣ въ Америкѣ, цѣлый рядъ конокъ всегда къ услугамъ пѣшехода.

Вечеромъ электричество заливаетъ своимъ свѣтомъ оживленныя улицы, лишенныя, однако, всякой оригинальности.

Но стоитъ только сѣсть на одну изъ конокъ, и она быстро вывезетъ васъ изъ узкой полосы «Сити», чтобы помчать по широкимъ, прекрасно шоссированнымъ улицамъ, окруженнымъ огромными палисадниками, за которыми скрываются красивые каменные коттеджи и дачи. Впрочемъ, только тѣ части Гонолулу, которыя прилегаютъ непосредственно къ его «Сити», имѣютъ такой характеръ. Выше городъ дѣлается болѣе безпорядочнымъ. Преобладаютъ маленькія, наскоро сколоченныя изъ досокъ дачки, окруженныя маленькими и молоденькими садиками съ цвѣтущими олеандрами, китайскими розами и кактусами. Это преимущественно жилища португальцевъ.

Самая западная, зарѣчная часть города можетъ быть названа азіатскою.

Здѣсь не дома, а наскоро сколоченные изъ досокъ бараки, съ узкими лабиринтами, проходами между ними, всюду виднѣются китайскія вывѣски, носъ обоняетъ китайскіе ароматы.

Въ этомъ же кварталѣ на задворкахъ, затертые пришлыми рабочими, живутъ, главнымъ образомъ, и туземцы острова, или, говоря точнѣе, остатки этихъ туземцевъ, такъ какъ канаки, это—населявшее нѣкогда Сандвичевы острова племя, подъ вліяніемъ американской культуры, угасаетъ съ чрезвычайной быстротой.

Промышленность Гавайскихъ острововъ.

Мы покинули Гонолулу и посѣщаемъ одинъ островъ за другимъ; останавливаемся на какой-нибудь сахарной или кофейной плантаціи, проводимъ ночь въ избушкѣ изъ травы вмѣстѣ съ темнокожими и взбираемся верхомъ

или пѣшкомъ на горы, чтобы заглянуть на вулканы или побродить по давно потухшимъ кратерамъ.

Какъ это пріятно и интересно! Климатъ восхитительный, и солнце рѣдко бываетъ знойно, такъ какъ пассаты умѣряютъ его жаръ.

По мѣрѣ того, какъ мы ѣдемъ отъ одного острова къ другому, картины суши и моря мѣняются ежечасно. Вотъ мы ѣдемъ вдоль берега острова, защищеннаго отъ вѣтровъ. Мѣстность тутъ большею частью безплодная, и изъ воды поднимаются утесы, лишенные всякой растительности. Теперь мы обогнули островъ и подошли къ нему съ противоположнаго берега, и мы видимъ густую массу зелени, которая явилась результатомъ обильныхъ дождей, образовавшихся отъ сгущенія паровъ при соприкосновеніи ихъ съ холодными горами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣстность низкая и видиѣются большія сахарныя плантаціи блѣдно-зеленаго цвѣта. Въ другихъ суша круто подымается, образуя пропасти въ нѣсколько сотъ футовъ глубиною, съ которыхъ низвергаются серебристые водопады. Дальше, въ глубинѣ, стоятъ горы, надъ которыми облака какъ будто догоняютъ другъ друга и играютъ въ прятки на ихъ склонахъ.

Мы идемъ цѣлыя мили по лѣсамъ изъ древовидныхъ папоротниковъ и пальмъ, переплетенныхъ виноградными лозами до самыхъ верхушекъ деревьевъ; тутъ есть дикорастущіе кустарники въ цвѣту, которые похожи на гигантскіе букеты. Мы пытаемся собрать образчики различныхъ породъ папоротниковъ и орхидей, но ихъ такъ много, что съ отчаяньемъ отказываемся отъ этой мысли. Мы отдыхаемъ на бревнахъ, покрытыхъ такимъ толстымъ слоемъ моха, что утопаемъ въ нихъ, какъ на зеленомъ бархатномъ диванѣ; и пока мы такъ сидимъ, наши гавайскіе проводники

приносятъ намъ апельсиновъ, банановъ и дикорастущихъ яблокъ, собранныхъ съ деревьевъ, стоящихъ поблизости отъ насъ.

Ключевая вода имѣется почти вездѣ, но мы предпочитаемъ сокъ только что сорванныхъ кокосовыхъ орѣховъ и пьемъ его чрезъ отверстіе, продѣланное въ скорлупѣ.

А сахарный тростникъ! Зеленые стебли полны сладкаго сока, и мы сосемъ ихъ, какъ леденцы. На Гавайскихъ островахъ находятся однѣ изъ лучшихъ сахарныхъ плантацій міра. Онѣ даютъ столько сахару, что могли бы снабжать имъ ежегодно Соединенные Штаты и Европу и притомъ сохранять значительное количество для себя. Здѣсь болѣе 60 большихъ плантацій, которыя ежегодно приносятъ сахаръ, стоимостью въ нѣсколько милліоновъ долларовъ.

Сахарныя плантаціи тянутся вдоль береговъ и на нижнихъ склонахъ горъ. Онѣ обыкновенно принадлежатъ компаніямъ, имѣющимъ значительные капиталы, и раздѣлены на большіе участки, на которыхъ работаютъ тысячи туземцевъ и азіатскихъ рабочихъ подъ присмотромъ и руководствомъ управляющихъ изъ представителей бѣлой расы. Большая часть тяжелой работы исполняется японцами и китайцами, мужчинами и женщинами, которые живутъ въ маленькихъ деревняхъ, среди полей, почти такъ же, какъ на родинѣ.

Каждый участокъ имѣетъ свою лабораторію, гдѣ люди науки изслѣдуютъ почву и опредѣляютъ, въ какого рода удобреніи она нуждается, чтобы дать наилучшій урожай сахару. Они знаютъ, сколько сока содержитъ каждый фунтъ тростника и сколько изъ него выйдетъ сахару. На болѣе крупныхъ плантаціяхъ проведены рельсы, чтобы отвозить тростникъ на заводы.

На нѣкоторыхъ изъ такихъ плантацій вода для орошенія полей идетъ по деревяннымъ желобамъ, имѣющимъ нѣсколько миль въ длину и начинающимся въ горахъ. За этими водопроводами надо постоянно смотрѣть, такъ какъ они очень легко даютъ течь и ихъ нужно запирать и отпирать, чтобы направить воду, куда слѣдуетъ.

На нѣкоторыхъ поляхъ мы видимъ мужчинъ, занятыхъ посадкой тростника. Они разрѣзаютъ зеленый стебель на куски, въ нѣсколько дюймовъ длиною и съ нѣсколькими узлами каждый. Куски эти кладутся въ борозды, и чрезъ нѣсколько времени каждый узелъ даетъ ростокъ, выбивающійся изъ-подъ земли. Стебли въ короткое время достигаютъ высоты самыхъ высокихъ хлѣбныхъ растеній, а во время жатвы бываютъ еще выше. Тогда ихъ срѣзаютъ у самой земли, такъ какъ лучшій сахарный сокъ находится въ нижнихъ частяхъ стебля. Послѣ этого стебель, оставленный въ землѣ, опять даетъ новый побѣгъ и можно собрать вторую хорошую жатву, но на третій годъ надо снова прибѣгнуть къ посадкѣ.

Мы поджидаемъ людей, нагружающихъ тростникъ на телѣжки, и вскакиваемъ въ одну изъ нихъ, чтобы доѣхать до завода, гдѣ тростникъ сжимаютъ между валами, чтобы получить изъ него сокъ. Сокъ кипятятъ и очищаютъ при помощи машинъ, и когда это сдѣлано, онъ имѣетъ видъ сладкихъ, бѣлыхъ кусочковъ, какіе продаются въ нашихъ магазинахъ.

Кофе растетъ всего лучше на поляхъ, возвышающихся на 500 фут. и болѣе надъ уровнемъ моря. Это растеніе похоже на маленькое дерево, стволъ котораго выпрямленъ, какъ палка, и не толще большого пальца. У него блестящіе листья и бѣлые цвѣты, которые наполняютъ воздухъ чуднымъ ароматомъ.

Мы идемъ въ питомники, расположенные на склонахъ холмовъ, гдѣ деревья выращиваются изъ кофейныхъ бобовъ, и видимъ, какихъ это требуетъ заботъ. Мы идемъ вмѣстѣ съ рабочими на самыя поля и наблюдаемъ, какъ деревья пересаживаютъ, помогая иногда японцамъ и китайцамъ выкапывать ямы въ горячей красной землѣ. Кофейныя деревья растутъ медленно и только чрезъ три года послѣ пересадки даютъ первые плоды. Въ пять лѣтъ дерево приноситъ наибольшее количество плодовъ: оно даетъ по одному или по два фунта въ годъ. И такъ продолжается въ теченіе многихъ лѣтъ. Плодъ кофейнаго дерева растетъ совсѣмъ близко отъ ствола. Онъ похожъ на красную вишню, только вмѣсто косточки содержитъ въ себѣ одно или два кофейныхъ боба или зернышка, окруженныя мякотью. Эти сѣмена и идутъ въ продажу.

Ягоды собираютъ, когда онѣ поспѣютъ, и снимаютъ съ нихъ мякоть, а зернышки остаются въ двухъ тоненькихъ бѣлыхъ оболочкахъ, т.-е. въ шелухѣ. Зерна очищаются отъ шелухи при помощи особыхъ машинъ, которыя не портятъ самаго зерна.

Интересно наблюдать за китайцами на рисовыхъ плантаціяхъ. Рисъ растетъ въ долинахъ или на нижнихъ частяхъ склоновъ холмовъ, гдѣ мѣстность можно постоянно затоплять водою.

А банановыя рощи, спѣлые сладкіе апельсины, которые такъ привлекательны, когда растутъ на деревьяхъ, большія поля ананасовъ съ ихъ розовыми, слегка желтоватыми щечками! Какъ все это прекрасно!

Фрукты нашихъ магазиновъ нельзя сравнивать съ только что сорванными плодами. Здѣшніе ананасы полны соку, и маленькіе спѣлые опавшіе ананасы можно ѣсть чуть ли не ложками.

Ананасы растутъ на землѣ и похожи на капусту, только со всѣхъ сторонъ ихъ торчатъ остроконечные ланцетовидные листья, а на макушкѣ находится пучокъ острыхъ шиповъ. Бананы и ананасы вывозятся въ большомъ количествѣ въ Соединенные Штаты и другія страны.

Мы очень наслаждаемся обществомъ нашихъ маленькихъ гавайскихъ сородичей, которыхъ встрѣчаемъ повсюду. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ хижинахъ, сдѣланныхъ изъ травы, а другіе, болѣе богатые и образованные, живутъ, какъ бѣлые.

Варка пищи производится въ печи, т.-е. въ ямѣ, выложенной камнями. Камнями выложенъ и полъ ямы, а надъ нею устроенъ каменный сводъ. Внутри печки разводятъ огонь и, когда камни раскалятся докрасна, печка готова къ употребленію. Теперь сводъ ломается, и пища, завернутая въ банановые листья и другія растенія, кладется на раскаленные камни. Сверхъ всего насыпаютъ слой травы, а еще выше—слой земли, при чемъ оставляютъ наверху маленькую дырочку.

Въ эту дырочку наливаютъ воды и затѣмъ прикрываютъ отверстіе. Какъ только вода достигаетъ горячихъ камней, образуется паръ и пища варится. Такимъ образомъ приготовляются овощи, рыба, мясо и свинина. Чтобы свинья хорошенько прожарилась, ее заполняютъ горячими камнями внутри.

Банановые листья, въ которые заворачиваютъ всѣ кушанья, пропитываются сокомъ ихъ и представляютъ поистинѣ царское кушанье.

Почти къ каждому блюду подаютъ «ноі», и мы начинаемъ любить его. Это—одно изъ главнѣйшихъ туземныхъ блюдъ, и въ прежнее время оно играло у туземцевъ ту же роль, какую у насъ играетъ хлѣбъ. «Ноі»—нѣчто въ родѣ тѣста или мансовой каши; оно

приготовляется изъ корня таро—растенія, похожаго на ямсъ. Корень растираютъ, пока онъ не обратится въ тѣсто, и даютъ этому тѣсту немного перебродить. Обыкновенно его подаютъ въ чашкѣ; каждый изъ гостей запускаетъ въ нее свою руку и такимъ образомъ подноситъ «поі» къ своему рту. Это требуетъ большой ловкости, и проходитъ порядочное количество времени, пока мы выучиваемся дѣлать это вполнѣ прилично.

Наши темнокожіе друзья очень любятъ спортъ. Они охотники до лошадей, и многіе юноши и дѣвицы имѣютъ собственныхъ поні. Дѣвушки садятся на лошадь верхомъ и не боятся упасть, когда ѣдутъ по отлогому берегу или въѣзжаютъ далеко въ море.

Гавайцы любятъ море. Они не только плаваютъ въ немъ и ѣздятъ на лодкахъ, но «катаются на салазкахъ» во время прибоя, когда волны съ страшною силою ударяютъ о берегъ. Мы стараемся подражать имъ въ этомъ спортѣ и находимъ, что это очень весело. Наши салазки состоятъ изъ доски, имѣющей около восьми футовъ въ длину и одного фута въ ширину, загнутой съ одного конца. Каждый изъ насъ беретъ одну изъ такихъ досокъ и толкаетъ ее предъ собою, когда прибой несетъ его по волнамъ къ коралловому рифу, находящемуся недалеко отъ берега. Мы становимся на рифъ, внимательно слѣдимъ за волнами, которыя набѣгаютъ съ океана, и какъ разъ во-время бросаемся плашмя, вмѣстѣ съ доскою, на гребень самой большой изъ нихъ. Могучая волна несется съ быстротою вѣтра. Мы поднимаемся и падаемъ; если бы мы могли оглянуться, мы увидѣли бы другія волны позади нашей. Однако чрезъ нѣсколько мгновеній мы снова на верхушкѣ волны и оказываемся выброшенными на мягкій бѣлый песокъ. Мы беремъ наши доски,

идемъ на прежнее мѣсто и снова кидаемся въ море, наслаждаясь теплой водой и возможностью покататься на салазкахъ, не отморозивъ себѣ пальцевъ, среди лѣта, въ соленой водѣ Тихаго океана.

Огненное озеро.

Въ 6 ч. 30 м. утра мы подошли къ острову Гаваи. Вѣтеръ стихъ, и намъ было видно, какъ волны прибоя съ шумомъ ударялись о черные утесы лавы и взбирались вверхъ по теченію маленькихъ рѣкъ; пѣна поднималась громадными фонтанами, которые были выше кокосовыхъ пальмъ, и разбрасывала свои брызги далеко въ глубь острова. Мы ѣхали вдоль берега, и около двухъ часовъ пополудни нашъ корабль достигъ входа въ бухту Гило. Стояла ясная погода. Горы Мауна-Кеа и Мауна-Лоа были ясно видны отъ вершины до подошвы; гигантскія вершины ихъ достигаютъ 14.000 фут. высоты, склоны ихъ поросли деревьями и древовидными папоротниками и изрѣзаны громадными оврагами, въ глубинѣ которыхъ всегда течетъ въ море рѣка, источникъ плодородія.

По ту сторону рифа бѣлый коралловый берегъ, о который волны ударялись какъ-то лѣниво, окаймленъ поясомъ кокосовыхъ пальмъ, среди которыхъ, какъ и на склонахъ холмовъ, мелькаютъ маленькіе, красиво расположенные бѣлые домики.

На слѣдующее утро мы рано позавтракали и вышли на берегъ, готовые отправиться къ Килауеа. Сначала намъ пришлось ѣхать по ровной мѣстности, усѣянной ярко-красными цвѣтами, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, которыхъ много между городомъ и моремъ. Затѣмъ мы повернули направо, и скоро городъ остался за нами. На большомъ разстояніи съ моря мѣстность

около Гило кажется изумрудно-зеленой, но при ближайшемъ разсмотрѣніи видишь, что трава здѣсь завяла и высохла, и многія деревья похожи на скрубъ и наполовину засохли. Кромѣ овраговъ и глубокихъ долинъ, весь островъ покрытъ лавой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такой свѣжей, что она не успѣла еще вывѣтриться, и потому на ней лежитъ лишь очень тонкій слой почвы. Почва эта очень плодородна и быстро покрывается великолѣпной растительностью; но какъ только корни достигнутъ извѣстной глубины и дойдутъ до лавы, деревья вянутъ и погибаютъ.

Проѣхавъ миль 10 подъ палящими лучами солнца, мы достигли лѣса,—настоящаго тропическаго лѣса, растительность котораго по разнообразію формъ уступала развѣ только лѣсамъ Бразиліи и превосходящимъ ихъ по красотѣ лѣсамъ экваторіальной Полинезіи.

Ѣхать въ тѣни густой листвы было очень пріятно, но воздухъ въ лѣсу былъ спертый и душный, такъ что, проѣхавъ по лѣсу миль пять, мы очень обрадовались, выѣхавъ снова на открытое мѣсто. Во многихъ мѣстахъ открывался прекрасный видъ на море, которому, казалось, не было конца и которое можно было принять за синеву неба, если бы пѣнистыя волны, разбивавшіяся о черные утесы, и рощи кокосовыхъ пальмъ не выдавали присутствія берега.

По временамъ солнце палило отчаянно, и нѣсколько разъ дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Мы подвигались медленно, дорога была скучная и тяжелая, и многіе часто спрашивали, скоро ли мы достигнемъ гостиницы, расположенной на половинѣ пути.

Пообѣдавъ, мы снова сѣли на лошадей и отправились къ гостиницѣ «Вулканъ». Луна спряталась за облака, дорога освѣщалась исключительно крас-

нымъ свѣтомъ вулкана, и картина получалась замѣчательно красивая. Пріятно было ѣхать и по темному лѣсу, хотя было настолько темно, что нельзя было разглядѣть очертаній ближайшей передней лошади. Когда мы выѣхали изъ лѣсу, мы очутились на самомъ краю стараго кратера, основаніе котораго лежало на 300—400 футовъ ниже насъ и было окружено крутыми, мѣстами нависшими стѣнами. Кратеръ походилъ на котелъ, въ 4—5 миль шириною, наполненный застывшей смолою. Въ серединѣ виднѣлся еще раскаленный потокъ темно-красной лавы, который медленно надвигался на насъ, и кругомъ со всѣхъ сторонъ можно было замѣтить огненно-красныя пятна, огонь и дымъ, выходящіе изъ-подъ земли. Однако сначала мы испытали разочарованіе. Мы ожидали отъ вулкана большей быстроты дѣйствія.

На слѣдующій день мы отправились въ путь въ 3 часа пополудни. Насъ было 8 человѣкъ и, кромѣ того, два носильщика и три проводника. Прежде всего намъ пришлось спуститься въ пропасть, въ 300 футовъ глубиною, которая составляла стѣнку стараго кратера, теперь покрытую густою растительностью. Мѣстами спускъ такой крутой, что устроены деревянныя ступеньки, идущія зигзагами, иначе спуститься было бы совсѣмъ невозможно. Спустившись донизу, мы очутились на поверхности застывшей лавы, которую видѣли вчера сверху.

Удивительно, что даже здѣсь, въ каждой трещинѣ, гдѣ была хоть горсточка земли, можно было натолкнуться на нѣжный, низкорослый папоротникъ, который выгягивалъ свою головку по направленію къ свѣту. Намъ предстояла очень интересная переправа чрезъ обширное поле лавы. Лава имѣетъ неровную поверхность; причудливыя формы ея зависятъ оттого,

до какой температуры лава была первоначально нагрѣта и насколько быстро она остывала; поверхность ея трескалась и ломалась подъ нашими ногами, какъ полурасплавленное стекло.

Иногда мы подходили къ мѣсту, которое походило на горшокъ, неожиданно окаменѣвшій въ то время, какъ въ немъ происходила варка; мѣстами черная блестящая лава принимала форму волнъ, а еще чаще огромныхъ массъ каната; иногда же она высилась въ видѣ столбовъ, напоминающихъ органныя трубы, или же имѣла видъ холмовъ и конусовъ самыхъ различныхъ размѣровъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, лава становилась все болѣе и болѣе горячей, и изъ каждой трещины поднимались пары, очень непріятные для носа и глотки; когда же мы приблизились съ подвѣтренной стороны къ потоку расплавленной лавы, выходившему изъ озера, мы чуть не задохлись отъ зловонныхъ газовъ. Лава болѣе, чѣмъ прежде, походила на стекло и казалась прозрачной, какъ будто она подверглась болѣе высокой температурѣ плавленія, и сквозь нее мы могли разглядѣть длинныя полосы какой-то клейкой болѣе темной лавы. Наконецъ мы достигли дна нашего кратера и начали взбираться по наружной стѣнкѣ его. Нѣсколько разъ тонкая кора ломалась подъ ногами нашего проводника, и тогда онъ скорѣе отдергивалъ ногу, такъ какъ изъ этого мѣста немедленно вырывались горячіе, удушливые и ослѣпляющіе газы. Но намъ удалось добраться доверху, и зрѣлище, которое мы увидѣли, такъ поразило меня, что въ первый моментъ я не могла ни говорить, ни шевельнуться и молча созерцала развернувшуюся предъ нами величественную картину.

Мы стояли на самомъ краю пропасти, которая нависла надъ озеромъ расплавленной лавы; лава была

на 100 футовъ ниже насъ и имѣла цѣлую милю въ ширину.

Волны огненно-красной жидкой лавы ударялись объ утесы противоположной стороны кратера съ шумомъ, напоминавшимъ ревъ бушующаго моря; онѣ взбирались вверхъ по утесамъ и разсыпались кровавыми брызгами, взлетавшими на большую высоту. Вѣчно волнующееся и никогда не знающее отдыха озеро кипѣло и покрывалось пузырями, и видъ его мѣнялся ежеминутно.

Оно имѣло тусклый темно-красный цвѣтъ и было покрыто тонкой сѣрой пленкой, которая постоянно вздувалась пузырями и снова лопалась, извергая при этомъ фонтаны, каскады и крутящіеся столбы желтаго и краснаго огня: иногда же всю поверхность озера пересѣкала одна, а то вдругъ и 4—5 золотыхъ рѣкъ. Въ одномъ углу озера былъ островъ, который непрерывно и съ неубывающей яростью осаждался огненными волнами, какъ будто онѣ хотѣли сбросить его съ основанія. На другой сторонѣ была большая пещера, въ которую огненная масса вторгалась съ громкимъ ревомъ, сокрушая на своемъ стремительномъ пути гигантскіе сталактиты, свѣшивавшіеся у входа въ пещеру.

Все это такъ величественно и прекрасно, что не хватаетъ словъ для описанія картины. Когда же солнце сѣло и все очутилось во мракѣ, мы почувствовали еще большій страхъ и благоговѣніе. Лава отчаянно боролась за то, чтобы выбиться изъ своего огненнаго ложа и дѣлала это съ трескомъ и оглушительнымъ шумомъ; можно было подумать, что какія-то поïманныя чудовища пытаются выбиться изъ своего заточенія и пронзительно кричатъ и стонутъ отъ отчаянія, когда видятъ, что всѣ старанія ихъ напрасны. Иногда на краю озера можно было видѣть, по краïней мѣрѣ,

7 мѣстъ, въ которыхъ расплавленная лава бѣшено ударялась о скалы, такъ что 7 огненныхъ фонтановъ били одновременно. По мѣрѣ возрастанія темноты цвѣтъ огненной массы становился все болѣе и болѣе удивительнымъ, переходя отъ чернаго, какъ смоль, къ самому свѣтлому сѣрому, отъ темно-каштановаго къ вишневому, пурпуровому и, наконецъ, блѣдно-розовому, лиловому и синему; отъ темно-коричневаго къ оранжевому, желтому, къ цвѣту свѣтлой соломы. Былъ еще одинъ оттѣнокъ, но его можно опредѣлить только словами: цвѣтъ расплавленной лавы.

Даже дымъ и газы получали красивый отблескъ, а черные утесы, скалы и вершины, окружавшіе амфитеатръ, служили прекраснымъ фономъ для всей картины.

Иногда большія глыбы отламывались и съ шумомъ низвергались въ огненное озеро съ тѣмъ, чтобы тамъ снова расплавиться.

Окинувъ прощальнымъ взоромъ эту мѣстность, которая приковывала наше вниманіе много часовъ, мы отправились въ обратный путь. Онъ былъ не легокъ: мы шли гуськомъ и безпрекословно исполняли приказаніе нашего проводника, шедшаго впереди, не отступать отъ него ни на шагъ и аккуратно ступать по его слѣдамъ.

Распознавать дорогу днемъ было легче, чѣмъ ночью, такъ какъ теперь мы могли видѣть опасныя мѣста, присутствіе которыхъ мы раньше только чувствовали; въ большинствѣ случаевъ это были огненныя трещины, чрезъ которыя мы шагали или перепрыгивали. Одинъ разъ я поскользнулась, и моя нога проломила тонкую кору лавы. Изъ глубины показались искры, и палка, на которую я опиралась, загорѣлась прежде, чѣмъ я успѣла опомниться.

Изъ путешествій Кука.

Когда Кукъ въ третье свое путешествіе достигъ Сандвичевыхъ острововъ, то его суда наткнулись не на мелкіе сѣверо-западные острова, а на большіе юго-восточные острова этой цѣпи, которая простирается въ океанѣ на многія сотни верстъ. Самый большой былъ островъ Гаваи. Кукъ объѣхалъ его кругомъ, на что потребовалось 7 недѣль, и вошелъ въ заливъ Каракакуа, въ западной части острова. Высокія горы острова произвели на мореплавателей очень сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что пологія вершины ихъ были одѣты вѣчнымъ снѣгомъ, и это здѣсь, въ тропическомъ морѣ! Къ тому же эти громады оказались дѣйствующими вулканами. Наибольшей высоты достигли три горы: Мауна-Кеа, Мауна-Лоа и Килауеа.

Множество челноковъ собралось вокругъ медленно двигавшихся судовъ, и можно было догадаться, что сюда уже дошла вѣсть съ далекихъ острововъ о прибытіи странныхъ пришельцевъ. Туземцы радостно вошли въ своихъ челнахъ, и эти крики и жесты ихъ показывали, что они исполнены глубокаго почтенія и довѣрія къ невиданнымъ существамъ.

Суда бросили якорь въ заливѣ Каракакуа у большого селенія Коврова. За толпами простыхъ туземцевъ появились скоро знатные, которые живо согнали тѣхъ съ палубы. И слѣдовало, потому что туземцевъ набралось столько, что судно сильно накренилось на бокъ. Эти знатные, или вожди, пользовались такимъ почтеніемъ, что достаточно было одного слова, даже взгляда ихъ, чтобы «чернь» поспѣшно исполняла ихъ приказаніе.

Вмѣстѣ съ вождями явились жрецы. Старѣйшій изъ нихъ, по имени Коа, почтительно привѣтствовалъ Кука.

Онъ произнесъ на палубѣ рѣчь, и уже тутъ англичанамъ показалось, что въ лицѣ Кука жрецъ привѣтствовалъ какое-то божество. Когда Кукъ отправился на берегъ, этотъ жрецъ держался все время около него. Тамъ его встрѣтили 4 туземца съ жезлами; они пошли впереди его и все время громкими голосами выкликали одно какое-то непонятное изреченіе. Народъ почтительно разступался предъ ними и скрывался поспѣшно въ хижины, а кто не успѣвалъ сдѣлать этого, падалъ ницъ на землю. Коа повелъ Кука по тропинкѣ въ гору къ большому мораи, окруженному деревянной оградой, на шестахъ которой торчали черепа людей, принесенныхъ въ жертву богамъ. Въ мораи стояло много деревянныхъ идоловъ съ ужасными дико искаженными лицами. Нѣкоторыя изъ этихъ божествъ, вѣроятно, наиболѣе почитаемыя, были покрыты кусками красной ткани. Предъ однимъ идоломъ валялись на столѣ полуразложившіяся останки свиньи, лежавшія на стебляхъ сахарнаго тростника, бананахъ и другихъ плодахъ. Кромѣ идоловъ, въ мораи стоялъ еще высокій деревянный помостъ. Жрецъ Коа знаками попросилъ Кука взобраться туда.

Едва Кукъ очутился наверху, какъ въ мораи вошла процессія туземцевъ, которые принесли въ жертву новому богу свинью и кусокъ красной ткани. Коа обернулъ ею Кука и распростерся передъ нимъ ницъ, произнося молитвы, а остальные жрецы пѣли какое-то славословіе. Когда Кукъ спустился съ помоста, Коа взялъ его руку и привелъ къ двумъ идоламъ, между которыми посадилъ его. Немедленно появилась новая процессія туземцевъ, принесшая Куку въ жертву вторую свинью, плодъ хлѣбнаго дерева и кокосовые орѣхи и все это съ пѣніемъ молитвъ, въ которыхъ постоянно повторялось одно и то же слово «Ороно». Послѣ этой

церемоніи глашатаи съ жезлами отвели его на берегъ, и опять всѣ встрѣчные преклонялись предъ нимъ до земли.

Вожди одинъ за другимъ являлись къ Куку съ дарами и подносили ихъ съ благоговѣніемъ. Жрецы тоже ежедневно доставляли на корабли свиней и плоды, точно это было обязательное приношеніе. Между тѣмъ мореплаватели разбили на берегу возлѣ моран палатку и разставили тамъ свои астрономическіе инструменты. Жрецы каждый день ходили мимо нихъ въ кокосовую рощу, гдѣ отправляли богослуженіе, а затѣмъ являлись къ нимъ и оказывали имъ всевозможныя услуги. А чтобы чернь не безпокоила дорогихъ гостей въ ихъ занятіяхъ, жрецы объявили это мѣсто «табу», т.-е. священнымъ, такимъ, куда никто изъ туземцевъ не смѣлъ ступить ногой.

Въ одинъ прекрасный день жрецы объявили «табу» весь берегъ. Оживленный до того берегъ опустѣлъ, и всѣ туземцы боязливо попрятались въ свои хижины.

Казалось, ждали какое-то очень важное лицо. Дѣйствительно, скоро разнесся слухъ, что сюда прибудетъ могучій властелинъ Оваихи, по имени Терреобу. Англичане увидѣли съ кораблей, какъ отъ берега отчалили три туземныхъ лодки, направившихся къ судамъ. Въ первой лодкѣ сидѣлъ самъ царь, старый худощавый туземецъ, окруженный блестящей свитой. Всѣ придворные были разодѣты въ пухъ и прахъ, такъ что разноцвѣтные шлемы и плащи ихъ видѣлись издали. Во второй лодкѣ сидѣлъ верховный жрецъ съ другими жрецами. Они везли громадныя изображенія боговъ. Эти боги были сплетены изъ прутьевъ и были искусно утыканы яркими перьями. Безобразныя головы ихъ были украшены парой гро-

мадныхъ глазъ изъ перламутра, въ срединѣ которыхъ пара черныхъ орѣховъ изображали зрачки. Разверстыя пасти ихъ открывали взору два ряда бѣлыхъ собачьихъ зубовъ, что придавало лицамъ кумировъ ужасное и отталкивающее выраженіе. Третья лодка была доверху нагружена отборными припасами. Съ торжественнымъ пѣніемъ приблизились лодки къ судамъ, медленно объѣхали ихъ и вернулись къ берегу. Тогда Кукъ спустился въ шлюпку и послѣдовалъ за ними на берегъ, гдѣ привѣтствовалъ царя. Царь повѣсилъ ему на плечи свою королевскую мантію, нахлобучилъ на голову цѣнный пуховый шлемъ и вручилъ ему свой вѣеръ изъ пальмовыхъ листьевъ. Кромѣ этого, онъ подарилъ Куку еще нѣсколько драгоцѣнныхъ красныхъ мантій и весь грузъ третьей лодки. Кукъ отвезъ царя со всей его свитой къ себѣ на корабль, гдѣ принялъ его съ царскими почестями. Онъ подарилъ царю тонкую бѣлую рубаху и опоясалъ его своей собственной шпагой.

Оружіе и орудія полинезійцевъ.

Отсутствіе желѣза очень замѣтно отражается на оружіи и утвари полинезійцевъ. Большая часть полинезійскихъ острововъ лишены руды. Изъ камней, костей, зубовъ и дерева они дѣлали почти все, что только можно было сдѣлать.

Ихъ орудія для судоходства и рыболовства, лодки и удочки, показываютъ умѣнье и даръ изобрѣтательности. Какъ только они узнали желѣзо, они сумѣли, въ противоположность австралійцамъ, тотчасъ же воспользоваться имъ.

Камень былъ самымъ цѣннымъ матеріаломъ для всѣхъ тяжелыхъ орудій, преимущественно для *молотковъ* и *боевыхъ сѣкиръ*.

Проще всѣхъ топоры острова Пасхи, выбитые прямо изъ лавы, которые вслѣдствіе своей ширины и короткой рукоятки, болѣе напоминаютъ ножи, чѣмъ топоры. Но встрѣчаются и нарядные топоры чрезвычайно тонкой работы, игравшіе роль начальническихъ знаковъ.

Главнымъ оружіемъ и у полинезійцевъ были копья, сдѣланныя изъ кокосовой пальмы и украшенныя съ особой тщательностью.

Полинезійская палица изготовлялась по большей части изъ тяжелаго желѣзнаго дерева и украшалась красивымъ вырѣзнымъ рисункомъ.

Самыя красивыя палицы имѣли форму весла. Орнаменты состояли изъ прямыхъ и ломанныхъ линій, при чемъ всегда видна, грубо очерченная, человѣческая фигура; встрѣчаются также рисунки рыбъ, черепахъ, звѣздъ и проч. Бываютъ и гладкія палицы, совершенно плоскія и веслообразныя.

Разукрашенные топоры и палицы рѣдко употребляются на войнѣ.

Въ качествѣ инструментовъ намъ извѣстны зубы акулы, вставленные въ деревянную рукоятку, замѣнявшіе рѣзецъ, а также деревянная дуга съ такими же зубами на обоихъ концахъ — первобытный циркуль. Оружіе изъ зубовъ акулы употреблялось на островахъ Товарищества и Гавайскихъ; мечъ изъ вѣтви казуарины, усаженный зубами акулы, считался самымъ страшнымъ оружіемъ.

Украшеніе и одежда полинезійцевъ.

Татупровка полинезійцевъ и маорійцевъ въ Новой Зеландіи объясняется религіозными вѣрованіями; она считается священнымъ дѣломъ, которое жрецы выполняютъ съ молитвами и пѣснопѣніями. Часто вырѣзываются фигуры священныхъ животныхъ—змѣй и ящерицъ.

Подобно татупровкѣ, украшеніе перьями у полинезійцевъ связано съ ихъ религіей.

Птицы принадлежатъ къ священнымъ животнымъ: въ особенности это можно сказать о птицѣ, которая своими красными перьями доставляетъ самыя излюбленныя украшенія полинезійцевъ, о птицѣ-фаэтонъ. Ни на одинъ предметъ торговли на островахъ Товарищества не было такого спроса въ прежнее время. Изъ перьевъ приготовлялись самые цѣнные головные уборы, діадемы, шейныя кольца. Красныя перья считались драгоцѣнностями, которыя еще 40 лѣтъ тому назадъ позволялось носить лишь знатнымъ людямъ.

Желтыми перьями также украшались головные уборы. Кромѣ того, для украшеній употребляются самыя разнообразныя бездѣлушки. Море своими разноцвѣтными раковинами доставляетъ для этого богатый матеріалъ. Цвѣты и листья растеній, кости и зубы животныхъ, бусы изъ птичьихъ костей, серьги изъ шкуры альбатроса, гвозди и куски желѣза,—все это употребляется въ видѣ украшеній.

Приготовленіе ткани „тапа“.

Приготовленіе тканей составляетъ одно изъ самыхъ интересныхъ производствъ этихъ странъ. Всѣ ткани дѣлаются изъ коры деревьевъ; лучшія изъ нихъ дѣла-

ются изъ растенія, которое выращиваютъ спеціально для этой цѣли.

Когда это растеніе достигаетъ высоты 6 или 8 футовъ, и стволъ его становится приблизительно такой, какъ большой палецъ или немного толще, растеніе срѣзаютъ и на время кладутъ въ воду. Послѣ этого кора легко отстаетъ, и ее снимаютъ при помощи твердой раковины. Длинныя нити, напоминающія полотно, расщипанное въ корпію, склеиваются при помощи клея, приготовленнаго изъ какихъ-то корней. Послѣ этого ткань выколачивается при помощи деревянныхъ палокъ, пока не достигнетъ надлежащей ширины и мягкости, при чемъ все время она смачивается водою и растягивается на длинномъ квадратномъ кускѣ дерева. Палки четырехгранныя и сдѣланы изъ очень твердаго дерева; онѣ имѣютъ отъ 3 до 4 дюймовъ въ ширину и на нихъ есть выемки различной глубины; выемки служатъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы облегчить выколачиванье; часто при этомъ заколачивается ткань до дыръ, или же она въ разныхъ мѣстахъ получается различной толщины; по этому легко помочь, замазавъ прорванное мѣсто клеемъ, при чемъ испорченное мѣсто становится совершенно незамѣтнымъ. Лучшіе сорта матеріи, когда они выбѣлены, очень похожи на тонкія хлопчато-бумажныя ткани. Чтобы получить болѣе толстую ткань, двѣ или нѣсколько тонкихъ склеиваются вмѣстѣ при помощи того же клея. Толстыя грубыя матеріи и обыкновенныя тонкія дѣлаются изъ коры хлѣбныхъ деревьевъ и иногда изъ коры и другихъ деревьевъ.

Матеріи изготовляются исключительно женщинами, и ни одна женщина не гнушается этой работой. Матеріи всего чаще окрашиваютъ въ красный, коричневый или желтый цвѣтъ, смотря по желанію.

Распредѣленіе труда у полинезійцевъ и микронезійцевъ.

Почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ трудъ распредѣленъ между мужчинами и женщинами на основаніи твердо установленнаго обычая. Обыкновенно на обязанности женщины лежитъ добываніе и приготовленіе растительной пищи, а большею частью также и постройка хижины, тогда какъ на долю мужчины достается охота и обработка доставляемыхъ ею животныхъ продуктовъ.

Тамъ, гдѣ населеніе занимается скотоводствомъ, дѣломъ мужчины является пастьба скота, сооруженіе загоновъ для него, доеніе и т. п. Это раздѣленіе труда часто носитъ настолько рѣзкій характеръ, что почти можно было бы говорить о двухъ хозяйствахъ въ семьѣ—одномъ мужскомъ и другомъ женскомъ.

Подобныя же черты можно найти и въ хозяйствѣ полинезійцевъ и микронезійцевъ, съ той лишь разницей, что мѣсто охоты занимаютъ рыбная ловля и разведеніе мелкаго скота.

Въ Новой Помераніи работы строго раздѣляются на производимыя мужчинами и мальчиками и на производимыя исключительно женщинами и дѣвочками. Къ работамъ, исполняемымъ мужской половиной населенія, принадлежатъ: производство и содержаніе въ исправности оружія и рыболовныхъ снарядовъ, особенно корзинъ для рыбной ловли и принадлежащихъ къ нимъ канатовъ, разстановка сѣтей въ морѣ и ежедневный осмотръ ихъ, постройка челнока и хижинъ, а въ лѣсныхъ районахъ, кромѣ того, рубка деревьевъ и корчеваніе пней въ мѣстахъ, предназначаемыхъ подъ

новыя насажденія, а также устройство изгородей для защиты полей отъ дикихъ свиней.

На обязанности женщинъ, кромѣ ухода за маленькими дѣтьми, лежитъ еще: приготовленіе пищи, перекапываніе земли и посадка растеній, сборъ полевыхъ плодовъ и доставка на собственныхъ плечахъ тяжело наполненныхъ корзинъ на рынокъ, часто находящійся на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ поля.

Нѣкоторыми работами занимаются и женщины и мужчины. Сюда относятся: крученіе грубыхъ нитокъ изъ лыка, изъ которыхъ плетутъ сѣти для рыбной ловли, плетеніе корзинъ изъ тонко нащипанныхъ лучинъ и листьевъ, тканье изъ коры дерева очень грубой матеріи, въ которую женщины завертываютъ грудныхъ дѣтей, чтобы защитить ихъ отъ холода.

Наконецъ мы еще узнаемъ, что мужчины и женщины у этихъ народовъ также ѣдятъ отдѣльно, маленькія дѣти и дѣвочки вмѣстѣ съ женщинами, а мальчики вмѣстѣ съ мужчинами.

На островахъ Фиджи мужчины приготовляютъ кушанья, которыя приходится жарить внѣ дома на раскаленныхъ камняхъ. Въ настоящее время они ограничиваются лишь жареньемъ свинины, между тѣмъ какъ прежде на долю мужчинъ приходилось также приготовленіе человѣческаго мяса. На Палаузскихъ островахъ приготовленіе сладкихъ кушаній составляетъ обязанность женщинъ, а приготовленіе мясныхъ—обязанность мужчинъ. У большинства океаніійскихъ племенъ женщины и мужчины не должны ѣсть вмѣстѣ, а первыя не смѣютъ ѣсть то, что приготовляется послѣдними. Повидимому, у нихъ также старательно избѣгаютъ ѣсть изъ одного сосуда съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Табу.

«Табу» имѣло значеніе запрещенія. Оно запрещало вступать въ нѣкоторыя мѣста, употреблять извѣстную пищу, касаться разныхъ предметовъ, пользоваться извѣстными словами, предаваться тому или другому роду занятій. Если кто, напримѣръ, тронулъ трупъ начальника, онъ на нѣсколько мѣсяцевъ подвергался табу, т.-е. не смѣлъ своими руками подносить пищи ко рту и долженъ былъ ѣсть изъ чужихъ рукъ. Если онъ голоденъ и нѣтъ никого, кто бы накормилъ его, то ему оставалось только ползти на четверенькахъ и брать ртомъ попадающіеся съѣстные припасы.

Табу имѣло очень различный характеръ. Иногда налагали его правители или жрецы, иногда оно являлось необходимымъ для общаго блага распоряженіемъ или охраною имущества. Личность начальника, его воиновъ, все, что имъ принадлежало, особенно орудія, украшенія, матеріи и проч., все, до чего они прикасались, было — табу. Такимъ образомъ ихъ вещи были обезпечены отъ воровства и порчи.

Однажды, говорилъ одинъ путешественникъ по Новой Каледоніи, проходя по деревнѣ съ однимъ проводникомъ, я увидалъ, что онъ положилъ свое платье на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ тропинки и помѣстилъ сверху стебель травы, который связалъ извѣстнымъ образомъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь? — говорю я ему.

— Я оставляю рубашку, чтобы взять ее вновь, когда мы будемъ возвращаться домой.

— А если ее украдутъ?

Развѣ въ твоей странѣ могли бы украсть рубашку, на которую наложено табу? — отвѣтилъ онъ,

Миѳологія полинезійцевъ.

Полинезійцы имѣютъ очень богатую миѳологію, которая бережно сохраняется въ высшихъ классахъ населенія.

Миѳологія эта отличается необыкновенной ясностью и простотою. Центральной фигурой всей миѳологіи является богъ солнца, Мауи, сынъ Ранги и Папы, т.-е. Неба и Земли. Солнечные лучи — это тѣ нити, которыми небо связано съ землею; ихъ хорошо видно на зарѣ, когда онѣ особенно длинны и ясно разъединены.

Мать Мауи, тотчасъ послѣ его рожденія, завернула его въ локонъ изъ волосъ и бросила въ море. Одна рыба проглотила мальчика. Но чрезъ нѣсколько времени рыбу выплеснуло на берегъ. Прилетѣли птицы и стали клевать ее.

Въ это время явился богъ неба, отецъ мальчика, разрѣзалъ рыбу и отнесъ Мауи домой. Тамъ онъ положилъ его подъ крышей, чтобы онъ ожилъ, согрѣтый огнемъ.

Тутъ все понятно. Завернутый въ локонъ волосъ, т.-е. окутанный лучами заходящаго солнца, солнечный богъ попадаетъ въ зіяющую бездну моря, олицетвореннаго въ видѣ пасти рыбы.

Разрѣзъ рыбы, произведенный для того, чтобы освободить Мауи, это —восходъ солнца.

Когда Мауи выросъ, онъ совершилъ много подвиговъ, но мы не всегда можемъ ими восхищаться. Для бога солнца это неудивительно: солнце, съ одной стороны, приноситъ добро и вызываетъ все къ жизни, съ другой—убиваетъ и губитъ своими знойными лучами. Не нужно также забывать, что всѣ эти миѳы сложились независимо отъ нашихъ понятій о добрѣ и злѣ.

Вотъ какъ Мауи задумалъ украсть огонь и дать его людямъ.

Мауи сказалъ своей матери:

– Я хочу достать огонь и принести его людямъ. Но какой дорогѣ я долженъ итти, чтобы найти его?

Родители его, хорошо знавшіе окружающую мѣстность, сказали ему:

— Иди по широкому пути, который разстилается прямо предъ тобою, и ты дойдешь до жилища твоей прабабушки. Если она спроситъ, кто ты, назови свое имя, тогда она пойметь, что ты изъ ея потомства. Совѣтуемъ тебѣ не позволять себѣ съ ней никакихъ шутокъ. Мы слышали, что ты дѣйствуешь, какъ одаренный высшими силами, и любишь обманывать и мучить людей. Быть-можеть, ты задумалъ обмануть и свою прабабушку. Оставь эту мысль и будь остороженъ!

Мауи отвѣтилъ:

Я ничего не желаю, только бы достать огня для людей, вотъ и все, и я вернусь какъ можно скорѣе.

Съ этими словами онъ отправился въ путь и достигъ жилища богини огня. То, что онъ тамъ увидѣлъ, поразило его несказанно, такъ что долгое время онъ оставался безмолвенъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Богиня, гдѣ твой огонь? Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы попросить его у тебя.

Старая богиня встала, выпрямилась и сказала:

– Ау-э! Кто этотъ смертный?

Онъ отвѣтилъ:

Это—я.

– Откуда ты? — спросила она.

Изъ этой страны.

Ты не изъ этой страны. Ты не похожъ на жителей этихъ мѣстъ. Не съ сѣверо-востока ли ты?

— Нѣтъ.

- Не съ юго-востока ли?

Нѣтъ.

Не съ юга ли?

Нѣтъ.

Не съ запада ли?

Нѣтъ.

— Не съ той ли ты стороны, откуда дуетъ вѣтеръ прямо на меня?

И онъ сказалъ:

Я оттуда.

— О! — сказала она.— Въ такомъ случаѣ ты мой правнукъ! Что тебѣ здѣсь нужно?

Я пришелъ просить тебя дать мнѣ огонь.

Хорошо, вотъ тебѣ огонь!

Съ этими словами старуха вытащила одинъ изъ своихъ ногтей и при этомъ изъ него показалось яркое пламя; старуха дала ему огонь. Мауи это показалось очень страннымъ. Онъ отошелъ немного въ сторону, потушилъ огонь, потомъ вернулся и сказалъ:

— Огонь, который ты мнѣ дала, потухъ. Дай мнѣ другой.

Она взялась за другой ноготь, вырвала его и въ видѣ огня дала его Мауи.

И тотъ снова отошелъ немного въ сторону, снова потушилъ огонь, вернулся и сказалъ:

— О, богиня, пожалуйста, дай мнѣ еще огня, такъ какъ онъ снова погасъ.

И такъ онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока она не вырвала всѣхъ ногтей одной руки, потомъ другой.

Тогда пришлось продѣлать то же и на пальцахъ ногъ, и всѣ ногти оказались вырванными, кромѣ ногтя одного большого пальца.

Старуха подумала: «Этотъ молодецъ, вѣрно, затѣялъ что-то недоброе».

Она вытащила послѣдній ноготь, и онъ тоже обратился въ огонь. Но она бросила его на землю, и все кругомъ загорѣлось. Она крикнула Мауи:

— Теперь ты получилъ все!

Мауи пустился бѣжать, но огонь бѣжалъ за нимъ и преслѣдовалъ его по пятамъ. Тогда онъ обернулся легкокрылымъ орломъ и съ быстротою молніи понесся прочь.

Огонь продолжалъ слѣдовать за нимъ и едва не настигъ его. Орелъ бросился въ прудъ. Но вода пруда была такъ горяча, что едва не кипѣла, а лѣсъ вездѣ кругомъ былъ объятъ пламенемъ, такъ что спастись было негдѣ. И Мауи чуть не погибъ въ огнѣ.

Не видя нигдѣ спасенія, въ полномъ отчаяніи, Мауи сталъ взывать къ своимъ предкамъ, прося ихъ послать ему на помощь водяные потоки. И что же? Поднялся вѣтеръ, и полилъ такой сильный и продолжительный дождь, что огонь потухъ, и сама богиня огня прабабушка Мауи, чуть не погибла.

И здѣсь картина настолько ясна, что не требуетъ разъясненій. Болѣе чудное описаніе восхода солнца трудно себѣ представить. Невольно вспоминаешь о греческой Эосъ съ ея розовыми перстами. Только въ тропическомъ поясѣ эти розовые персты обратились въ огненныя полосы.

Мауи выѣхалъ на лодкѣ въ океанъ. Онъ запустилъ свою удочку въ море и, вытягивая ее изъ воды, вытаскивалъ не простыхъ рыбъ,—нѣтъ. То были острова, освѣщаемые первыми лучами солнца. Но скоро Мауи замѣтилъ, что солнце двигается слишкомъ быстро; онъ приготовилъ арканъ и накинулъ его на солнце, чтобы заставить его замедлить свой ходъ. Солнце ста-

рается выбиться изъ петли, движется медленнѣе и, наконецъ, обезсиленное, скатывается къ горизонту. Тутъ олицетворяется полуденное солнце, которое двигается сравнительно медленно и лѣниво.

А вотъ и описаніе солнечнаго заката.

Мауи понимаетъ, что ему нельзя больше оставаться на землѣ. Отецъ сказалъ ему, что его ждетъ смерть и настигнетъ его въ лицѣ Гине-нуи-те-по, которая блеснетъ молніей и откроетъ свою пасть въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо сходится съ землею. Мауи рѣшается побѣдить эту богиню. Вѣдь онъ совершилъ уже не мало подвиговъ! Онъ беретъ съ собою нѣсколько птицъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы онѣ не смѣялись, когда онъ будетъ влѣзать въ пасть чудовища; смѣяться можно, когда онъ снова вылѣзетъ изъ него; тогда чудовище умретъ; иначе же погибнетъ онъ самъ. Мауи раздѣвается, при чемъ обнаруживается прекрасная, божественная татуировка его тѣла, и лѣзетъ въ пасть. Въ это мгновеніе маленькая птичка тивакавака громко расхохоталась; Гине-нуи-те-по проснулась и убила Мауи.

Если бы Мауи не умеръ, не умирали бы и люди.

Гине-нуи-те-по, морская богиня ночи, богиня луны, царящей надъ мертвыми, олицетворяется здѣсь въ видѣ рыбы, поглощающей заходящее солнце. Красиво расписанное тѣло—послѣдняя краса заходящаго солнца. И если говорятъ, что своею смертью Мауи принесъ смерть людямъ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что солнце тянетъ за собою души умершихъ въ царство Миру.

Въ странѣ гейзеровъ.

Озеро Роторуа съ его окрестностями представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей на земномъ шарѣ. Съ недавняго времени Роторуа соединенъ

желѣзной дорогой съ Ауклендомъ; одинъ день пути— и я очутился въ знаменитой странѣ вулкановъ.

Я живу среди гейзеровъ и кипящихъ источниковъ; съ веранды отеля я могу наблюдать самыя любопытныя явленія. Съ первой минуты пріѣзда запахъ сѣры щекочетъ горло.

Роторуа находится приблизительно въ центрѣ вулканической полосы, которая тянется, начиная отъ Аукленда, до вулкана Руапеху на югѣ.

На всемъ этомъ пространствѣ встрѣчается невѣроятное множество самыхъ разнообразныхъ большихъ и малыхъ дѣйствующихъ кратеровъ, изверженія которыхъ насыщаютъ воздухъ сѣрными парами. Обоняніе, въ концѣ-концовъ, привыкаетъ къ этому запаху, но металлическіе предметы, кольца, часы, булавки отъ этихъ испареній скоро чернѣютъ и портятся.

Мои золотые часы сдѣлались красиваго бронзоваго цвѣта и остановились. Пріѣхавъ сюда въ первый разъ вечеромъ, я едва могъ побороть въ себѣ непріятное ощущеніе: изъ почвы выдѣляются бѣловатые пары, сопровождаемые подземнымъ гуломъ, это не можетъ не тревожить васъ помимо воли. Растительности никакой, кромѣ тощихъ манукъ; папоротники особаго вида окружаютъ отверстія, откуда прорывается подземный огонь. Мѣстность волнистая; довольно высокія горы господствуютъ надъ широкою гладью озера Роторуа, а рядомъ съ этими водами маленькія сѣрныя облачка бѣшено пляшутъ наподобіе крошечныхъ гномовъ, рѣзвящихся на полянѣ.

Въ 1886 г. страшное изверженіе горы Таравера всколыхнуло всю провинцію, засыпавъ цѣлыя деревни. Оно разрушило обѣ вулканическіе «террасы», бѣлую и розовую, считавшіяся чудомъ южнаго полушарія. Онѣ

поднимались нѣсколькими уступами, на сотни футовъ надъ озеромъ Ротомагана.

Путешественники, видѣвшіе ихъ до катастрофы, говорили, что онѣ походили на сказочную лѣстницу, которая вела къ замку, сверкавшему бѣлизной мрамора и алебастра. Онѣ возвышались на двухъ противоположныхъ берегахъ озера; голубая вода омывала ихъ подошву и отражала ихъ блескъ. На вершинѣ самой высокой террасы билъ гейзеръ; вода его изливалась въ Ротомагану по уступамъ, полировавшимся вѣками. Со ступени на ступень водопадъ прерывался глубокими бассейнами съ теплой лазурной водой.

Послѣ изверженія образовались новыя террасы въ другихъ мѣстахъ, но ихъ нельзя сравнивать съ прежними ни по красотѣ цвѣтовъ ни по правильности формъ.

Впрочемъ, нѣкоторые думаютъ, что эти террасы не были поглощены, что онѣ существуютъ, глубоко погребенныя въ волнахъ Ротомаганы, которая перемѣстилась въ общемъ хаосѣ.

Разрушены или погребены онѣ, только прежнихъ террасъ нѣтъ больше; осталось лишь множество явленій вулканическаго характера, недавняго или болѣе отдаленнаго происхожденія, придающихъ большой интересъ этой странѣ. Послѣ катастрофы появились новые гейзеры, другіе закрылись навѣки.

И теперь еще часто бываетъ, что маорисъ принужденъ покинуть свое жилище вслѣдствіе неожиданнаго появленія фонтана горячей воды въ срединѣ его хижинъ — «варэ»; тогда онъ переноситъ свое жилище дальше.

Но большинство явленій Роторуа относится къ очень отдаленному времени. Извѣстно, что самые знаменитые гейзеры находятся въ Іеллоустонскомъ паркѣ въ Аме-

рикѣ, въ Исландіи и на сѣверномъ островѣ Новой Зеландіи. Самые древніе изъ всѣхъ—это нѣкоторые гейзеры Сѣверной Америки; самые новые—исландскіе, гейзеры же новозеландскіе считаются средними по возрасту. Наука вполнѣ выяснила, какъ они дѣйствуютъ. Тамъ, гдѣ наблюдаютъ ихъ присутствіе, подъ землей находятся раскаленныя породы, медленно теряющія свою теплоту. Предположимъ, что въ эту область проникаетъ вода: она отнимаетъ отъ раскаленныхъ массъ часть ихъ жара и выходитъ на поверхность земли въ видѣ кипятка.

Если сила изверженія не особенно велика, то появляются теплые источники, струи пара, кратеры, въ которыхъ бурлитъ жидкая грязь. Наоборотъ, если внутренній жаръ и давленіе очень велики, то наблюдаются могучіе гейзеры и взрывы пара.

На другой же день моего пріѣзда въ Вака я пошелъ осмотрѣть эти явленія. Мѣсто нахожденія ихъ принадлежитъ маорисамъ, которые берутъ за осмотръ съ каждаго туриста около рубля.

Миновавъ мостикъ, переброшенный чрезъ рѣку горячей воды, мы попадаемъ въ маорійскую деревню «па», собраніе болѣе или менѣе жалкихъ «варэ», по большей части деревянныхъ и украшенныхъ грубой рѣзьбою. Клубы пара на каждомъ шагу вырываются изъ земли, которая какъ будто готова разступиться; мѣстами кипящіе ручьи текутъ у самыхъ хижинъ, подъ окнами, и вода бѣшено кипитъ въ нихъ. На берегу сидятъ, согнувшись, растрепанныя женщины, покуривая трубки, а дѣти играютъ въ бассейнахъ теплой воды. Часто виднѣются рядомъ три-четыре источника, одинъ изъ которыхъ выбрасываетъ воду въ 100°, другой менѣе горячъ, а третій прохладный или даже холодный; можно совершенно свободно перепрыгивать изъ одной ванны въ другую.

Европейскій элементъ очень немногочисленъ въ Вака: едва ли одинъ «пакеха» (бѣлый) приходится на 10—15 туземцевъ. Нѣсколько больныхъ пробираются къ купальнямъ.

Вотъ бассейнъ, прозванный «Масляной ванной». Вода его стекаетъ съ тѣла, какъ масло, не смачивая кожи. Изъ него можно выйти столь же сухимъ, какъ утка изъ пруда. Я не знаю въ точности его температуры, которая должна быть очень высокой; окунувшись туда въ первый разъ, я думалъ, что сварюсь. Питающій его ключъ наполняетъ еще два сосѣднихъ бассейна. Въ одномъ изъ нихъ маорисы моются сами и стираютъ бѣлье; вода другого предназначена для приготовленія пищи.

Въ немъ варятъ «кумару», или сладкій картофель, свинину и т. д., положивъ то или другое въ корзину, которую удерживаютъ подъ водой съ помощью двухъ палокъ, укрѣпленныхъ на берегу большими камнями. Что можетъ быть проще этого способа? Огонь никогда не гаснетъ; очагъ работаетъ исправно; чтобы испечь что-нибудь, не нужно золы; стоитъ только вырыть землю рядомъ съ бассейномъ и положить въ это горячее углубленіе аккуратно завернутые припасы; чрезъ извѣстный промежутокъ времени ихъ вынимаютъ оттуда совершенно готовыми. Для стирки бѣлья рѣчку съ кипящей водой преграждаютъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, и когда вода достаточно остынетъ на воздухѣ, въ землѣ дѣлаютъ яму, которая и замѣняетъ лоханъ.

Я удивился, что дѣти играютъ среди гейзеровъ и кипящихъ бассейновъ, въ которые они легко могутъ упасть. Впрочемъ, падаютъ и взрослые.

Недавно одинъ маорисъ возвращался къ себѣ вечеромъ; подходя къ своему «варэ», онъ не замѣтилъ бас-

сейна горячей воды и, вмѣсто того, чтобы обогнуть его, какъ всегда, пошелъ прямо... Раздался страшный крикъ; но крикнуть во второй разъ несчастный уже не успѣлъ. Когда прибѣжали къ нему на помощь, изъ воды вытащили только мертвое тѣло.

Но я задыхаюсь отъ сѣрныхъ испареній и спѣшу окончить прогулку. Нельзя представить себѣ ничего

Приготовленіе пищи у горячихъ источниковъ.

болѣе мрачнаго. Ходишь по тонкой корѣ, прикрывающей огненную зловонную бездну, изъ всѣхъ скважинъ и трещинъ которой вырывается жаръ.

Вотъ воронкообразные кратеры, «котлы», на днѣ которыхъ бурлитъ, трещитъ и вздымается то густая, то жидкая грязь; пузыри газа лопаются на поверхности, выдѣляя клубы пара. Въ одной изъ этихъ воронокъ, теперь уже высохшей, въ былыя времена варили го-

ловы воиновъ, убитыхъ въ сраженіи, чтобы съѣсть потомъ ихъ мозгъ. А вотъ тамъ, какъ бы для контраста, граціозные папоротники склоняются надъ маленькимъ прудомъ съ кипящей водой, голубой и прозрачной.

Вдали печальныя мануки покрываютъ равнину. Это самыя коварныя деревья: не имѣя возможности достичь здѣсь своего обычнаго роста, они стелятся по землѣ, скрывая ямы съ горячей водой и дѣйствующіе кратеры. Путешественникъ, отважившійся пройти безъ проводника чрезъ поросль мануки, всегда рискуетъ упасть въ скрытый «котелъ» и, безъ всякой надежды на спасеніе, свариться въ кипящей грязи.

Лѣсъ въ Новой Зеландіи.

По богатству растительности первобытные лѣса Новой Зеландіи похожи на тропическіе; тѣмъ не менѣе, они отличаются другъ отъ друга, какъ цвѣтокъ, выросшій въ теплицѣ, отъ весенняго полевого цвѣтка. Въ экваторіальныхъ лѣсахъ, при избыткѣ солнечнаго свѣта, растительность роскошна до излишества. Плоды, висящіе на кустахъ, почти всегда ядовиты, на каждомъ шагу можно наступить на змѣю; чаща ліанъ и другихъ растеній можетъ служить убѣжищемъ какому-нибудь хищному звѣрю. Ни минуты не чувствуешь себя спокойно, въ безопасности; природа жаркаго пояса знойная, нездоровая, создаетъ своеобразную жизнь, среди которой непривычный человѣкъ многимъ восхищается и многаго боится.

Въ Новозеландскомъ лѣсу нѣтъ ничего подобнаго; тамъ нѣтъ ни хищныхъ звѣрей ни ядовитыхъ змѣй; тамъ не встрѣчается даже ни одного четвероногаго животнаго. Единственные обитатели его — туземныя

Лѣсъ въ Новой Зеландіи.

птицы, которыя еще не научились бояться человѣка и спокойно подходятъ къ нему, какъ бы для того, чтобы разсмотрѣть его. Маленькіе цвѣточки, выглядывающіе изъ мха, окрашены самыми нѣжными красками, но чѣмъ выше, тѣмъ они становятся блѣднѣе, образуя, наконецъ, подъ ногами бѣлый коверъ. Вѣчная зелень и крупныя деревья и папоротники, плотная ткань ліанъ и косматые лишаи обнаруживаютъ такое богатство и силу почвы, о которыхъ наша растительность не можетъ дать понятія.

Какъ изобразить или описать дѣвственный лѣсъ въ этой части Новой Зеландіи?

Представьте себѣ, что всѣ эти римусы, тотарасы, огромныя хвойныя деревья, составляющія лѣса, сплетаютъ свою зелень въ плотную сѣть съ листвою ліанъ. Вообразите себѣ безчисленное множество папоротниковъ, растущихъ то пучками, то букетами, то вытягивающихся гигантскими снопами, чтобы на высотѣ 30—40 футовъ раскинуть свои зубчатые листья. Папоротники и мхи оспариваютъ другъ у друга первенство; мхи покрываютъ деревья, скалы, валежникъ и живыя растенія; подъ покровомъ, толщиною въ футъ, покоятся самые толстые стволы, погруженные въ зеленый атласъ; маленькіе папоротники въ пылу борьбы цѣпляются за древесныя вѣтки, прячутся въ скважины коры, заполняютъ расщелины скалъ; самые маленькіе изъ нихъ гнѣздятся въ чуть замѣтныхъ углубленіяхъ, возлѣ ручьевъ и прудовъ, образовавшихся отъ дождей, которыхъ почва уже не можетъ впитать.

Но здѣшняя природа не знаетъ излишествъ и даже въ своей роскоши соблюдаетъ извѣстную мѣру. Она освѣжаетъ глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослѣпляетъ своимъ великолѣпіемъ. Пышность, съ которой природа одѣваетъ лѣса этихъ южныхъ широтъ, свидѣтельствуетъ

о вѣчной юности; рожденная во влагѣ, она поддерживается обиліемъ дождей подъ теплыми, благодѣтельными лучами солнца.

Въ этомъ заключается все очарованіе лѣса. И для того, чтобы снова подышать его нѣжнымъ запахомъ, можно пожертвовать многимъ.

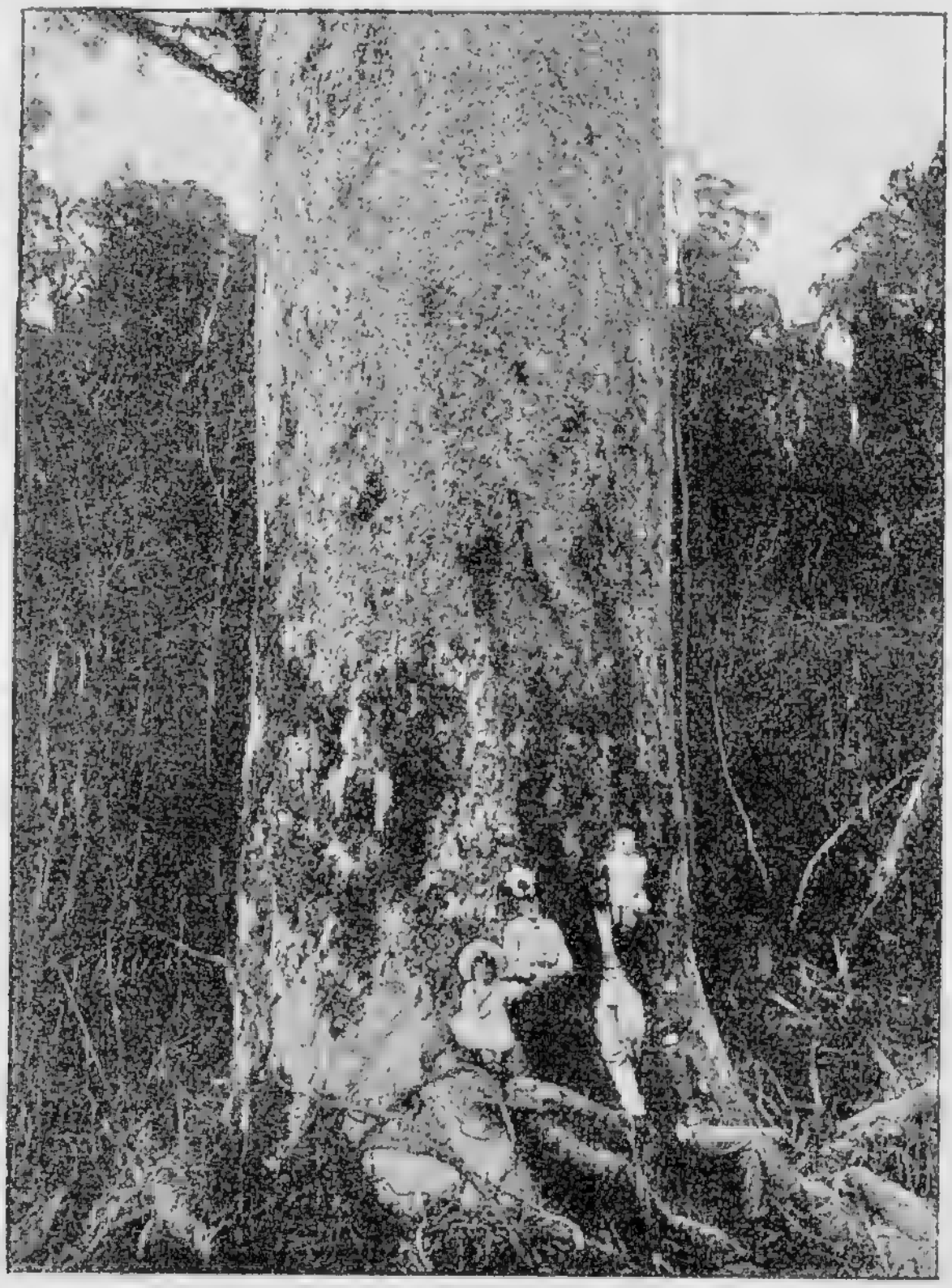
Каури.

Дерево «каури» растетъ исключительно въ Новой Зеландіи. Въ былыя времена оно было распространено гораздо болѣе, но лѣсные пожары и топоръ уничтожили его настолько, что теперь каури можно найти только въ немногихъ мѣстахъ.

Его царство—крайній сѣверъ; тамъ, въ окрестностяхъ Вангареи, остались еще обширные лѣса, которые надо посѣтить, чтобы подивиться на каури въ его предсмертномъ величіи.

Я провелъ нѣсколько дней, живя въ палаткѣ, въ лѣсу Вайтакереи, и познакомился съ гигантскимъ деревомъ, которое дѣйствительно придаетъ южному лѣсу ни съ чѣмъ несравнимый, величественный характеръ: громадные стволы въ 100—180 футовъ, поднимающіеся подобно колоннамъ исполинскаго храма, листья, расположенные небольшими пучками, красиваго зеленаго цвѣта, жесткіе и толстые, образуютъ сводъ, сквозь который съ трудомъ проникаетъ свѣтъ. Круглый серебристый стволъ каури, прямой, какъ стрѣла, высится футовъ на сто, и тамъ отдѣляется отъ него первая вѣтка; къ основанію стволъ значительно утолщенъ. Я видѣлъ одно дерево, окружность котораго у корня превосходила 45 футовъ.

Одинъ изъ обитателей лѣса увѣрялъ меня, что онъ измѣрилъ одно дерево, окружность котораго достигала 81 фута.



У подножія исполинскаго дерева каури.

Мягкость здѣшняго климата способствуетъ развитію древовидныхъ папоротниковъ; многіе изъ нихъ вырастаютъ до 70—80 футовъ высоты. Граціозная пальма «нікау» растетъ здѣсь въ изобиліи. Но всѣ эти расте-

нія, какъ огромныя сосны, римусы и другія деревья совершенно затмеваются деревомъ каури, только на него не смѣютъ нападать мелкіе папоротники, мхи, лишаи и другіе паразиты, какъ бы отступая предъ его гладкой корой. Спокойный и неприкосновенный, онъ переживаетъ вѣка; на его глазахъ рождаются, вырастаютъ и умираютъ другъ за другомъ лѣсныя растенія и животныя.

Столѣтнее дерево—не что иное, какъ обыкновенный кустъ; высокому каури насчитываютъ не менѣе трехъ-четырехъ тысячъ лѣтъ.

Это дерево обладаетъ многими прекрасными качествами; оно прочно, устойчиво и плотно, но вмѣстѣ съ тѣмъ также легко поддается обработкѣ. Иногда въ немъ есть жилы, пятна краснаго коричневаго оттѣнка, которыя очень цѣнятся и значительно увеличиваютъ стоимость дерева; изъ этого дорогого дерева дѣлаютъ рѣзныя украшенія и дорогую мебель.

Обыкновенный каури идетъ на постройку мостовъ, судовъ и домовъ. Ежегодно его вывозится на сумму около 3.800.000 рублей. Въ провинціи Ауклендъ существуетъ до 50 паровыхъ лѣсопилокъ, гдѣ обрабатывается исключительно каури. Одинъ изъ этихъ заводовъ находится въ самой гавани, на берегу особаго бассейна, гдѣ суда выгружаются, спуская его прямо въ воду.

Часто восемнадцать-двадцать паръ воловъ тащатъ къ лѣсопильнѣ одинъ стволъ; сильныя машины подымаютъ деревья для распилки; количество досокъ, которыя можно выдѣлать изъ одного ствола, прямо изумительно.

Каури выдѣляетъ родъ камеди, которая считается самою лучшею смолою и продается очень дорого. Существуетъ нѣсколько различныхъ сортовъ камеди. Во-

первыхъ, смола, которую находятъ у основанія деревьевъ, смѣшанною съ растительнымъ перегноемъ; стоитъ только слегка разрыть поверхность почвы, чтобы отдѣлить ее отъ земли или корней, къ которымъ она прилипла. Смола другого вида виситъ большими кусками на вѣтвяхъ: кто хочетъ достать ее, долженъ взлѣзть на дерево. Можно себѣ представить трудность

Перевозка каури.

этой задачи и опасность, съ которой она связана, такъ какъ стволъ каури не имѣетъ никакихъ неровностей, за которыя можно было бы уцѣпиться.

Свивается и забрасывается крѣпкая веревка, которая обхватываетъ первую вѣтку; къ одному изъ концовъ веревки привязываютъ человѣка, а товарищъ мало-помалу подымаетъ его на воздухъ. Первый, поднимаясь, придерживается за стволъ, ударяя топоромъ, чтобы

сохранить равновѣсіе и облегчить свой подъемъ. Такимъ образомъ онъ поднимается на высоту 90—100 футовъ. Добравшись до уровня вѣтки, онъ отдѣляетъ находящуюся тамъ смолу и бросаетъ ее на землю.

Часто добываютъ куски вѣсомъ въ 20—30 килограммовъ. Но эта смола очень низкаго качества: она не успѣла принять надлежащаго цвѣта и крѣпости.

Лучшій сортъ ея, добываніемъ котораго занимается наибольшее количество рукъ,—ископаемая смола, находящаяся въ землѣ.

Если раскапывать землю на мѣстахъ прежнихъ лѣсовъ, на извѣстной глубинѣ находятъ полусгнившіе остатки деревьевъ и иногда цѣлыя глыбы отвердѣвшей смолы, которая, будучи нерастворима въ водѣ, сохранилась въ теченіе тысячелѣтій. Такъ какъ поля, содержащія эту смолу, разсѣяны по всей провинціи, то нужно имѣть особое чутье, пріобрѣтаемое долгимъ опытомъ, чтобы отличить почву, богатую смолой, отъ той, гдѣ этой смолы нѣтъ. Поэтому маорисы, а по примѣру ихъ и нѣкоторые европейскіе рудокопы, въ помощь своему природному инстинкту, употребляютъ довольно остроумный способъ. Проходя по извѣстному мѣсту, они то здѣсь, то тамъ втыкаютъ въ землю желѣзную острую пику длиной въ 10 футовъ. Звукъ отъ удара ея въ землю указываетъ на присутствіе драгоцѣнной камеди; если на остреѣ оказывается хотя бы частица смолы, колебаній больше быть не можетъ, и рудокопы тотчасъ же начинаютъ раскапывать то мѣсто, куда была воткнута пика, пока не выроютъ куска смолы.

Рудокопы работаютъ и на склонахъ, заросшихъ папоротникомъ, и въ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ туземный ленъ.

Въ этихъ болотахъ они роютъ ямы, часто болѣе 12 футовъ глубины, и недѣлями, даже мѣсяцами живутъ

Добываніе смолы каури.

погребенные въ этой сырой грязи. Я зналъ, между прочимъ, двухъ искателей смолы, которые копали на днѣ одной и той же ямы; на краю ея они поставили свою палатку. Случай привелъ меня однажды къ нимъ.

Я узналъ, что они рыли уже двѣ недѣли въ этомъ мѣстѣ, не находя и слѣда смолы. Имъ пришлось отвести ручей, затоплявшій яму, снять почву вокругъ,— но всѣ труды были напрасны. Для раскопокъ они поперемѣнно употребляли заступъ и пику, которою ощупывали землю на большой глубинѣ.

Всякій разъ, какъ она уходила вглубь, мы прислушивались, ожидая глухого звука, обнаруживающаго присутствіе смолы. И вотъ однажды, ударивъ въ землю на новомъ мѣстѣ, мой другъ вскочилъ съ радостнымъ лицомъ.

— Идите сюда! — сказалъ онъ мнѣ.

Я тотчасъ же спрыгнулъ на дно ямы, и всѣ мы съ жаромъ принялись копать вокругъ пики, воткнутой въ землю. Чрезъ полчаса показалась огромная глыба, въ которую воткнулась пика, около 40 килогр. смолы, покрытой слоемъ земли и грязи.

Такія находки рѣдки: обыкновенный размѣръ кусковъ смолы, которую находятъ въ землѣ, колеблется между величиной обыкновеннаго орѣха и человѣческой головы. Лучшіе экземпляры въ очищенномъ видѣ имѣютъ прекрасный коричневый цвѣтъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Изрѣдка попадаются прозрачные куски свѣтло-желтаго цвѣта, очень напоминающіе янтарь; они продаются въ розницу по высокой цѣнѣ и служатъ для выдѣлки разныхъ мелкихъ предметовъ: ручекъ для перьевъ, мундштуковъ и т. п. Нѣкоторые заключаютъ въ себѣ крошечныхъ насѣкомыхъ, зерна, листья, попавшіе въ смолу, когда она была еще въ жидкомъ состояніи, и образуютъ красивые внутренніе

Очистка смолы каури.

рисунки. Смола, добытая изъ болотъ, чаще всего бываетъ темнаго, почти чернаго цвѣта; этотъ сортъ и составляетъ предметъ оптоваго вывоза. Во всѣ страны, гдѣ фабрикуются лаки, главнымъ образомъ, въ Великобританію и въ Соединенные Штаты, отправляется огромное количество ея. Какъ промышленный продуктъ, смола каури дѣйствительно лучше другихъ и стоитъ на первомъ мѣстѣ.

Въ Америку ввозится среднимъ числомъ до 8.000 тоннъ въ годъ. Изъ 4.000 тоннъ различныхъ смолъ, ввозимыхъ ежегодно въ Англію, двѣ трети доставляетъ

Гонка судовъ въ Окленндѣ.

каури, остальное приходитъ изъ Занзибара, Маниллы и Дамара; но тамъ смолы гораздо меньше, и она далеко не такъ цѣнится. Одна тонна новозеландской смолы стоитъ теперь 60—70 ф. ст. (570—665 р.)—это наивысшая цѣна, достигнутая съ самаго зарожденія этой промышленности. Въ настоящее время, хотя ежегодная добыча смолы уменьшилась, по словамъ однихъ наполовину, а по другимъ—на одну треть, рудокопы все-таки считаютъ этотъ промыселъ выгоднымъ, благодаря повышенію цѣнъ, вознаграждающихъ постепенное истощеніе почвы.

Къ сожалѣнію, надо предвидѣть, что вскорѣ исчезнетъ и каури, этотъ многовѣковый исполинъ и знаменитая смола, отъ которой Ауклендъ такъ долго имѣлъ и еще имѣетъ значительныя выгоды. Предполагаютъ, что залежи ея истощатся чрезъ десятокъ лѣтъ. Другіе

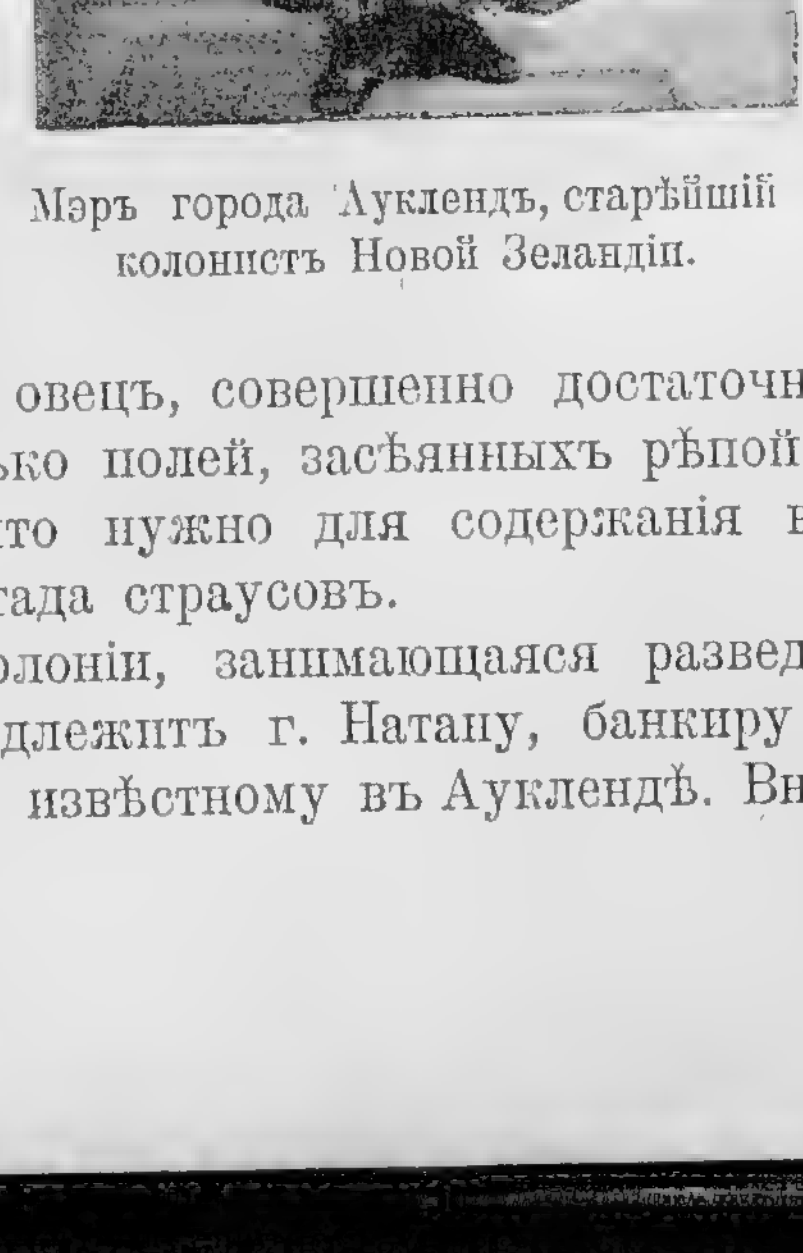
Улица въ Ауклэндѣ.

дають этой промышленности болѣе долгую жизнь, допуская, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земля содержитъ до четырехъ слоевъ смолы, лежащихъ одинъ надъ другимъ на различной глубинѣ,—доказательство, что въ этихъ мѣстахъ существовало, въ различныя эпохи, столько же лѣсовъ, погребенныхъ въ нѣдрахъ земли.

Разведеніе страусовъ.

Въ Новой Зеландіи, на Сѣверномъ островѣ, еще много необработанныхъ земель. Въ прежнія времена тамъ добывалась смола дерева каури, потомъ онѣ были заброшены. Почва ихъ казалась слишкомъ скудной.

Недавно, чтобы какъ-нибудь использовать эти обширныя пространства, въ колонію введенъ новый промыселъ, который, несмотря на новизну, далъ уже хорошіе результаты.



Мэръ города Окленда, старѣйшій колонистъ Новой Зеландіи.

Дѣло заключалось въ томъ, чтобы акклиматизировать въ Новой Зеландіи страуса, какъ это было сдѣлано въ Южной Африкѣ.

Климатъ острова, мягкій и теплый, вполнѣ подходитъ для этой птицы; что касается самой почвы, то участки со скудной травой, гдѣ нельзя прокормить овецъ, совершенно достаточны для страусовъ. Нѣсколько полей, засѣянныхъ рѣпой и кукурузой,—это все, что нужно для содержанія въ теченіе зимы цѣлаго стада страусовъ.

Главная ферма въ колоніи, занимающаяся разведеніемъ страусовъ, принадлежитъ г. Натану, банкиру и промышленнику, очень извѣстному въ Окландѣ. Вна-

чалѣ дѣло было поставлено въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Желая сдѣлать опытъ, г. Натанъ купилъ лѣтъ десять назадъ нѣсколько страусовъ. Въ первую же зиму одна изъ самокъ снесла 19 яицъ и вывела 13 птенцовъ, изъ которыхъ всѣ уцѣлѣли. Ни одинъ не болѣлъ, что такъ часто бываетъ на южно-африканскихъ фермахъ. На перья нашлись покупатели; были проданы также 4 пары страусовъ въ Австралію.

На слѣдующій годъ самка снесла 30 яицъ; птенцы развились такъ хорошо, что шести мѣсяцевъ они были величиной съ взрослаго барана; а въ $1^1/_2$ года оказались значительно выше своихъ родителей. Наконецъ они достигли 8—9 футовъ,—высота, рѣдко встрѣчающаяся въ Африкѣ. Величина страуса имѣетъ важное значеніе, такъ какъ отъ этого зависитъ и качество и количество перьевъ. Такимъ образомъ изъ года въ годъ стадо въ Вайтфордъ-паркѣ разрасталось, время отъ времени увеличиваясь новыми покупками, и теперь въ немъ насчитывается до 400 страусовъ.

Въ загородкахъ, похожихъ на тѣ, гдѣ пасутся овцы, прогуливается 60—70 страусовъ; простой проволочный заборъ отдѣляетъ эти загородки другъ отъ друга. Самый обыкновенный заборъ можетъ удержать птицу, лишь бы только она замѣтила его на нѣкоторомъ разстояніи.

Стадо взрослыхъ самцовъ представляетъ красивое зрѣлище: проводникъ обращаетъ вниманіе на ихъ ростъ, прекрасное опереніе, черное и бѣлое, отличающееся отъ оперенія самокъ, которыя гораздо меньше ростомъ и сѣроватаго цвѣта. Страусы принадлежатъ къ двумъ различнымъ породамъ: южно-африканской и алжирской; ихъ легко отличить одну отъ другой по цвѣту ногъ, розоватому у послѣднихъ. Если страусы услышатъ тревожный шумъ, они сбѣгаются со всѣхъ кон-

цовъ своихъ загородокъ и собираются въ кучу, головами вмѣстѣ. Они вытягиваютъ шею совершенно такъ же, какъ испуганный киви, при чемъ таращатъ глаза и могутъ смотрѣть во всѣ стороны, не поворачиваясь.

Прирученные страусы очень смирны; ихъ природное любопытство увеличивается еще воспитаніемъ; они не только не убѣгаютъ, увидѣвъ чужого человѣка, а, напротивъ, идутъ къ нему навстрѣчу, очень скоро осваиваются съ нимъ и обступаютъ его толпой.

Поэтому я провелъ нѣсколько очень непріятныхъ минутъ, окруженный 15—20 «птенцами», головы которыхъ, вооруженныя крѣпкими клювами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый футъ поднимались надъ моей головой, глядя на меня глупыми круглыми глазами.

Одинъ щипалъ мою шляпу, другой клевалъ часовую цѣпочку; всѣ смѣялись надъ моими отчаянными усиліями освободиться отъ нихъ. Но, повидимому, опасаться клюва страуса нечего: ихъ настоящій способъ защиты и нападенія, это—ударъ лапой. Если нечаянно разсердить птицу, вдругъ поднимается страшная лапа, отъ одного удара которой ломаются кости.

Извѣстно, что страусъ не лягается, какъ лошадь, а ударяетъ лапой впередъ, какъ мы, когда хотимъ ударить кулакомъ: отъ этого и получается такая страшная сила удара.

Въ другой оградѣ находятся молодыя птицы въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; перья ихъ сѣровато-каштановаго цвѣта; ростомъ онѣ не больше индюка. Ихъ кормятъ мѣсивомъ изъ ячменя съ водой и другими примѣсями.

Взрослый страусъ неразборчивъ въ пищѣ; поля, поросшія папоротникомъ, манукой и тощей травой, совершенно удовлетворяютъ его вкусъ, а ягоды мануки составляютъ его лакомство. Если же время отъ вре-

мѣни давать ему лепешки на растительномъ маслѣ, то его оперенiе быстро становится красивымъ, густымъ и блестящимъ. Для лучшаго пищеваренiя страусы глотаютъ куски костей, раковины и всевозможную дрянь; нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ видѣть страуса, опустившаго на землю свою длиннѣйшую шею и старательно роющагося въ землѣ, подобно курицѣ, — и все это для того, чтобы вырыть камешекъ, который онъ тотчасъ же проглатываетъ.

Перья начинаютъ снимать только на второмъ году жизни страуса. Когда птицы вырастаютъ вполнѣ, эта операцiя производится каждые восемь мѣсяцевъ. Перья тогда всего красивѣе, и ихъ легко выдернуть рукой; только корешокъ пера остается прикрѣпленнымъ къ кожѣ; его снимаютъ позднѣе, уже высохшимъ и затвердѣлымъ, когда начинаютъ показываться новыя перья. Многiе думаютъ, что выдергиванiе перьевъ каждый разъ причиняетъ страусу новое страданiе. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Доказательствомъ того, что страусъ не испытываетъ никакой боли, служитъ то, что птица во время этой операцiи не выказываетъ никакого нетерпѣнiя и ни малѣйшаго признака страха: она позволяетъ обращаться съ собой, какъ самая кроткая лошадь. Ея густой нарядъ служитъ пріютомъ множеству насѣкомыхъ, и птица только тогда и отдыхаетъ, когда ее освобождаютъ отъ этихъ паразитовъ, а лучшiй или, скорѣе, единственный для этого способъ, выдернуть перья. Человѣкъ такимъ образомъ только ускоряетъ въ свою пользу работу самой природы. Было сдѣлано нѣсколько тщетныхъ попытокъ искусственно уничтожать насѣкомыхъ, которыя портятъ перья и значительно уменьшаютъ ихъ цѣнность; вслѣдствiе ихъ разрушительнаго дѣйствiя, большiя перья изъ крыльевъ теряютъ около трети своей цѣнности, а

перья второго сорта—одну пятую и т. д. Вычислено, что вполнѣ здоровая птица, у которой паразиты не повредили перьевъ, приноситъ въ среднемъ отъ 33 до 43 р. въ годъ. Всѣ перья продаются. Перья съ туловища, самыя плохія, идутъ въ Шотландію на выдѣлку національныхъ шапокъ.

Что касается самыхъ красивыхъ перьевъ, съ концовъ крыльевъ, то они идутъ на шляпы, вѣера и боа. Перья изъ хвоста, жесткія и сѣроватаго цвѣта, идутъ на всевозможныя подѣлки.

Замораживаніе овецъ.

Въ Новой Зеландіи долгое время овецъ держали только ради шерсти. Кромѣ ихъ шкуръ, шли еще въ дѣло кожа и сало, а съ мясомъ не знали, что дѣлать; небольшое количество его употреблялось на консервы, почти не приносившіе дохода. Между тѣмъ въ большихъ городахъ Англіи жаловались на недостатокъ мяса и, въ особенности, баранины. Однажды возникла мысль перевозить въ Великобританію овецъ тушами въ замороженномъ видѣ.

Былъ сдѣланъ опытъ, который вполнѣ удался. Перевозка нисколько не повліяла на качество мяса. Со времени этого открытія въ овцеводствѣ произошелъ коренной переворотъ. Въ 1881 г. въ Лондонъ прибыло первое судно съ грузомъ изъ замороженныхъ тушъ. Въ слѣдующемъ году торговля замороженнымъ мясомъ заняла второе мѣсто среди туземной промышленности. Въ одинъ годъ было отправлено болѣе $2^1/_2$ милліоновъ замороженныхъ овецъ, включая въ это число и милліонъ ягнятъ. Чтобы удовлетворять требованія, понадобилось выстроить на обоихъ островахъ двадцать одинъ заводъ для замораживанія тушъ. Эти заводы

расположены по большей части вблизи какого-нибудь значительнаго пастбища; главные заводы находятся въ Петонѣ, близъ Веллингтона, въ окрестностяхъ Дёпедина, въ Ненирѣ и проч. Всѣ вмѣстѣ они могутъ заморозить до 3.665.000 штукъ въ годъ.

Я былъ на одномъ изъ такихъ заводовъ въ Петонѣ: въ помѣщеніи съ температурой ниже нуля висятъ на крюкахъ 5—6 тысячъ овецъ, приготовленныхъ къ отправкѣ съ ближайшимъ пароходомъ. Печень, сердце и почки замораживаютъ отдѣльно отъ туши; то и другое должно быть заморожено до твердости дерева. Въ другомъ зданіи происходитъ очистка шерсти и шкуръ. Сначала ихъ моютъ, потомъ вѣшаютъ въ особомъ помѣщеніи и подвергаютъ дѣйствію горячаго пара.

Чрезъ нѣсколько дней шерсть свободно отдѣляется отъ размягченной кожи, и ее соскабливаютъ ножомъ. Остается только распредѣлить шкуры по сортамъ. Шкуры подвергаются различной обработкѣ. Послѣ чистки ихъ кладутъ подъ прессъ, чтобы выжать изъ нихъ воду, и когда онѣ достаточно отвердѣютъ, ихъ вывозятъ, какъ невыдѣланную кожу.

Нѣтъ ничего проще того способа, который примѣняется для замораживанія мяса. Воздухъ сжимаютъ до одной трети его нормальнаго объема въ трубахъ, постоянно поливаемыхъ холодной водой. Этотъ воздухъ проводится въ помѣщеніе, стѣны котораго не пропускаютъ теплоты. Отъ рѣзкаго расширенія въ этомъ помѣщеніи, гдѣ воздухъ тотчасъ же принимаетъ свой первоначальный объемъ, температура его понижается, и такимъ образомъ получается сильный холодъ. Паровыя машины, работающія безостановочно, поддерживаютъ этотъ процессъ, такъ что холодильня имѣетъ всегда опредѣленную температуру, зависящую отъ силы сжатія воздуха.

Суда, перевозящія баранину изъ Новой Зеландіи въ Англію, также имѣютъ холодильники. Мясо сохраняется въ нихъ до разгрузки, т.-е. въ продолженіе всего переѣзда—отъ 40—50 дней. Способъ охлажденія обходится такъ дешево, что всѣ пароходы прямого сообщенія, огибающіе мысъ Горнъ и Южную Америку, занимаются перевозкой мороженаго мяса; путь чрезъ Суэзскій каналъ избѣгается, хотя онъ и короче, въ виду тѣхъ тропическихъ жаровъ, которые предстоятъ путешественникамъ по этому пути. Недавно введено еще новое усовершенствованіе: такъ какъ замороженное мясо цѣнится дешевле свѣжаго, замораживается или, вѣрнѣе, охлаждается только верхній тонкій слой мяса, внутри же оно остается свѣжимъ и въ такомъ видѣ доставляется на рынокъ.

Изъ Австраліи вывозятъ также много говядины, кроликовъ и битой птицы, но больше всего баранины.

Въ виду этого въ колоніяхъ цѣнится всего болѣе тотъ баранъ, который при лучшей шерсти обладаетъ мясомъ, способнымъ сохраняться въ замороженномъ видѣ. Доказательствомъ того, что оба рода промышленности могутъ существовать рядомъ безъ вреда другъ для друга, служитъ то, что во многихъ мѣстахъ возлѣ холодильныхъ заводовъ можно видѣть шерстяныя фабрики, какъ, напримѣръ, въ Петонѣ. Здѣсь мы въ настоящемъ царствѣ барановъ. Чуть не въ одномъ и томъ же мѣстѣ мясо его приготовляется для ѣды, а шерсть—для одежды.

Маорійцы.

Маорійцы пришли въ Новую Зеландію изъ Восточной Полинезіи. Цвѣтъ кожи, черты лица, способности, обычаи и, наконецъ, языкъ,—все говоритъ о родствѣ ихъ

съ полинезійцами. О жизни маорійцевъ до ихъ переселенія изъ Полинезіи намъ совершенно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, недостатокъ пищи, а можетъ-быть, и взаимныя распри заставили ихъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ покинуть свои коралловые острова, поросшіе пальмами, и переселиться въ Новую Зеландію. Преданіе говоритъ, что переселеніе произошло въ XV вѣкѣ, и по поводу этого событія сложились многочисленныя легенды.

Глядя на карту, нельзя не удивляться, какъ маорійцы не побоялись такого длиннаго морского переѣзда. Но они всегда отличались смѣлостью и наблюдательностью. Они знали названія звѣздъ и съ ихъ помощью умѣли находить дорогу. Въ облачную погоду они руководствовались направленіемъ вѣтровъ и морскихъ теченій. Ихъ большія двойныя лодки, соединенныя между собою платформой съ шалашомъ, ни въ чемъ не уступали судамъ финикійцевъ, на которыхъ тѣ объѣхали вокругъ Африки. Одиночныя суда достигали 100—150 футовъ длины, и многочисленные гребцы хорошо знали свое дѣло. Маорійцы запасались прѣсной водой, кореньями, сушеной рыбой и кокосовыми орѣхами. По дорогѣ ловили рыбу; останавливались на маленькихъ, часто необитаемыхъ островахъ, которыхъ разсыпано такъ много по всему Великому океану. На этихъ островахъ и теперь можно найти ихъ каменные топоры и другія орудія. Обильные тропическіе дожди пополняли недостатокъ въ водѣ. По всей вѣроятности Новая Зеландія особенно привлекала переселенцевъ обиліемъ нефрита, или зеленаго камня, который цѣнился дикарями каменнаго вѣка выше рубиновъ.

Новые переселенцы привезли съ собою собакъ, крысъ, корни таро, тыквы и потаты, а также нѣсколько видовъ ярко опереннныхъ птицъ. Они пристава̀ли къ бе-

регамъ Новой Зеландіи и селились на прибрежной полосѣ, но съ теченіемъ времени новые пришельцы оттѣснялн ихъ въ глубь страны.

Каждая вновь прибывшая партія захватывала участокъ земли, который считался общею собственностью всей деревни, но только до тѣхъ поръ, пока земля была необработана.

Привѣтствіе маорійцевъ.

Плантаціи и строевой лѣсъ считались уже частною собственностью отдѣльныхъ лицъ, такъ же, какъ и дома, оружіе, орудія, одежда и пищевые продукты. Главнымъ занятіемъ маорійцевъ было земледѣліе, которое находилось у нихъ въ самомъ первобытномъ состояніи. Поля подъ таро надо было основательно вскопать, и это дѣлалось при помощи деревянныхъ палокъ, заостренныхъ на концѣ и имѣющихъ поперечную перекладину въ 18 дм. отъ конца палки; работавшій упирался ногами на перекладину, и палка вонзалась въ землю. Женщины не принимали участія въ этой работѣ; онѣ помогали тѣмъ, что таскали на спинѣ тяжелыя корзинки съ гравіемъ и посыпали имъ почву плантаціи. Любимыми овощами маорійцевъ

были корни дикаго папоротника, который росъ въ изобилiи на всякомъ холмѣ, въ прогалинахъ и на болотахъ Сѣвернаго острова. Обработка его волокнистаго корня, который надо было высушить и истолочь, требовала довольно большого и кропотливаго труда.

Маорiйцы не знали ни одного домашняго животнаго, ни одной домашней птицы и потому занимались почти исключительно земледѣлiемъ. Впрочемъ, живя поблизости отъ воды и лѣса, они также ловили рыбу и охотились на птицъ.

Они умѣли дѣлать сѣти въ полмили длиною, верши для угрей, лесы для удочекъ изъ туземнаго льна и крючки изъ костей или изъ дерева, съ зубцомъ изъ человѣческой кости. Ловили, между прочимъ, акулъ, которыхъ притаскивали къ устьямъ рѣкъ и здѣсь убивали при громкихъ воплях радости; акулу разрѣзали на части, сушили и сберегали на зиму. Птицъ ловили сѣтями или поражали копьями, такъ какъ лукъ и стрѣлы были маорiйцамъ незнакомы. Копья дѣлались при помощи каменныхъ орудiй; изъ одного дерева получалось не больше двухъ хорошихъ копiй, иногда до 30 футовъ длиною; приготовленiе каждаго изъ нихъ требовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы. Когда копье было готово, надо было научиться употреблять его. Съ изумительною ловкостью бросали они его въ птицъ: въ густой чащѣ лѣса копье летѣло, не задѣвая за вѣтки и попадая прямо въ цѣль.

Маорiйцы не умѣли добывать металловъ и никогда не занимались торговлей. Главную ихъ пищу составляли рыба, птица, овощи и иногда такiе деликатесы, какъ собачье и крысиное мясо. Пищу они приготовляли старательно, большею частью пекли ее между раскаленными каменьями. Мясо ѣли рѣдко, а возбуждающихъ напитковъ (чай, кофе и проч.) совсѣмъ не знали.

Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, послѣ побѣды, тутъ же, на полѣ битвы, поѣдали убитыхъ враговъ. Можно удивляться, какъ маорійцы могли строить себѣ жилища, недурно питаться и хорошо одѣваться въ то время, какъ они не умѣли добывать металловъ, не умѣли дѣлать тканей ни изъ шерсти, ни изъ шелка, ни изъ хлопчатника или льна, не имѣли ни одного вьючнаго животнаго и не умѣли выдѣлывать кожу. Конечно, при такихъ условіяхъ достиженіе малѣйшихъ удобствъ жизни покупалось усиленной работой, и потому, говоря о маоріійцахъ, мы отнюдь не должны представлять ихъ себѣ въ видѣ лѣнивыхъ, вѣчно праздныхъ дикарей, то грѣющихся на солнцѣ, то сидящихъ на корточкахъ вокругъ огня. Напротивъ, всѣ путешественники говорятъ въ одинъ голосъ, что маорійцы постоянно заняты, хотя работаютъ не слишкомъ прилежно.

Всякая деревня всецѣло заботилась о своихъ нуждахъ, какъ будто другихъ деревень и не существовало. Обмѣна товаровъ между деревнями совсѣмъ не было; все, включая сюда дома, лодки, оружіе, орудія, одежду и т. п., выдѣлывалось на мѣстѣ.

Иногда, правда, допускался обмѣнъ подарками, который совершался по строго опредѣленнымъ правиламъ; получалось нѣчто въ родѣ обмѣна товарами, благодаря чему жители внутренней части острова получали сушеную рыбу и морскихъ птицъ, а сѣверныя племена могли получать драгоцѣнный зеленый камень, который можно было найти только на западѣ Южнаго острова.

Хижины маорійцевъ гораздо лучше жилищъ австралійцевъ. Онѣ имѣютъ продолговатую форму, выстроены прочно и всегда состоятъ изъ одной комнаты. Въ каждой хижинѣ одно маленькое окно и одна низкая

дверь, даже если она предназначается для многолюдныхъ собраній; поэтому, хотя въ хижинахъ никогда нѣтъ очага и всѣ отбросы хранятся далеко отъ дома, въ нихъ очень душно, и воздухъ такъ испорченъ, что европейцы совсѣмъ не могутъ его переносить. Снаружи и внутри хижина украшалась тростникомъ и рѣзьбой по дереву, иногда довольно изящной и свидѣтельствующей о ихъ хорошемъ вкусѣ.

Парусныя суда, изъ которыхъ самыя большія были устроены на 100 веселъ, отличались оригинальностью и быстро скользили по водѣ. Они украшались разноцвѣтными перьями и рѣзьбой по дереву, при чемъ выпуклыя части покрывались красной охрой.

Постройка судна и его украшеніе требовали многихъ мѣсяцевъ работы. Не мало труда нужно было для приготовленія одежды. Еще сложнѣе было сдѣлать одежду изъ перьевъ киви. Опереніе этой птицы такъ тонко, что каждое перышко похоже на волосъ, такъ что надъ одной одеждой приходится работать два года. Всѣ эти одежды, будь то изо льна, перьевъ или собачьей кожи, отличались красотою и были теплы и непромокаемы.

Но особеннаго совершенства маорійцы достигли въ татуировкѣ тѣла. Рисунки для татуировки, по мнѣнію туземцевъ, были указаны богами и состояли изъ прямыхъ линій, угловъ и пересѣкающихся прямыхъ. Позднѣе явились кривыя линіи, спирали, завитки.

Повидимому, маорійцы переняли этотъ обычай еще у полинезійцевъ. По крайней мѣрѣ, инструменты, которые они для этого употребляли, тѣ же, что у ихъ тропическихъ собратьевъ. И тѣ и другіе до XIX вѣка (это было для нихъ началомъ желѣзнаго вѣка) дѣлали свои тонкіе рѣзцы изъ костей крыльевъ морскихъ птицъ и соблюдали законъ «табу», согласно которому

мужчины во все время процесса татуировки считались священными, должны были жить въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ и не могли прикасаться къ пищѣ руками. Рисунки татуировки въ Новой Зеландіи были очень оригинальны и имѣли нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что выдалбливалось ими на деревѣ. За образецъ принимались спирали морскихъ раковинъ, узоры на кожѣ ящерицъ и корѣ деревьевъ и, быть-можетъ, естественныя выемки и натеки на высокихъ известковыхъ утесахъ на берегу океана.

Въ татуировкѣ маоріецъ былъ мастеромъ своего дѣла. Онъ работалъ медленно и съ полнымъ сознаніемъ важности своей работы. Сначала на тѣлѣ проводились линіи древеснымъ углемъ или красной охрой. Затѣмъ на кожѣ, на этихъ линіяхъ, дюймъ за дюймомъ, дѣлались уколы и надрѣзы, какъ будто на мѣдной гравировальной доскѣ. Кровь смывалась, и подъ кожу впускалась синяя краска «нараху». Операція продолжалась цѣлые недѣли, мѣсяцы и даже годы, смотря по тому, насколько данный человѣкъ былъ свободенъ и какія у него были средства. Подвергавшійся операціи находился всецѣло во власти татуировщика. Если татуировщикъ считалъ плату за свой трудъ недостаточно высокой, онъ могъ причинить своей жертвѣ много лишнихъ страданій, а между тѣмъ у маоріевъ считалось вопросомъ чести вынести всю процедуру безъ малѣйшей жалобы и крика; онъ могъ спокойно испортить рисунокъ или не докончить его и начать работать надъ другимъ, болѣе щедрымъ кліэнтомъ. Особенно цѣнились частыя темно-синія спирали на лицѣ. Когда мучительная и дорогая операція была окончена, и рисунокъ получался удачный, татуированный пользовался особымъ почетомъ. Теперь онъ воплощалъ въ себѣ всѣ добродѣтели и пороки вождя,

восхвалялся за умѣнье переносить боль и являлся единственнымъ носителемъ даннаго рисунка. Лицо его уже не походило на прежнее; оно становилось маскоï, по котороï было легко узнать человѣка и послѣ смерти. Иногда, при заключенiи договора съ «бѣлыми , вожди вмѣсто подписи прикладывали изображенiе своеï татуированной физiономiи.

Деревни маорiйцевъ обыкновенно были расположены на утесахъ или высокихъ мѣстахъ, на берегу океана или рѣки; они были окружены двумя изгородями, изъ которыхъ наружная состояла изъ толстыхъ кольевъ, а внутренняя—изъ высокихъ и прочныхъ стволовъ. Между изгородями находился неглубокiй ровъ. По угламъ устраивались платформы, приподнятыя на 40 футовъ отъ земли, съ которыхъ можно было озирать мѣстность на большое разстоянiе и бросать камни и метательные снаряды въ случаѣ осады. Съ помощью особыхъ палокъ или, вѣрнѣе, кнута, можно было бросать въ осаждающихъ деревянныя копья на разстоянiи 300 футовъ и болѣе. Маорiйцы не знали лука и стрѣлъ, не знали бумеранга, но употребляли пращу. Чрезъ ограды деревни враги бросали раскаленные камни, и они падали на крыши осажденноï деревни. При такихъ условiяхъ трудно было бороться, такъ какъ въ деревняхъ большею частью не было ни источниковъ, ни колодцевъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ маорiйцы были однимъ изъ самыхъ жестокихъ и воинственныхъ племенъ.

Но они никогда не отличались хладнокровною жестокостью индѣйцевъ Сѣвернoй Америки. Иногда они даже предупреждали врага о днѣ нападенiя и снабжали голодающiй гарнизонъ пищей, чтобы послѣдующая схватка могла быть справедливымъ состязанiемъ силъ. Война была для нихъ дѣломъ священнымъ, а

не простою безалаберною борьбой; она имѣла свои законы, которымъ всѣ должны были подчиняться. Въ мирное время маорійцы, какъ и всѣ дикари, отличались большимъ гостепріимствомъ.

Они очень были чувствительны къ красотамъ природы, что сказывалось въ выборѣ красивыхъ мѣстъ для своихъ поселеній, въ украшеніи деревень тѣнистыми кустарниками и деревьями, въ любви къ цвѣтамъ.

Многіе изъ маорійскихъ вождей были хорошими

Военный танецъ маорійцевъ.

ораторами. Писать и читать маорійцы не умѣли, но зато любили слушать живую рѣчь, и потому споръ и полемика у нихъ процвѣтали. Совершенно не умѣя цѣнить время, они цѣлыми часами сидѣли на собраніяхъ и слушали говорившихъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Вожди съѣзжались на сходку, а кругомъ сидѣли ихъ подчиненные, выражая какими-то гортанными звуками свое одобреніе или порицаніе.

Рѣчи состояли изъ короткихъ изреченій, поговорокъ, поэтическихъ олицетвореній и сравненій, заимствован-

ныхъ изъ легендъ. Иногда приводились цитаты изъ прежнихъ рѣчей. Говорившій имѣлъ мужественный и величественный видъ: на немъ была коротенькая юбочка и плащъ, въ правой рукѣ онъ держалъ копье или рѣзной жезлъ. Рѣчь сопровождалась соотвѣтствующими жестами и достигала нѣкотораго краснорѣчія. Языкъ маорійцевъ производитъ пріятное впечатлѣніе: въ немъ много гласныхъ, совсѣмъ нѣтъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ, а преобладаютъ гортанные и грудные.

Отрицательныя стороны маорійцевъ сразу бросались въ глаза. Несмотря на храбрость и наклонность къ поэзіи, они очень нечистоплотны, и жизнь въ шумной лачугѣ вмѣстѣ съ ними представляется намъ, европейцамъ, весьма непривлекательной. Краснорѣчивый вождь или искусный капитанъ поражали своею грязью, когда сидѣли на полу, на корточкахъ, совершенно вымазанные масломъ, красной охрой и безобразно татуированные. Какъ бы гостепріимно ни былъ принятъ гость, все же ему приходилось пробираться въ деревню чрезъ дверь ограды, украшенной прокопченными головами убитыхъ враговъ, и разговаривать съ людьми, у которыхъ были ожерелья изъ человѣческихъ зубовъ, быть-можетъ, добытыхъ изъ черепа съѣденнаго врага. Человѣческое мясо употреблялось въ пищу сравнительно рѣдко, но падаль была обычнымъ кушаньемъ. Маорійцы часто прибѣгали къ обману, въ особенности на войнѣ.

Родители любили своихъ дѣтей, но молодые люди не выказывали доброты въ отношеніяхъ къ своимъ старымъ родителямъ.

Маорійцы высокаго роста, но ноги ихъ сравнительно коротки. Черепъ суживается кверху, что указываетъ на хорошія умственныя способности; цвѣтъ кожи раз-

личный и колеблется между цвѣтомъ манса и темно-оливковымъ; черты лица иногда почти что классическія, иногда—негритянскія; носъ всего чаще, если и не плоскій, то все же широкій, ротъ ясно очерченный, губы не выворочены, какъ у негровъ. Женщины меньше ростомъ и сложены менѣе красиво. Можно было бы ожидать, что эта крупная и сильная раса, поселившись въ здоровомъ климатѣ и на плодородной почвѣ, быстро размножится и заселитъ оба острова. Однако число маорійцевъ едва ли когда-нибудь превышало 150.000 человѣкъ. Они заселили лишь Сѣверный островъ и побережья пролива Кука. На южномъ же островѣ поселенія ихъ были разбросаны далеко не вездѣ. Южный островъ хотя и больше Сѣвернаго, но зато холоднѣе, и это было одною изъ причинъ медленнаго размноженія населенія въ этой области. Не надо забывать, что маорійцы—тропическая раса, переселившаяся въ умѣренныя страны, и потому неудивительно, что она больше тяготѣла къ Сѣверному острову. Маорійцы были по преимуществу жители берега, и они не знали ни холода, ни снѣга. Несмотря на крѣпкое тѣлосложеніе, у нихъ была слабая грудь, слабое горло, и населеніе оказалось особенно воспріимчиво къ чахоткѣ, а также къ накожнымъ заболѣваніямъ, къ ревматизму и злокачественной инфлуэнцѣ. Къ тому же у маорійцевъ оказалось мало нервной выносливости. Всегда веселые и общительные, они во время болѣзни быстро падали духомъ и теряли всю свою жизнерадостность. Они легко поддавались суевѣрному страху и не имѣли никакихъ познаній въ медицинѣ.

Есть, однако, и другія причины, способствующія до сихъ поръ вымиранію этой привлекательной и интересной расы. Въ настоящее время маорійцы больше не дикари, но и не цивилизованные люди. Всѣ устои

ихъ прежней здоровой и примитивной жизни распатаны, а взамѣнъ не дано того, что могло бы поддержать ихъ энергію и укрѣпить здоровье. Прежде каждое племя представляло нѣчто единое и подчиняющееся общей дисциплинѣ; земля считалась общею собственностью; каждому приходилось работать, но зато каждый былъ увѣренъ, что не умретъ съ голоду и найдетъ гостепріимный кровъ у любого сородича. Вождь былъ не деспотомъ, а старшимъ въ совѣтѣ и командовалъ на войнѣ лишь въ случаѣ проявленія способностей военачальника. Каждый человѣкъ былъ въ то же время воиномъ и упражнялъ свои силы. Деревни строились на самыхъ возвышенныхъ, т.-е. здоровыхъ, мѣстахъ. Бой шелъ рукопашный. Укрѣпленіе деревень, приготовленіе оружія требовали большого искусства и продолжительной работы; хотя рабство и существовало, но оно не избавляло отъ необходимости труда и не-рабовъ.

Нѣкоторые обычаи не позволяли отдѣльнымъ лицамъ накоплять много имущества. По закону «муру», раненая акула считалась общею собственностью, и каждый получалъ свою часть. У потерпѣвшаго кораблекрушеніе отнимали все то, что нощадили волны. Въ случаѣ пожара сосѣди суетились кругомъ хижины, какъ пчелы, спасали отъ огня все, что только могли, и брали все себѣ. Если лодка подъѣзжала къ берегу съ людьми, пріѣхавшими въ гости, вождь могъ напасть на нее и присвоить ее себѣ; если бы онъ этого не сдѣлалъ, это вызвало бы удивленіе и даже оскорбило бы собственниковъ лодки, которые знали, что въ подобномъ же случаѣ они могутъ отплатить похитителямъ тѣмъ же.

Такого рода порядки часто вызывали насмѣшки европейскихъ писателей. Но, если вглядѣться въ жизнь и

нравы маорійцевъ въ ихъ цѣломъ, можно сказать, что это самое лучшее изъ дикихъ племенъ, сумѣвшее вызвать въ «бѣлыхъ» чувство уваженія и сожалѣніе о томъ, что оно вымираетъ. Теперь маорійцы все еще владѣютъ землею сообща. Они могли бы сдѣлаться богатыми фермерами, если бы постарались выучиться обрабатывать землю менѣе примитивно. Они могли бы быть здоровѣе, если бы хоть сколько-нибудь соблюдали правила гигіены. И если бы они поняли, что гадкій воздухъ, недостаточное одѣяніе, гнилая пища, то слишкомъ скудная, то слишкомъ обильная, и продолжительное бездѣліе дѣйствуютъ гибельно на здоровье, то вымираніе ихъ могло бы быть пріостановлено. Но до тѣхъ поръ, пока они мочатъ свой маисъ въ источникахъ и поѣдаютъ его уже гнилымъ вмѣстѣ съ кусками сушеной акулы, — пища, отъ которой бѣлый сразу заболѣваетъ; пока они ходятъ то въ цѣльныхъ костюмахъ, то въ разодранныхъ плащахъ и толпятся въ огромномъ количествѣ въ душной хижинѣ, гдѣ страшно накурено; пока они сидятъ около покойниковъ во все время устраиваемыхъ въ честь ихъ праздниковъ и не умѣютъ орошать своихъ полей, — до тѣхъ поръ раса ихъ не перестанетъ вымирать. Есть, однако, надежда на лучшее будущее. Маорійцы обращаютъ теперь больше вниманія на воспитаніе дѣтей. Въ школахъ ихъ насчитываютъ до 3.000, и иногда дѣти посѣщаютъ школу очень правильно.

Странное впечатлѣніе производятъ эти дѣти, темноглазыя, живыя и коричневыя, которымъ какъ будто особенно неудобно сидѣть на своихъ деревянныхъ скамейкахъ.

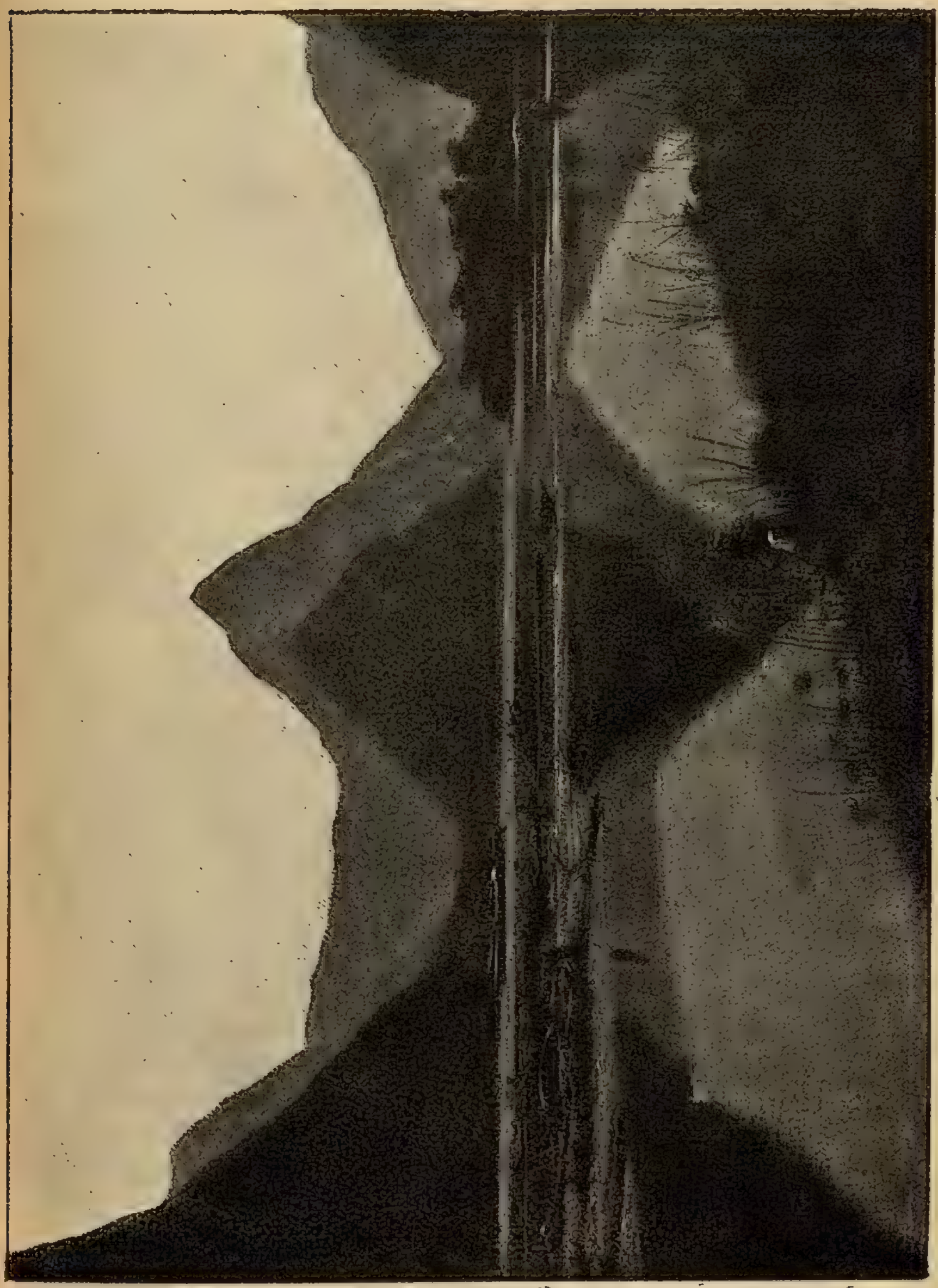
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство преобразовало туземныя школы, ввело уроки гигіены, демонстрируемые при помощи волшебнаго фонаря, и позво-

лило мѣстнымъ туземнымъ комитетамъ привлекать къ суду тѣхъ изъ родителей, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школу. Съ тѣхъ поръ число учениковъ возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился и интересъ къ ученію. Образованные маорійцы начинаютъ сознавать причины грустной участи своего народа, и, быть-можетъ, недовольство своимъ положеніемъ послужитъ для нихъ залогомъ лучшаго будущаго.

Вѣрованія и нравы. Изъ миѳологіи маорійцевъ.

Маорійцы представляли себѣ, что вселенная состоитъ изъ трехъ частей—изъ Неба, которое надъ нами, изъ Земли, которая подъ нами, и изъ царства Мрака, которое находится подъ землею. Души вождей и жрецовъ возвращаются послѣ смерти къ Ранги, т.-е. къ Небу, такъ какъ отъ Ранги на землю пришли нѣкогда ихъ предки, боги, отцы героевъ. Души простыхъ смертныхъ не попадаютъ въ мѣста столь возвышенныя и свѣтлыя. Они не могутъ и надѣяться подняться на десятое небо, жилище Регуа, бога любви и доброты, которому служатъ безчисленное множество людей. Регуа—глубокій старикъ, съ развѣвающимися волосами. Изъ-подъ рукъ его исходятъ молніи. Могущество его велико. Больные, слѣпые и несчастные могутъ обращаться къ нему съ молитвою.

Простые маорійцы послѣ смерти попадаютъ не въ царство свѣта, или Ао, а въ подземный міръ По, или мракъ. Какъ только смолкаетъ похоронное пѣніе, и душа покидаетъ тѣло, она отправляется въ далекій путь. На самой сѣверной оконечности Новой Зеландіи находится Мури Венуа, или конецъ свѣта. Сюда направляются души умершихъ, останавливаясь отъ вре-



Фіодоръ Мильфордъ.

мени до времени на вершинахъ холмовъ, чтобы снять съ себя зеленые листья, которыми украсили ихъ плакальщики. По дорогѣ, во время остановокъ, замѣшкавшіяся души завязываютъ узлы на лентообразныхъ листьяхъ льна. Когда души приблизятся къ своему будущему жилищу, наступаетъ мертвая тишина. Водопады перестаютъ шумѣть, умолкаетъ морской прибой и шопотъ листьевъ...

Въ царствѣ душъ, на краю большого утеса, стоитъ одинокое дерево съ коричневыми широко раскинутыми вѣтвями, темными листьями и красными цвѣтами. Одинъ изъ его корней свѣшивается вдоль утеса и доходитъ до трещины, окаймленной водорослями. Остановившись здѣсь на мгновеніе, души мертвыхъ поютъ прощальную пѣснь людямъ и въ послѣдній разъ танцуютъ военный танецъ. Дикіе вопли невидимыхъ танцоровъ сливаются съ лаемъ ихъ собакъ. Затѣмъ души соскальзываютъ по корнямъ и исчезаютъ въ расщелинѣ. Въ глубинѣ ея находится рѣка, которая протекаетъ среди песчаныхъ береговъ. Всѣ должны переѣхать чрезъ нее. Перевозитъ ихъ не мужчина, а женщина, по имени Рохе. Всякая перевезенная ею душа, которая вкусила предложенной ей пищи на новомъ берегу, обречена на жизнь въ подземномъ царствѣ. Если же она откажется отъ пищи, то возвращается въ свое тѣло, которое оживаетъ.

Подобно тому, какъ на небѣ существуютъ различныя степени высоты, въ подземномъ царствѣ—различныя степени глубины. Въ самой нижней изъ нихъ души теряютъ самосознаніе, обращаются въ червей и умираютъ.

У маорійцевъ существуетъ множество подобныхъ разсказовъ.

Такъ какъ маорійцы совершенно не умѣли писать и рисовать, то можно удивляться ихъ громаднымъ познаніямъ въ этой области и тому колоссальному развитію памяти, которое для этого нужно и которое достигается лишь путемъ постояннаго упражненія. Особенно старательно заботились о передачѣ этихъ знаній отъ отца къ сыну въ жреческихъ семействахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Зеландіи, существовали священныя школы. Эти школы строились жрецами, были обращены на востокъ, и приближаться къ нимъ могли только прошедшіе чрезъ обрядъ очищенія. Онѣ освящались принесеніемъ въ жертву собаки или человѣка. Обученіе продолжалось осенью и зимою въ теченіе пяти лѣтъ и велось по вечерамъ, съ момента заката солнца и до полуночи. Въ зданіе допускалась лишь одна женщина, пожилая жрица, для произнесенія заклинаній. Никто не смѣлъ спать или ѣсть въ школѣ, и если ученику случалось заснуть во время ученья, его немедленно выталкивали изъ школы и ожидали, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же умретъ, что, безъ сомнѣнія, часто и случалось. Чтобы заставить ученика дословно запомнить всѣ сказанія, приходилось прибѣгать къ невѣроятнымъ ухищреніямъ. Иногда въ теченіе цѣлаго мѣсяца заучивался все одинъ и тотъ же миѳъ. Мальчиковъ обучали всѣмъ хитростямъ колдовства, такъ что они дѣлались тонкими физіономистами, чревовѣщателями и, быть-можетъ, иногда гипнотизерами.

Знанія учениковъ провѣрялись публично. Отъ хорошей памяти и умѣнья колдовать зависѣла вся ихъ дальнѣйшая судьба. Стоило человѣку, прославившемуся колдовствомъ, ошибиться нѣсколько разъ, его уже презирали и обращались съ нимъ пренебрежительно.

Маорійцы не только вѣрили во многихъ боговъ, добрыхъ и злыхъ, не только олицетворяли въ нихъ из-

вѣстныя силы природы, но думали, что они интересуются дѣлами людей и съ самой высокой части неба могутъ видѣть и слышать то, что происходитъ на землѣ. Они вѣрили въ сны, чары, предзнаменованія, боялись злыхъ духовъ и привидѣній. Поэтому никакъ нельзя сказать, чтобы религія маорійцевъ была чисто земная. Вѣра въ зависимость отъ духовныхъ силъ выразилась всего ярче въ обычаѣ «табу».

Кто нарушалъ законъ «табу», наказывался не только тѣмъ, что всѣ избѣгали провинившагося и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разоряли его имущество. Сами боги мстили ему и такъ или иначе нападали на него, вѣроятно, поселяясь въ немъ въ видѣ злого духа, который глодалъ тѣло его своими острыми зубами до самой смерти. Люди, боявшіеся этого возмездія такъ сильно, что умирали отъ страха, конечно, вѣрили въ высшій порядокъ вещей.

Неприкосновенными считались поля зрѣющихъ бататовъ и тѣ, кто на нихъ работалъ. Священными же считались могилы и кости умершихъ. Однажды, во время путешествія, одинъ человѣкъ поднялъ человѣческій черепъ, который, вслѣдствіе оползня, лежалъ непокрытымъ землею; всѣ немедленно отшатнулись отъ несчастнаго; знакомые, друзья, домочадцы избѣгали его, какъ прокаженнаго. Чтобы очиститься и быть снова принятымъ въ общество приличныхъ маорійцевъ, онъ долженъ былъ уничтожить свою одежду и домашнюю утварь и покинуть свой очагъ. Такимъ образомъ, благодаря грубому, непонятному для насъ суевѣрію, охранялось уваженіе къ мертвымъ, и люди предохранялись отъ заразы. Могильщики и носильщики мертвыхъ считались «табу» и жили, какъ отверженные, совершенно отдѣльно.

Смерть въ глазахъ маори не была великимъ уравнителемъ, какъ у насъ. И подобно тому, какъ судьба душъ вождя и простого смертнаго были различны. различно было и обращеніе съ ихъ тѣлами.

На смерть простого человѣка обращали такъ же мало вниманія, какъ на смерть собаки. Даже людей свободныхъ, если они были не знатнаго рода, просто зарывали въ землю въ сидячемъ положеніи и забывали о нихъ. Но смерть прославленнаго и знатнаго вождя, пользовавшагося всеобщимъ почетомъ при жизни дѣлалась предметомъ національнаго траура. Друзья усаживались вокругъ трупа съ вѣнками изъ зеленыхъ листьевъ на головѣ и жалобно кричали: «Ауэ, ауэ!» или же молча слушали похоронную пѣснь, сложенную въ честь покойника. Женщины дѣлали себѣ надрѣзы на кожѣ острыми морскими раковинами или кусками застывшей лавы, пока изъ нихъ не текла кровь. Тѣлу умершаго придавали сидячее положеніе, украшали его цвѣтами, красной охрой и наряжали въ лучшія одежды. Перья альбатроса торчали въ его волосахъ, оружіе лежало рядомъ съ нимъ. Всѣ присутствующіе вторили завыванію и въ надлежащій моментъ проливали настоящія слезы,—талантъ, которымъ обладали всѣ благовоспитанные маорійцы. Затѣмъ слѣдовало большое пиршество. Часто жены умершихъ лишали себя жизни отъ горя и отчаянья; иногда приносили въ жертву одного изъ рабовъ. Душа покойника поднималась въ высь, и, быть-можетъ, съ этого дня та или другая звѣзда становилась его окомъ, которое свѣтило людямъ и наблюдало за своимъ племенемъ. Татуированная голова умершаго обыкновенно бережно сохранялась—пряталась въ какое-нибудь потайное мѣсто и выносилась жрецами къ народу въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Тѣло, положенное въ гробъ, похожій на

лодку, на время клалось на помостъ или въ дупло дерева, чтобы оно высохло. Послѣ опредѣленнаго срока съ костей соскабливали мясо и прятали ихъ въ расщелинахъ или трещинахъ, извѣстныхъ лишь немногимъ избраннымъ. Иногда ихъ сбрасывали съ высоты горъ въ темныя пропасти. До сихъ поръ путешественнику по Новой Зеландіи, взбирающемуся на какую-нибудь вершину горъ, указываютъ на такія недосягаемыя мѣста успокоенія знаменитыхъ вождей.

Но, гдѣ бы ни лежали кости воиновъ, онѣ всегда въ полной безопасности: законъ «табу» и тайна мѣста ихъ погребенія вполнѣ обезпечивали ихъ неприкосновенность. Маоріійцы до сихъ поръ еще никогда не продаютъ такихъ участковъ земли, гдѣ скрыты кости, и горе тому человѣку, который, не зная обычаевъ страны, вступитъ въ переговоры о продажѣ такой земли! Онъ подвергаетъ свою жизнь большому риску.

Совсѣмъ иначе поступали съ тѣми вождями, которые имѣли несчастье пасть въ бою или попали въ плѣнъ, были убиты и затѣмъ съѣдены. Головы ихъ втыкали на колья деревенскаго забора и служили мишенью для всякихъ безобразій, а въ послѣднее время продавались иностранцамъ. Ихъ кости можно было употреблять на приготовленіе флейтъ и крючковъ для удочекъ, такъ какъ рыба въ этомъ случаѣ клевала всего лучше. Ихъ души были обречены спускаться все ниже и ниже въ царство мрака, пока, наконецъ, достигнувъ самой нижней бездны, онѣ не обращались въ ничто, принявъ сначала образъ червя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Австралія	5
Открытіе материка	6
Путешествіе Кука	9
Путешествіе поперекъ материка	14
Угасшіе вулканы Австраліи	19
Въ Голубыхъ горахъ	20
Пустыня и страна столбовъ	23
Остатки стараго материка	25
Морской прибой у Большого Барьернаго рифа	26
Рѣки Австраліи	28
Разливъ австралійской рѣки	31
Озера Австраліи	34
Австралійскій лѣсъ полосы дождей	36
Скрубъ	39
Въ поискахъ воды	41
Картины австралійскихъ пустынь	41
Саванные лѣса Австраліи	45
Фрукты и овощи Квинсленда	48
Утконосъ и ехидна	50
Кенгуру	53
Эму	55
Какаду	57
Австралійцы	60
Образъ жизни австралійцевъ	61
Обѣдъ дикаря	66
Рыбная ловля	68
Охота на кенгуру	69
Охота на опоссума	71

	Стр.
Картины изъ жизни дикарей	73
Оружіе австралійцевъ	75
Пути сообщенія у первобытныхъ народовъ	83
Средства сношеній у первобытныхъ народовъ	84
Промыслы австралійцевъ	—
Торговля и деньги австралійцевъ	85
Украшенія тѣла	88
Прическа и одежда	92
Рисунки и знаки собственности	96
Живопись и скульптура австралійцевъ	99
Корроборри	102
Борбоби	105
Театральное представленіе у австралійцевъ	109
Умственная жизнь австралійцевъ	111
Вѣрованія австралійцевъ	112
Бесѣда съ людоѣдомъ	113
Исторія тасманійцевъ	116
Вліяніе австралійской природы на бытъ человѣка	117
Начало австралійскихъ колоній	120
Проложеніе телеграфной линіи черезъ пустыню	123
Верблюды въ австралійской пустынѣ	125
Сахарныя плантаціи въ Квинслендѣ	126
Овцеводство въ Австраліи	127
Добываніе золота	131
Мельбурнъ	136
Сидней	138
Аделаида	140
Перть	141
Водопроводы въ Австраліи	146
Подвигъ Миклухи Маклая	148
Природа Новой Гвинеи	155
Папуасы и меланезійцы	157
Гончарное дѣло въ Новой Гвинеѣ	162
Ново-гвинейскій храмъ	163
Ново-гвинейская могила	166
Новая Каледонія	168
Земля императора Вильгельма, архипелагъ Бисмарка	171
Хижины на деревьяхъ на Соломоновыхъ островахъ	176
У людоѣдовъ	179
Острова Фиджи	182

	Стр.
Ямсъ, таро и банань на островахъ Фиджи	190
Оружіе меланезійцевъ	196
Торговля и деньги у маланезійцевъ	199
Таити	201
Рыбная ловля на островѣ Таити	212
Ловля жемчужницъ	215
Хлѣбное дерево	216
Самоа	220
Самоанскій лѣсъ	228
Кокосовая пальма на островахъ Самоа	230
Гаваи	233
Гонолулу	239
Промышленность Гавайскихъ острововъ	241
Огненное озеро	248
Изъ путешествій Кука	254
Оружія и орудія полинезійцевъ	257
Украшеніе и одежда полинезійцевъ	259
Приготовленіе ткани „тапа“	—
Распредѣленіе труда у полинезійцевъ и микронезійцевъ	261
Табу	263
Миѳологія полинезійцевъ	264
Въ странѣ гейзеровъ	268
Лѣсъ въ Новой Зеландіи	274
Каури	277
Разведеніе страусовъ	287
Замораживаніе овецъ	291
Маорійцы	293
Изъ миѳологіи маорійцевъ	306

SD468

13.13. K 244-64

Hb 009